

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Вятский государственный гуманитарный университет»

М. И. Ненашев

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Монография

Киров
ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»
2016

УДК 303.2
ББК 60.506
Н51

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Вятского государственного гуманитарного университета*

Рецензенты:

Е. В. Митягина, доктор социологических наук, доцент по кафедре социологии и рекламы ВятГГУ;

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор по кафедре философии ВятГГУ

Ненашев, М. И.

Н51 Методы исследований в качественной социологии : монография / М. И. Ненашев. – Киров : ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2016. – 134 с.

ISBN 978-5-9907969-1-1

В монографии рассматриваются общие идеи качественной социологии, ее методы (наблюдение, интервью, анализ визуальных документов) и виды исследований (этнографическое исследование, кейс-стади, история жизни, история семьи, устная история).

Особое внимание уделено особенностям построения мини-теорий на основе аналитической индукции и обоснованной теории.

Рассчитано на тех, кто занимается методологией общественных наук, социологов-практиков, студентов, преподавателей социологии.

УДК 303.2
ББК 60.506

ISBN 978-5-9907969-1-1

© Вятский государственный
гуманитарный университет
(ВятГГУ), 2016
© Ненашев М. И., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ИДЕИ КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ	
1. Вводные замечания. Идея двух социологий.....	5
2. К истории идей качественной социологии	8
ГЛАВА 2. МЕТОДЫ КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ	
1. Исследователь и сообщество	12
2. Наблюдение	15
3. Глубинное интервью	22
4. Анализ визуальных документов	25
ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
1. Этнографическое исследование.....	30
2. Кейс-стади.....	36
3. История жизни.....	40
4. История семьи	48
5. Устная история.....	56
ГЛАВА 4. ПОСТРОЕНИЕ МИНИ-ТЕОРИИ НА ОСНОВЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНДУКЦИИ	
1. Определение критической массы текстового материала.....	72
2. Аналитическая индукция, неустранимость внеэмпирических допущений.....	74
3. От эмпирического материала – к категориям	78
4. Субкатегории и кластеры. Построение мини-теории на основе одного глубинного интервью	84
5. Построение мини-теории на основе совокупности глубинных интервью ..	89
ГЛАВА 5. ОБОСНОВАННАЯ ТЕОРИЯ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ	
1. Общие идеи обоснованной теории. Теоретическая чувствительность и техника постановки вопросов.....	97
2. Этап открытого кодирования. Количественный анализ данных	103
3. Осевое кодирование. Построение каузальной модели	110
4. Избирательное кодирование. Момент вариативности теории.....	114
5. Опыт анализа глубинного интервью методом обоснованной теории.....	118
6. Интервью Валентины Петровны Безденежных	125

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография сначала задумывалась как один из разделов учебного пособия под условным названием «Методы социологических исследований в количественной и качественной социологии».

Но выяснилось, что изложение методов качественной социологии предполагает гораздо большее внимание теоретической составляющей в отличие от количественной социологии, которая, в силу ее большей разработанности, уже не требует ощутимых теоретических отступлений. Хотя, разумеется, при желании и по таким вопросам, как построение анкеты, или формирование выборки, или определение коэффициента связи между порядковыми переменными, можно писать монографии и даже защищать диссертации.

А вот описание истории семьи как вида исследования в качественной социологии неизбежно должно опираться на такие понятия, как супружеская семья, габитус, бифуркация; и очевидно, что эти понятия нуждаются в расшифровке. Изложение особенностей наблюдения можно построить лишь при опоре на теорию типизации Альфреда Шюца, а разъяснение обоснованной теории требует обращения к понятию феномена, разработанного в философии Эдмунда Гуссерля. И т. д.

В результате были подготовлены две самостоятельные книги. Одна – по методам исследования в количественной социологии – в виде учебного пособия¹. Другая – по методам исследования в качественной социологии – в виде научной монографии. Эта вторая книга и предлагается для знакомства вдумчивому читателю.

---

¹ См.: Ненашев М. И. Методы исследований в количественной социологии: учеб. пособие для студ. спец. «Социология». Киров: Изд-во ООО, «Радуга-Пресс», 2016.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ИДЕИ КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

1. Вводные замечания. Идея двух социологий.
2. К истории идей качественной социологии.

1. Вводные замечания. Идея двух социологий

В литературе различаются с различной степенью противопоставления количественная и качественная социологии. Качественная – не в смысле лучше качеством, как подсказывает здравый смысл. Эту социологию называют также субъективной. Но это не означает субъективность в том смысле, когда говорят: это только ваше субъективное мнение. Эту социологию называют также интерпретативной социологией. От слова «интерпретация», или осмысление, или истолкование. Качественная социологии отличается от социологии, которую называют количественной, или объективной, или структурной. В чем состоит отличие?

При методах количественной социологии опираются на законы больших чисел, в ней исчезают конкретные личности, но имеют дело с пачками анкет, таблицами, графиками, коэффициентами связи, абстрактными каузальными моделями.

Допустим, что опрос 2500 респондентов позволил выяснить, что люди, имеющие загородные дома, как правило, имеют и автомобили и эта связь выражается коэффициентом корреляции 0,7. Но методы количественной социологии не позволяют узнать, почему люди, имеющие дома и машины, которым, следовательно, по карману купить на рынке сколько угодно овощей, вручную с усердием выращивают в своих садах и огородах эти овощи, принимая таблетки от повышенного давления. И главное, не узнаем, какой смысл они придают своим садам и огородам, а также своим машинам, стоимость и ремонт которых гораздо выше расходов на такси, чтобы ездить в эти сады и вообще куда угодно.

И вот здесь выясняется, что нужно вводить категорию *свободы*. Оказывается важно, чтобы *сам* вот этот конкретный Петров решал, куда и когда ехать, а также чтобы *самому* выращивать то, что попадает ему на стол. Для понимания этой стороны дела – свободного поведения – необходимо обращаться не к законам больших чисел, а к внутреннему миру людей, к тем смыслам, которые люди придают своим действиям. Здесь нужна другая социология, которую мы выше назвали качественной.

Количественная социология изучает поведение больших масс людей, в ней государство, отношения собственности, традиции, язык, классы воспринимаются как объективная данность, направляющая поведение людей. Или, по Дюркгейму, в качестве надындивидуальных принудительных социальных фактов. В литературе такой подход называется еще *структурной* парадигмой.

Качественная социология изучает повседневную жизнь конкретных личностей. Государство, классы и т. п. рассматриваются как абстракции, позволяющие регулировать отношения между большими массами людей. В литературе такой подход называют *интерпретативной* парадигмой.

Оба подхода можно рассмотреть на понимании такого явления, как семья. Что такое семья Николаевых? С точки зрения первого подхода – это объективная реальность, превращающая мужчину в мужа, а женщину – в жену и вынуждающая их выполнять определенные функции и роли. То есть семья – это социальный факт, надындивидуальное явление. С точки зрения второго подхода семья – это мужчина и женщина, *решившие* соединить свои уникальные биографии в качестве мужа и жены. Семья – это когда два человека согласились стариться на глазах друг друга.

За двумя подходами в социологии стоят различные методы изучения общественных явлений. Выразим это различие в виде табл. 1.1.¹

Таблица 1.1

Количественный подход	Качественный подход
Предмет анализа	
Большие социальные группы	Субъективные миры небольших сообществ
Цели исследования	
Описание объекта в контексте общих закономерностей	Понимание наблюдаемого как единства разнородных элементов
Теоретическая основа	
Метод дедукции: от абстракций – к фактам путем операционализации понятий. Описание связей между количественными показателями	Метод индукции: от наблюдений и рассказов о жизни – к концепциям. Описание событий

Качественный подход уместен там, где изучаются конкретный опыт, человеческие переживания и необходимо понимание смыслов. Здесь используются неформализованные методы сбора данных (свободное интервью, нестандартизированное наблюдение, анализ документов жизни, в том числе визуальных: фото, видеозаписи), обращение к живой речи индивидов и свободный язык в изложении результатов. Предполагается контакт с респондентом в привычной для него обстановке.

Количественный подход применим при высоком уровне абстрагирования, это взгляд, так сказать, с птичьего полета. Здесь опираются на предварительные гипотезы и заранее разработанные схемы анализа; изучаются статистически значимые связи между переменными через коэффициенты корреляции. Но этот подход позволяет обнаружить лишь то, что уже было заложено

¹ Идея таблицы заимствована из: Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. Гл. 1.

жено в исходную гипотезу, в готовые вопросники. Поэтому можно промахнуться мимо непредусмотренных гипотезой явлений, чего-то нового.

Качественный подход используется при изучении нетипичных или новых явлений в общественной жизни, когда трудно заранее очертить то, что ищешь, и приходится опираться на интуицию.

Пример ситуации. В начале 90-х годов начали возникать новые формы трудовой занятости: официально человек, например, служит военным, но параллельно подрабатывает в фирме охранником, получая в качестве заработка часть ее прибыли. И оказалось, что в этой новой ситуации очень трудно предусмотреть в анкете все варианты ответов на вопрос о трудовой занятости и их проанализировать.

Но у качественного подхода имеется, как считается, уязвимое место. Выводы, полученные на основе одних отдельных случаев, могут оказаться недействительными для других, даже сходных случаев. То есть возникает вопрос, насколько воспроизводимы результаты исследования. Другой исследователь, опираясь на эти же методы, может получить другие результаты в сходной ситуации.

Но и в количественной социологии существуют свои проблемы. Можно получить статистически значимые коэффициенты корреляции, но остается вопрос, какое отношение эти коэффициенты имеют к тому, чем *реально* живут люди.

Пример. В 30–40-х годах прошлого столетия в СССР инженерные работники часто меняли место работы и наблюдался их должностной рост. Ограничившись только количественными показателями и коэффициентами корреляции, можно было сделать вывод, что советская власть создала условия для неслыханного развития талантов инженерных работников и их продвижения по службе.

Но интервью с детьми таких работников обнаружили неожиданные вещи. Одни инженеры были выходцами из дореволюционной интеллигенции, эти люди часто репрессировались, поэтому им приходилось менять место работы, чтобы спасти себя и свою семью. Дочь одного из таких работников рассказала, что ее отец каким-то чутьем чувствовал, что скоро начнутся аресты, заблаговременно увольнялся и переезжал на новую стройку в другом районе страны. Потом они узнавали, что действительно на прежнем месте работы всех его сослуживцев репрессировали. И так повторялось несколько раз, пока ее отец не дорос в 50-х годах до крупного работника министерства, а репрессии прекратились.

Другой работник был выходцем из крестьян, поэтому с социальным происхождением у него было все в порядке, он каждый раз занимал освободившееся место и тоже дорос до министерского работника. Потом их дети поженились и их родители стали сватами¹.

---

¹ Пример заимствован из: Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманитарную социологию. М.: Добросвет, 1998. Гл. 7.

Количественный подход, таким образом, упустил за вроде бы одинаковым карьерным ростом совершенно разные причины этого роста. Но самое главное – он не позволял понять, что реально происходило в стране в тот период.

2. К истории идей качественной социологии

Итак, под социологическим исследованием часто понимается раздача, а потом сбор заполненных анкет, их обсчет и составление таблиц. На основании этих таблиц и математических формул разного уровня сложности отыскиваются статистически значимые связи. Вернемся к примеру о том, что те, кто имеет загородный дом, как правило, имеют и автомобили. А те, кто имеет автомобили, как правило, обладают загородными домами. Это позволяет *сосредоточиться* на корреляции между переменными «те, кто имеет автомобиль» и «те, кто имеет загородный дом».

Но в таком случае выпадут из поля зрения *остальные*: например, те, которые имеют дом за городом, но не имеют автомобиля. Однако в том типе исследования, которые мы назвали качественной социологией, заинтересуются также и этими остальными, даже если они составляют статистически незначимые проценты.

И вот когда начинают ближе знакомиться с остальными – через наблюдение и свободные интервью без заранее подготовленных вопросников и вариантов ответов, то открывается особый сорт людей, воспринимающих мир и себя иначе, чем те, кто имеет загородный дом и автомобиль. Эти остальные тоже делятся на свое большинство и «остальных», а новые «остальные» рассыпаются снова на большинство и «остальных». В результате общество предстает как пестрое собрание отличных друг от друга носителей лишь частично пересекающихся субъективных картин мира. И выяснится, что социальная реальность не является одной на всех. На самом деле социальная реальность фрагментарна и гетерономна¹, она складывается в мозаику жизненных миров² сравнительно небольших сообществ. Каждое из этих сообществ строит собственный взгляд на мир с определенными смыслами и ценностями. Жизнь этих сообществ может протекать совершенно параллельно тому громадьё планов государства и исторических свершений, о которых непрерывно вещает телевизор.

Эту социологию, описывающую общество как разноголосицу точек зрения и мировосприятий, часто называют феноменологической. Имеется в виду связь с таким философским направлением, как феноменология, основанном Эдмундом Гуссерлем в начале прошлого века. Однако идеи социоло-

---

¹ Гетерономия, от греч. heteros – иной и nomos – закон.

² Жизненный мир – понятие феноменологии Эдмунда Гуссерля. Речь идет о повседневном мире человека, который дан ему до всякой науки как нечто несомненное и очевидное.

логии, которую мы сейчас называли феноменологической, возникли раньше самой феноменологии. В целом они связаны с такими именами, как Вильгельм Дильтей, Георг Зиммель, Макс Вебер, Джордж Герберт Мид, Альфред Шюц, Эрвин Гофман, Гарольд Гарфинкель, Питер Людвиг Бергер, Томас Лукманн. Дадим краткий очерк идей этой социологии.

Количественная социология видит мир как единое целое, подчиняющееся разумным закономерностям, и понимает индивидуальное, исходя из общего.

И действительно, мужчина и женщина начинают встречаться не случайным образом, а потому что принадлежат соответствующим большим популярным группам. Можно конкретизировать: пусть в нашем случае идет речь о женатом мужчине и незамужней молодой женщине. В результате мы получим более точный предполагаемый сценарий поведения и перспектив их отношений. Можно провести дальнейшие уточнения: принять во внимание психологические типы персонажей и психотравмы, перенесенные в детстве¹, социальное происхождение и национальные традиции, уровни образованности, учесть типы семей, в которых выросли персонажи, и, в конечном счете, мы получим почти исчерпывающий рисунок поведения нашей пары.

Но именно – *почти*. Какие уточнения мы бы ни вносили, а список их в принципе может быть бесконечным, тем не менее останется зазор между реальным поведением двух *свободных* индивидов и тем, что можно дедуцировать из всей совокупности общих структур. Зазор, который принципиально нельзя устранить, так сказать, дожать, вводя все новые и новые уточнения, исходя из общих соображений.

Поэтому Георг Зиммель предлагает исследовать *фактические* отношения между индивидами. Он выдвигает положение, что человек в своих действиях определен тем, что живет во взаимодействии с другими конкретными людьми. Это реальное взаимодействие конкретных индивидуумов и составляет общество. Ценности и нормы, на которые ориентируются люди, не заданы заранее, но производятся самими людьми в ходе их собственной деятельности, эти ценности реальны лишь для конкретного времени и конкретного места. Этот подход заложил основу социологии, исследующей общество уже не с высоты птичьего полета, как некоторое структурированное целое, но с точки зрения реальных взаимосвязей вот этих конкретных индивидуумов.

Джордж Герберт Мид пишет о том, что образ, который индивид строит относительно себя, есть процесс. Индивид видит себя глазами других, образуя на основе своих меняющихся реакций на действия этих других образ самого себя. Поэтому наше собственное прошлое не является окончательным, но задним числом истолковывается и переистолковывается в зависимости от обстоятельств. Рассказывая о своей жизни, люди обращаются с собственным прошлым как с текстом, который каждый раз переписывается заново.

---

¹ Вспомним Зигмунда Фрейда.

Здравый смысл заставляет нас считать, будто прошлое неподвижно и постоянно. Событие однажды случилось и осталось в своей неизменности в прошлом. На самом деле прошлое остается существовать в виде памяти, которая податлива и текуча, память постоянно дает новые объяснения случившемуся. Тем самым мы все время меняем собственную биографию, иногда самым неожиданным образом. Поэтому наше прошлое непредсказуемо.

Процитируем Питера Бергера: «Мы идем по жизни, перекраивая календарь своих святых дней, снова и снова возводя и разрушая дорожные столбы – вехи времени – на нашем пути к постоянно обновляющимся целям. И нет таких чар, которые новая путеводная звезда не смогла бы развеять. ...Верующий муж выстраивает свои прошлые любовные романы как восходящую линию с кульминацией в браке; а только что получившая развод жена переосмысливает свой брак таким образом, чтобы каждая стадия жизни в браке могла служить объяснением окончательного разрыва»¹.

Эдмунд Гуссерль установил, что мы имеем дело не с миром самим по себе, но с миром, с которым устанавливается связь человека в его сознании. Этот мир открыт нам без вопросов, это – само собой разумеющийся мир смыслового опыта. Гуссерль назвал его жизненным миром. Жизненный мир прост, самопонятен и не нуждается ни в каких дальнейших объяснениях.

В то же время жизненный мир одновременно есть продукт деятельности индивидов. То, что является значимым для нас в этом мире, определяется индивидуальной историей нашего сознания. Поэтому не любые, но лишь определенные переживания оформляются в жизненный опыт индивида. Пересечение различных жизненных опытов индивидов формирует совместную реальность для данных индивидов и данного момента времени.

И все же почему мы уверены, что вполне понимаем друг друга в повседневном общении при всем различии наших жизненных опытов? Дело в том, что вырабатываются так называемые *фоновые правила*, выполнение которых позволяет понимать других, и знать, что другие понимают меня. Эти правила используются машинально и неосознанно, но дают возможность вести общие дела. Любые отклонения от этих фоновых правил нарушают взаимопонимание и вызывают немедленные попытки восстановить нормальное положение дел.

Для выявления этих фоновых правил Гарольд Гарфинкель в порядке эксперимента просил студентов вести себя дома так, как будто они квартиранты². Отчеты студентов о результатах эксперимента полны упоминаниями о замешательстве, шоке, беспокойстве, раздражении и гневe членов семьи, а также о самых разных обвинениях в свой адрес: в нечестности, отсутствии сочувствия, эгоизме, невежливости. Члены семьи требовали объяснений: Что на тебя нашло? Тебя что, выгнали? Ты не заболел? Что это ты так развоображался?

---

¹ Бергер П. Л. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., АСПЕНТ ПРЕСС, 1996. С. 60–61.

² Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. 2002.

Один из студентов разозлил свою мать, спросив в присутствии ее друзей, не будет ли она возражать, если он возьмет что-нибудь в холодильнике перекусить. «Не буду ли я возражать? Ты тут годами перекусывал, не спрашивая у меня разрешения. Что на тебя нашло?» Одна из матерей, разъяренная тем, что дочь говорила с ней только тогда, когда к ней обращались, разразилась обвинениями в неуважительном и непочтительном поведении, а отец отругал дочь за то, что она ведет себя как испорченный ребенок. В другой семье решили, что дочь что-то «чересчур мила» и, значит, ей, несомненно, что-то нужно, а что именно, скоро выяснится. Таким образом, проблема была решена преобразованием ее в нечто понятное.

Обратим внимание на то, что, как только обнаруживается нарушение фоновых правил, до этого не осознаваемых, начинаются попытки вернуть ситуацию в нормальное русло. Неосознаваемые правила нормального общения можно сравнить с течением реки, которое не ощущаешь, пока не начинаешь ему сопротивляться.

Гарфинкель провел эксперимент, показавший, что люди стремятся внести порядок даже в заведомо бессмысленные ситуации. Студентов просили описать свою личную проблему «консультанту», который находился в другом помещении, а затем задать ему 10 вопросов, на которые тот отвечал лишь словами «да» или «нет», очередность которых определялись таблицей случайных чисел, то есть совершенно произвольно. Выяснилось, что неожиданным и даже противоречивым ответам консультанта студенты приписывали некий глубокий смысл. Оказывается, люди не способны выдерживать мир в состоянии беспорядка. Поэтому и решают, например, что дочь «чересчур мила», раз ведет себя странно, и ей, несомненно, что-то нужно. Тем самым ситуация приводится «в порядок», т. е. становится понятной.

Представим, что в автобус вошел человек, который начинает препираться с кондуктором из-за цены за проезд, попытается поудобнее устроиться у пассажиров на коленях и ущипнуть за щечку женщину, у которой руки заняты тяжелыми сумками. Понятно, что и здесь соответствующими действиями, возможно, при помощи вызванных по телефону омоновцев и врача-психиатра ситуация будет быстро приведена в соответствие с фоновыми правилами поведения, которые приняты в общественном транспорте. Фоновые в том смысле, что требование, например, не сидеть на коленях у пассажиров, пусть и не указано в списке правил поведения пассажиров в автобусе, но подразумевается как нечто само собой разумеющееся.

Качественная социология критиковалась за ее якобы необъективность и ненаучность, так как в ней опираются на интуитивные методы, которые трудно формализовать. Поэтому она постепенно была вытеснена обычной, количественной социологией. Но после молодежных революций в европейских странах в 60-х годах прошлого столетия началось возрождение качественных методов, сказался также приход нового поколения исследователей.

В России качественная методология начала развиваться в начале 90-х годов в связи с поворотом к гуманизации общественных наук.

ГЛАВА 2. МЕТОДЫ КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

1. *Исследователь и сообщество.*
2. *Наблюдение.*
3. *Интервью.*
4. *Анализ визуальных документов.*

1. Исследователь и сообщество

В количественном исследовании каждый индивид – один из многих, а в больших выборках индивид выступает единицей наряду с другими единицами. Здесь справедливо выражение: «что тот солдат, что этот»¹.

В качественном исследовании речь идет о сообществах, где каждая личность отличается от другой, выступая носителем конкретной социальной роли. Например, в семье мы видим не просто совокупность индивидов, но – мужа, жену, детей, родителей супругов. В производственном коллективе – бригадира и рядовых работников, которые в свою очередь делятся на старых работников, прибирающих к рукам операции с более высокими расценками, и молодых работников, среди которых можно выделить кормящих матерей и других, которые в свою очередь тоже как-то подразделяются. В криминальной группировке есть пахан, смотрящие, шестерки, боевики, держатели обшача и т. п. То есть в сообществах люди не являются взаимозаменяемыми, но в них существует четкое распределение социальных ролей. В то же время личности, выступая носителями определенных социальных ролей, остаются, если можно так выразиться, живыми людьми со своей психологией, амбициями, устоявшимися стереотипами поведения и др.

И вот здесь исследователь оказывается в двусмысленном положении. В процессе исследования сообщества как совокупности носителей социальных ролей он должен не сливаться с сообществом, но выступать в качестве *постороннего*. Лоуренс Ньюман пишет, что отстраненность помогает исследователю обнаруживать те аспекты среды, которые не осознают сами члены сообщества². А Е. Богданова и О. Ткач пишут о преимуществах не постоянного, но периодического пребывания в поле, потому что «возможность уезжать из сообщества и возвращаться сохраняет возможность открывать новые аспекты исследования, а новый (или увиденный “свежим взглядом”) материал позволяет по-новому отвечать на поставленные ранее вопросы или по-новому их задавать»³.

---

¹ «Что тот солдат, что этот» – название одной из пьес Бертольда Брехта.

² См.: Ньюман Л. Полевое исследование // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 115.

³ Богданова Е., Ткач О. «Назад в поле»: опыт исследования деревенского сообщества // Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле: сб. статей / под ред. В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 113.

Однако, находясь в отстраненной позиции, исследователь может не уловить малозаметные обстоятельства, характеризующие носителей социальных ролей уже в качестве просто людей со всеми их достоинствами и недостатками. А эти малозаметные обстоятельства в своем развитии могут привести к существенным изменениям в жизни сообщества или даже к его распаду. Например, можно не заметить соперничества в семье между невесткой и свекровью, которое «замазывается» для стороннего наблюдателя почтительностью со стороны одной и вежливостью со стороны другой.

Однако излишняя «включенность», позволяя все видеть вживую и быть в курсе деталей, может привести к утере дистанции от происходящего. Ведь простое присутствие внутри сообщества еще не гарантирует *понимания* того, что происходит, можно видеть, но не понимать. Это все равно что смотреть на картину, приблизившись на слишком близкое расстояние: видишь цветные масляные пятна, но исчезают сюжет и композиция.

Да и в качестве исполнителя какой социальной роли исследователь будет выступать в сообществе? Он может, конечно, поработать какое-то время членом производственной бригады, чтобы увидеть жизнь изнутри. Но стать на время членом семьи, или криминальной группировки, или вип-сообщества, или сообщества бомжей – уже проблематично.

Пример: исследователь *в течение нескольких лет* погружался в детали семейной истории. Он стал как бы членом семьи, которому поверялись все тайны, но в результате утратилась способность к отстраненному анализу, переводу личных переживаний на язык формального анализа. И по этическим соображениям он не мог «предать» публичному обсуждению семейные секреты, которые ему доверили члены семьи¹.

Получается, что необходимо каким-то образом совмещать роль стороннего наблюдателя и участника жизни сообщества.

Во многих случаях важно также, чтобы *сами* члены сообщества воспринимали исследователя не *совсем своим*, но видели в нем посредника между собой и так называемым большим миром. В исследовании российских крестьян под руководством Теодора Шанина отмечалось: было впечатление, что все предшествующие годы люди ждали, чтобы наконец к ним пришел кто-то и выслушал. Приход социологов воспринимали как возможность «выговориться»².

Метафорически выражаясь, можно определить отношения между исследователем и исследуемым им сообществом в соответствии с известной формулой христианской догматики: нераздельно, но и неслиянно.

Однако ситуация не является неразрешимой. Нераздельность и в то же время неслиянность обеспечиваются ведением ежедневных дневников и записей того, что было замечено, увидено и понято в ходе общения и наблюдения за жизнью сообщества. Этот труд (кстати, весьма объемный и утоми-

---

¹ См.: Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. Гл. 5. Раздел «Позиция исследователя в поле».

² См. там же.

тельный) по переводу наблюденного в текст является особой составляющей качественного исследования.

Лоуренс Ньюман пишет о том, что исследователь должен выработать ежедневную привычку делать заметки сразу после того, как он покинет поле. Эти заметки могут включать карты, диаграммы, фотографии, интервью, магнитофонные записи, видеокассеты, аналитические заметки (*memos*), предметы, краткие записи и подробные заметки, которые делаются вне поля, по памяти. Само написание заметок влияет на состояние ума исследователя, уровень внимания, условия в поле.

Ньюман отмечает, что написание заметок занимает больше времени, чем пребывание в поле. Это – утомительная, скучная процедура, требующая самодисциплины. Проведенные в поле (в общении с сообществом) 6 часов могут иметь своим результатом одну страницу кратких заметок, 40 страниц записей результатов непосредственного наблюдения, 5 страниц выводов исследователя, 2 страницы методологических, теоретических и личных заметок. Краткие заметки делаются во время нахождения в поле: слова, фразы или рисунки, сделанные незаметно, например на салфетке, и т. п. Они вкрапляются в заметки прямого наблюдения, но не подменяют их.

Подробные записи увиденного и услышанного выстраиваются хронологически с указанием времени и места каждого вхождения в поле. Записываются невербальная коммуникация, тон, скорость, объем речи, жесты и то, что было услышано, с сохранением сленга, неверных заявлений и т. п. В помощь заметкам делаются видео- и магнитофонные записи.

Отдельно записываются заключения исследователя, фиксируются размышления по поводу связей между идеями, строятся гипотезы и развиваются концепции. Так в конечном счете возникает теория¹.

Если речь идет об исследовательской группе, то весь материал – услышанное и увиденное – должен всесторонне проговариваться, и это проговаривание опять же должно увенчаться письменным текстом.

Важно подчеркнуть, что концепции и теории строятся на основе *записанного*, но тем самым уже *отделенного* (отстраненного) от того, что непосредственно наблюдалось. То, что было увиденно и услышано в ходе живого общения, преобразуется в текст, и вот этот текст расчленяется, выстраивается, комбинируется, одним словом, анализируется как нечто вполне самостоятельное. Именно работа с текстами позволяет строить теории. Хотя, разумеется, параллельно исследователь опирается на то, что присутствует в его памяти в виде живых впечатлений и образов, опирается также на знание истории сообщества, официальных документов относительно его жизни и пр.

Ньюман выделяет четыре способа измерения валидности, или проверки на точность полевого исследования: «экологическая валидность», «естественная история», «подтверждение членов группы», «компетентность представления о внутренней жизни группы».

---

¹ См.: Ньюман Л. Полевое исследование // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 116–118.

Экологическая валидность – это степень соответствия реальной жизни сообщества тому, что описано и понято исследователем. Дело в том, что присутствие исследователя и его действия (описание, наблюдение) могут сами по себе привести изменения в жизнь описываемого сообщества. Исследование экологически валидно, если есть уверенность, что события в жизни сообщества произошли бы точно так же без присутствия исследователя.

Естественная история – детальное описание того, как было построено исследование, – действий, допущений, процедур, совершенных исследователем, чтобы их правомерность могли оценить и признать другие исследователи. Проект валиден, если сторонние наблюдатели понимают и принимают действия исследователя.

Подтверждение членов группы. Исследователь знакомит членов сообщества с результатами исследования. И если они признают справедливым описание исследователем их жизненного мира, то исследование валидно. Правда, такой способ проверки на валидность имеет ограничение. Специфичность сообщества, возьмем, к примеру, сообщество бомжей или просто малограмотных людей, может не позволить им полностью понять описание их собственной жизни сторонним наблюдателем.

Компетентность представления о внутренней жизни группы – это способность не члена сообщества (исследователя) эффективно взаимодействовать в качестве его члена или выдающего себя за такового. Если правильно понял жизнь сообщества, то можешь вписаться в нее. Здесь тоже есть ограничения. Дело в том, что невозможно наблюдателю со стороны знать социальные правила для каждой ситуации, многие из них выполняются сообществом интуитивно, как само собой разумеющиеся, например так называемые фоновые правила, по Г. Гарфинкелю. Члены сообщества могут из вежливости не указать наблюдателю на то, что оказалось за чертой его понимания.

Качественная социология использует те же методы, что и количественная социология, но с соответствующими изменениями. В то же время используются неформальные источники и личные документы.

Мы выделим среди методов качественной социологии наблюдение, интервью, анализ визуальных документов. Рассмотрим эти методы по отдельности.

2. Наблюдение

Вообще социологическое наблюдение (в том числе и в количественной социологии) можно определить как непосредственное восприятие мира людей в физическом пространстве и времени для того, чтобы понять *взаимоотношения людей в социальном пространстве*. Или коротко: *познание социального через наблюдение физического*.

Очевидно, что в первом приближении это определение остается в силе также и для качественной социологии. Однако необходимо сделать уточнение, учитывающее цель качественного исследования, а эта цель состоит в

понимании наблюдаемого. В таком случае наблюдение в качественном исследовании можно определить как *понимание социальной жизни сообщества через наблюдение физического*.

Уточним, почему речь теперь идет не о познании, а о понимании. С одной стороны, это вопрос терминологии. Но с другой стороны, употреблением термина «понимание» подчеркивается, что предметом анализа теперь являются субъективные миры небольших сообществ людей, которые (сообщности) самостоятельно устанавливают (конструируют) способ своей жизни и смысл своего существования. Но что же в этих субъективных мирах будет социальным?

Допустим, что мы наблюдаем сцену, когда супруг рассказывает жене, что их сын впервые дотянулся, чтобы опустить монету в счетчик на парковке¹.

Приводится разговор респондента с женой по поводу этого события.

То, что произносилось буквально
1. Муж: Сегодня Дэн сумел опустить монету в счетчик на парковке, причем никто его не поднимал.
2. Жена: Вы вместе заходили в магазин пластинок?
3. Муж: Нет. В мастерскую по ремонту обуви.
4. Жена: Зачем?
5. Муж: Купил новые шнурки для своих ботинок.
6. Жена: Нужно срочно сделать новые набойки на твои мокасины.

Можно обратить внимание на то, что реплики жены определяются не совсем тем, что сообщает муж, но также чем-то иным, и это иное представляет для жены гораздо больший интерес. Истинный смысл сообщаемого проступает постепенно, причем каждый осознает его как сам, так и от имени другого.

Покажем этот процесс осознания.

Что подразумевается параллельно тому, что произносилось буквально
1. Муж: Сегодня, когда я вез нашего четырехлетнего сына Дэна из детского сада домой, он сумел сам дотянуться и опустить монету в счетчик на парковке, хотя прежде его всегда приходилось для этого поднимать.
2. Жена: Если он опускал монету в счетчик, значит, он был с тобой, когда ты останавливался. Я знаю, что обычно ты заезжаешь в магазин пластинок, когда едешь за ним либо на обратном пути. Останавливался ли ты на обратном пути, когда он был с тобой, или когда ехал за ним, а вместе вы заезжали куда-то в другое место?
3. Муж: Я заезжал в магазин пластинок, когда ехал за ним, а на обратном пути мы вместе заехали в обувную мастерскую.
4. Жена: Я знаю одну причину, по которой ты мог бы заехать в мастерскую по ремонту обуви. А что на самом деле заставило тебя это сделать?
5. Муж: Как ты помнишь, я на днях порвал шнурки для своих коричневых полуботинок, так что заехал, чтобы купить новые.
6. Жена: Я думала, что ты заехал туда по другому поводу. Нужно срочно поставить набойки на твои черные мокасины. Хорошо бы тебе сделать это как можно быстрее.

¹ Пример заимствуется из книги: Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. С. 36.

Итак, в данном акте наблюдения можно выделить две стороны. Первая состоит в восприятии сообщения мужа о том, с какой задачей справился их малолетний сын. Вторая сторона состоит в *понимании* того, что ответные реплики-вопросы жены направлены на выяснение некоторого дополнительного обстоятельства, которое не проговаривается явно, но *имеется в виду*: то, что могло заставить мужа по пути заехать в обувную мастерскую. Кстати, не так уж трудно понять, что может иметь в виду жена: например, то, что муж иногда заезжает под разными предлогами в обувную мастерскую, чтобышний раз взглянуть на пышногрудую приемщицу заказов в мастерской.

Обратим внимание на то, что речь идет о разговоре не просто двух людей, но мужа и жены, то есть носителей определенных *социальных ролей* внутри такого сообщества, как семья. Очевидно, что муж и жена являются не только психологическими, но прежде всего социальными субъектами в рамках данной конкретной семьи. Например, когда работница загса торжественно сообщает молодым, что отныне они муж и жена, то ясно, что речь идет о приобретении не столько новых психологических или физических качеств (которые как раз остаются более или менее теми же самими), но прежде всего – новых социальных ролей.

И обратим внимание на то, что подозрения жены, которые направляют ее разговор с мужем, характерны именно для замужней женщины. Хотя в другом случае это могли быть подозрения просто женщины, которая «имеет виды» на данного мужчину, или хорошей знакомой жены, или любовницы. В любом случае речь идет об определенных социальных ролях.

Так как данный разговор мог быть просто подслушан, мы здесь имеем дело с внешним, невключенным наблюдением. Подчеркнем эту сторону дела, так как часто наблюдение в качественной социологии понимают прежде всего в рамках включенного наблюдения.

Таким образом, наблюдение разговора состоит не только в фиксации того, что воспринимается непосредственно, но и в понимании некой социальной ситуации, *непосредственно не воспринимаемой*. Важно подчеркнуть эту двойственность акта наблюдения: воспринимаю (вижу и слышу) непосредственно одно, но одновременно понимаю нечто иное: то, что непосредственно не дано, но имеется в виду.

Согласно представителю качественной социологии Питеру Бергеру, социологический подход можно описать фразами «смотреть сквозь» или «заглядывать за», а также выражениями, которые мы употребляем в повседневной речи: «видеть игру насквозь», «видеть закулисную игру», «понимать, что к чему»¹.

В количественной социологии наблюдение с тем или иным успехом может заменить опросными методами исследования: анкетирование, социометрический опрос, интервью. В качественной социологии речь идет о си-

---

¹ См.: Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект пресс, 1996. С. 35.

туациях, которые трудно или невозможно изучать иными методами. Потому что имеем дело с *внутренней* жизнью небольшого сообщества.

Например, *понимания* того, что «имеется в виду», по сравнению с тем, что непосредственно наблюдается, нельзя добиться посредством интервью с женой, в котором присутствовал бы среди прочих вопрос: что вы имели в виду, когда спросили мужа: «Вы вместе заходили в магазин пластинок?» Потому что она, скорее всего, ответит, что имела в виду именно то, что спросила: «Вместе ли они заходили в магазин пластинок. Что ж тут непонятного?»

Только в акте наблюдения приходится заниматься дополнительно еще и истолкованием того, что непосредственно наблюдаешь. Например, можно увидеть в мимолетном обмене взглядами или в машинальном жесте выражение соперничества, или признательности, или любви, или смертельной ненависти. Но сами обменивающиеся взглядом или совершающие жест необязательно осознают смысл того, что произошло. И уж тем более не сочтут возможным указать это в анкете.

Итак, наблюдение в качественной социологии двухслойно. С одной стороны, есть восприятие того, что происходит *непосредственно* (речь, жесты, телесные движения), с другой стороны, есть акт понимания (истолкования) *смысла* определенной социальной ситуации, который незримо присутствует в том, что происходит непосредственно.

Виды наблюдения. В качественной социологии, как и в количественной, можно различать внешнее, или невключенное, и внутренне, или включенное, наблюдения. Рассмотрим сначала невключенное наблюдение.

Когда мы наблюдаем сообщество или отдельного индивида как представителя сообщества, то воспринимаем зрением, слухом и прочими органами чувств лишь телесную сторону происходящего: взмах руки, поворот головы, перемещение в пространстве, мимику лица, речь как поток звуков. Но истолковываем эту телесную сторону как выражение внутренней социальной жизни: поступков, намерений, действий, связанных, например, с половым влечением, соответствующих чувств. Эту внутреннюю социальную жизнь можно обнаружить, наблюдая поведение людей, в котором они *ориентируются друг на друга*. Большую роль здесь играет понимание поведения других по аналогии с нашим собственным поведением.

Однако проблема состоит в том, что отсутствует гарантия, что в той же самой ситуации другой человек будет мыслить, чувствовать и поступать так же, как мы. Потому что поступки людей, их мысли и желания определяются их уникальными биографиями, а также телесными и психическими особенностями. Пятилетний ребенок поведет себя иначе, чем взрослый человек, в той же самой ситуации. И женщина поведет себя иначе, чем мужчина. Вот за столиком кафе мужчина передает солонку женщине. Для мужчины это всего лишь передача солонки, а женщина почувствует в том, *как* он передал солонку, изменение его отношения к ней.

И все же является фактом, что люди, мысля, чувствуя и ведя себя по-разному, тем не менее *понимают* друг друга и на основе этого понимания

способны учитывать и предвосхищать поведение друг друга. Как правило, и наблюдатель способен верно истолковывать поведение других. Значит, существует некий механизм общения, позволяющий обойти эту, казалось бы, непреодолимую преграду – иметь дело с личностями, выступающими в качестве носителей уникальных внутренних миров.

Этим механизмом является *типизация*: чтобы понять другого, мы воспринимаем его не как уникальную личность, но как *тип*. И чтобы понять ситуацию, которая стоит за непосредственно наблюдаемыми действиями людей, мы определяем ее опять же не как нечто неповторимое, но как *типическую*¹. На этой типизации поведения людей и ситуаций основано внешнее, или невключенное, наблюдение.

Так, на рынке в небольшом сообществе всего из двух человек мы усматриваем типичную ситуацию: видим не неповторимую личность, но продавца (тип, по Шюцу), который, расхваливая свой товар (это то, что наблюдается непосредственно), *имеет в виду* его быстрее и подороже реализовать. А также видим покупателя (другой тип, по Шюцу), который, вслух выражая сомнение в качестве товара (то, что мы снова наблюдаем непосредственно), *имеет в виду* сбить цену товара, чтобы купить его подешевле.

А в другом человеке видим пешехода в типической ситуации успеть перейти улицу на зеленый свет. А вот этот человек с несколько опухшим лицом с утра ищет, у кого бы выпросить на опохмелку, потому что у него «трубы горят». И мы это *понимаем*, хотя человек вроде бы просто идет, постреливая глазами по сторонам.

Усматривая за поведением людей типические ситуации и рассматривая людей как типы, мы унифицируем, или, лучше сказать, стандартизируем, их внутренние миры и их поведение. Теперь, чтобы *понять* вот этого человека, нам достаточно знать, как он *должен* вести себя в качестве типа: продавца, студента, пешехода, замужней женщины. Итак, невключенное наблюдение опирается на восприятие других людей как типов, а самих ситуаций – как типизированных.

Ну а все же – происходит ли наблюдение поведения других как выражения неповторимого, которое касается не продавца и покупателя вообще, мужа и жены вообще и т. п., но уникальных личностей? Оказывается, происходит, но при особом способе общения, который в социологии называется «лицом-к-лицу», а в нашем случае будет определено как *включенное наблюдение*. Здесь наблюдатель и наблюдаемые им персонажи оказываются в общем пространстве, когда непосредственному восприятию одного доступны жесты, походка и выражение лица другого в качестве симптомов или знаков его мыслей и чувств.

---

¹ Мы опираемся на концепцию типизации человеческого поведения Альфреда Шюца. См. его статью «Обыденная и научная интерпретация человеческого действия» в кн.: Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004.

Но главным является пребывание в общем внутреннем времени, которое Анри Бергсон¹ назвал длительностью в противоположность физическому времени, измеряемому равномерным движением стрелок по кругу часового циферблата. Наблюдатель в качестве члена сообщества участвует в жизненном процессе сообщества, он схватывает в живом настоящем ход мыслей других, имеет общие надежды, тревоги и планы на будущее. Его биография и жизненный опыт сплетаются с биографиями и жизненным опытом других. И вот тогда, казалось бы, типичная социальная ситуация раскрывается наблюдателю в своей уникальности, открывается тот опыт свободы, который проживают эти люди, помимо и поверх всего типического, которое может усмотреть и понять наблюдатель со стороны.

Включенное наблюдение раскроет истинные мотивы поведения мужчины и женщины, живущих в длительном браке; друзей, которых объединяют общие воспоминания; людей, выполняющих конкретную совместную работу и в силу этого вынужденных понимать друг друга, что называется, «с полуслова».

Итак, включенное наблюдение позволяет непосредственно воспринимать уникальную сторону поведения других. Однако и в этом случае эти другие раскрываются наблюдателю лишь отдельными своими сторонами, никогда не оказываясь прозрачными в своей окончательной глубине². Однако стороны бытия другого, скрытые для остальных членов сообщества и для включенного наблюдателя, все-таки рано или поздно проявляются. Это проявление глубинного не позволяет социальной жизни сообщества окончательно типизироваться и стать полностью прогнозируемой.

Но вот в силу различных обстоятельств включенное наблюдение прерывается. Мы возвращаемся, если все же будем продолжать наше исследование, к невключенному наблюдению, то есть к взгляду со стороны. И образ того, кто был понятен в своей живой непосредственности, постепенно, а далее все в большей степени вытесняется соответствующим типом, например «друг вообще». И даже при возобновлении прежних отношений выяснится, что общаешься с человеком, у которого появились новый жизненный опыт и новые впечатления, о которых мы будем узнавать лишь «по его рассказам». Все в большей степени тип начнет замещать уникальную личность, с которой когда-то проживалось общее время и общее пространство.

Таким образом, оба вида наблюдения в качественной социологии соответствуют двум параллельно сосуществующим сторонам человеческого бытия. Во включенном наблюдении перед нами предстают уникальные лично-

---

¹ Анри Бергсон, французский философ XX века, различал длительность как то внутреннее время, в котором реально живет индивид, и исчисляемое количественно время, в котором протекают физические процессы.

² Даже самого себя, согласно Зигмунду Фрейду, человек не способен познать в «окончательной глубине». Но представим на минуту людей совершенно прозрачных друг для друга. У них дно души совпадало бы с ее поверхностью. Такое общество одномерных существ описано в романе Владимира Набокова «Приглашение на казнь».

сти с сообщающимися, хотя и никогда не прозрачными до конца внутренними мирами. В невключенном наблюдении мы видим лишь социальные типы, поведение которых можно вполне понять и даже прогнозировать в рамках типичных же социальных ситуаций.

О взаимной дополнительности невключенного и включенного наблюдения. В предыдущей главе на примере встречающихся мужчины и женщины мы показали неустранимость зазора между тем, как воспринимается ситуация в рамках одного вида наблюдения, и тем, как эта же ситуация понимается в рамках другого вида наблюдения.

Важно зафиксировать *невозможность* непрерывного перехода от одного способа понимания к другому. Но тогда остается признать принципиальную фрагментарность результатов наблюдения и невозможность получения единой картины происходящего.

Так, цилиндр проектируется на одной плоскости в виде прямоугольника, а на другой – в виде круга. И сколько бы мы ни прикладывали круг к прямоугольнику, мы не вернемся снова к цилиндру. Не является ли наше наблюдение жизни сообщества такого же рода механической суммой отличающихся друг от друга точек зрения, которые не позволяют увидеть бытие сообщества таким, каким оно существует в реальности?

Представляется, однако, что именно фрагментарность способов понимания наблюдаемого является условием возможности воспринимать наблюдаемое как оно есть, по крайней мере в той степени, которая вполне достаточна для познания жизни человеческих сообществ.

Юрий Лотман в книге «Культура и взрыв» пишет о неизбежности того, чтобы реальность охватывалась не одним каким-то языком, а только их совокупностью, и называет иллюзорным представление о возможности одного единого языка для описания внешней реальности. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков, неспособных по отдельности охватить внешний мир. Лотман подчеркивает, что взаимная непереводаемость языков или их ограниченная переводимость является как раз условием адекватности отражения внеязыковой реальности¹.

Если вместо языков мы введем два различных вида наблюдения – включенное и невключенное, то, следуя параллельно мысли Лотмана, должны признать их необходимость как именно непереводимых друг в друга, но в силу этого *дополняющих* друг друга видов наблюдения. И эта их взаимная дополнительность позволяет получать более или менее адекватное понимание жизни конкретного сообщества.

---

¹ См.: Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. С. 7–11.

3. Глубинное интервью

В качественной социологии сохраняются правила проведения интервью, которые имеют силу для количественной социологии¹, но теперь идет речь главным образом о так называемом глубинном интервью. Остановимся кратко на его видах².

Различаются неструктурированные и полуструктурированные интервью, к первым можно отнести нарративное³ и диалоговое интервью, ко вторым – биографическое интервью (история жизни), лейтмотивное и фокусированное интервью.

Нарративное интервью – свободное повествование рассказчика о своей жизни без вмешательства со стороны интервьюера. Возможно лишь реагирование в виде жестов и междометий для поддержания процесса беседы.

В таком свободном изложении важная роль принадлежит возникающим в сознании рассказчика ассоциативным связям. Эти связи направляют его память к эпизодам, которые представляются рассказчику существенными в данный период времени, который характеризуется достигнутым возрастом рассказчика и его социальным статусом, сформировавшимися взглядами на жизнь и т.п. Например, очевидно, что женщина после нескольких лет замужней жизни построит рассказ о периоде, предшествующем замужеству, иначе по сравнению с тем, что услышал бы интервьюер от нее же, когда она только собиралась замуж. Это значит, что в лице рассказчика исследователь должен увидеть не только вот эту конкретную личность, но и соответствующий социальный тип, например, замужнюю женщину.

Поэтому исследователь должен различать, с одной стороны, повествование рассказчиком жизненных фактов своей биографии, с другой стороны, – осмысление этих жизненных фактов рассказчиком в качестве определенного социального типа. При анализе записи интервью обе стороны – рассказ и его осмысление (истолкование) – разделяются и рассматриваются по отдельности.

И вот здесь оказывается решающей способностью и готовностью самого рассказчика как определенного социального типа не только повествовать, но и осмысливать. Если респондент, например, не очень грамотный человек, занимавшийся всю жизнь простым физическим трудом, то он в течение пары минут изложит свою биографию общими словами как в производственной характеристике, и любые дополнительные вопросы не смогут его разговаривать. Получится нечто похожее на характеристики-близнецы в известном фильме «17 мгновений весны»: настоящий ариец, беспощаден к врагам рей-

---

¹ См.: Ненашев М. И. Методы исследования в количественной социологии... Тема 8. Проведение интервью.

² В классификации видов глубинного интервью мы следуем за тем, как эта тема представлена в кн.: Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. Раздел «Глубинное интервью».

³ Нарративное от англ. *narrative* – рассказ, повествование.

ха, в сомнительных связях не замечен, прекрасный семьянин. В нашем случае: родился, учился в школе, работал, женился, дети пошли, в последнее время начало сердце прихватывать.

И чрезвычайно трудно убедить и показать рассказчику, что каждый эпизод его жизни при всей своей типичности уникален и достоин интереса.

Дело в том, что многие, даже прожившие долгую жизнь, действительно могут вспомнить (не по своей вине) не так уж много стоящих эпизодов или периодов из своей жизни. Один не очень грамотный мужчина долго и с удовольствием рассказывал, как он служил в молодые годы механиком на небольшом советском военном аэродроме в Чехии. И какая это была сытая и спокойная жизнь, и что у него и его товарищей фактически не было никакой службы с ее тяготами. Но были увольнения в ближайший городок, в котором жители часами сидели в кафе за кружкой пива, и все было в их магазинах. Другим запомнившимся эпизодом было возвращение после военной службы в родную деревню, когда приходилось из года в год разными ухищрениями, не всегда законными, заготавливать дрова, таскать их на салазках за несколько километров, чтобы зимой было чем топить печь в избе, полной ребятишек. При попытках расшевелить собеседника, чтобы узнать, чем же были наполнены остальные годы его жизни, речь снова заходила об этих двух эпизодах с добавлением новых подробностей и деталей. Заканчивая свой рассказ, он наконец сообщил, что, когда выдал замуж своих дочерей, то переехал к одной из них, сейчас живет в городской квартире со всеми удобствами, и все у них хорошо (попытка осмыслить прошедшую жизнь), но затем последовало объяснение: потому что зять непьющий. Другая дочь его навещает, и обе ругаются, но не очень, когда он выпивает пару стаканчиков в «октябрьские праздники». А когда он лежал с инсультом в больнице, они его каждую неделю навещали.

В *диалоговом интервью* исследователь и респондент на равных обмениваются взглядами по разным вопросам. Важно, чтобы в результате разговора обозначилось мировоззрение респондента относительно того, «что такое хорошо, и что такое плохо». Задача исследователя состоит также в определении той точки в его биографии, когда это мировоззрение сложилось и какие обстоятельства способствовали сделанному мировоззренческому выбору¹.

К полуструктурированным относится, во-первых, *биографическое интервью*. Здесь последовательно излагаются одна за другой жизненные вехи индивида: детство, школа, молодость, создание семьи, рождение детей, хлопоты по их устройству в жизни, развод. Важно заострять внимания респондента на конкретизирующих деталях каждого этапа, который сам по себе является опять же типическим, и определять, насколько респондент сознательно строил жизнь или же этапы жизни воспринимались им как просто текущие друг за другом.

---

¹ Под мировоззрением здесь понимаются наиболее общие представления о человеке и его месте в мире, которые определяют наши размышления и наш жизненный опыт.

Женился, пошли дети, жена двоих родила. Теща во все вмешивалась, как будто я на ней женился, пришлось развестись. Старший поступил в техникум, стипендию начал приносить в дом, в техникуме и невесту нашел. Родители ее руководят чем-то. Младший школу не закончил, забаловали парня в детстве, связался с компанией, где-то гитару раздобыл. Зашел как-то к бывшей, теща уже умерла, внук за компьютером просидел весь вечер, пока у них чай пил. У всех сотовые телефоны, все время разговаривают. А я так и не женился снова. А вот у бывшей вроде кто-то есть.

Во-вторых, *лейтмотивное* интервью. В нем разговор строится вокруг какой-то одной линии жизни респондента. Например, вокруг карьерных достижений. Окончил вуз, остался лаборантом на кафедре, поступил в аспирантуру, защитил диссертацию, стал заведующим кафедрой, а потом деканом факультета. Все как-то шло само собой. Но вот сейчас требования к работе повышаются, а сердце начало шалить. Пора бы уйти в простые доценты, но доплачивают за деканство более или менее прилично, а надо внуку поднимать. Да и привык быть членом Ученого совета, участвовать в голосованиях. Но в следующем году уж обязательно... Здесь важно увидеть, как человек попадает в ловушку потому, что позволил обстоятельствам жизни складываться так, что «все шло само собой».

В-третьих, *фокусированное* интервью. Здесь выясняются детали конкретной жизненной ситуации. Человек развелся, и вот в интервью для него раскрывается, что существовали другие способы решения конфликта, и можно было сохранить семью, если бы поверил близкому человеку, а не сплетням посторонних людей.

Покажем общую схему видов глубинного интервью (рис. 2.1).

Рис. 2.1

Отличие глубинного интервью от интервью в количественной социологии состоит кроме прочего в том, что здесь задают вопросы, не заглядывая каждый раз в бланк вопросов, потому что сам ход беседы подсказывает наилучшую формулировку вопроса. Параллельно ведутся краткие записи впечатлений от беседы, но так, чтобы не нарушать ее свободного течения. Эти

заметки, сделанные в очень сокращенной форме, ведь часто успевают записывать лишь первые буквы слов, нужно успеть сразу после проведения интервью, пока память хранит разговор и его интонацию, развернуть в полноценные заметки с соответствующими дополнениями.

4. Анализ визуальных документов

Под визуальными документами мы имеем в виду фотографии, видео-записи, любительские фильмы и т. п. Очевидно, что в настоящее время на первый план выходит фотографирование. Это связано с тем, что появляется все более совершенная и в то же время все более простая в использовании фототехника. Теперь фотографировать можно, используя современные сотовые телефоны, которые всегда под рукой, в последнее время распространяется мода на автопортреты в виде селфи¹. В силу этих обстоятельств мы сосредоточимся главным образом на использовании фотографии в социологическом исследовании.

Вслед за Роланом Бартом² мы будем различать в фотографии такие моменты, как Operator (снимающий), Spectrum (снимающийся), Spectator (рассматривающий снимки). Вот как пишет об этом сам Барт: «Фото, по моему наблюдению, может быть предметом трех способов действия, тройкого рода эмоций или интенций: его делают, претерпевают и разглядывают. Operator – это сам Фотограф. Spectator — это все мы, те, кто просматривает собрания фотографий в журналах, книгах, альбомах, архивах. А тот или та, кого фотографируют и кто представляет собой мишень, референта, род небольшого симулякра, *eidolon'a*³, испускаемого объектом, – я бы назвал его или ее фотографическим Spectrum'ом, ибо это слово благодаря своему корню сохраняет связь со “спектаклем”»⁴.

Кроме этого Барт вводит еще два термина, которые для нас будут играть решающую роль в раскрытии темы, это – *Studium* и *Punctum*. «Именно благодаря *studium'u* я интересуюсь многими фотоснимками – потому ли, что воспринимаю их как политические свидетельства, потому ли, что дегустирую их как добротные исторические полотна; в этих фигурах, выражениях лица, жестах, декорациях и действиях я участвую как человек культуры»⁵.

Теперь о значении термина *Punctum*: «Существует слово для обозначения этой раны, укола, отметины, оставляемой острым инструментом; это слово тем более мне подходит, что отсылает к идее пунктуации и что фото, о

---

¹ Селфи, от англ. *self* – сам, себя – вид автопортрета, создаваемого при помощи фотокамеры с использованием зеркала или особой палки для селфи, позволяющей фотографировать себя при помощи вытянутой руки.

² Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии / Ролан Барт; пер. с фр., послесл. и коммент. Михаила Рыклина. М.: ООО Ad Marginem Пресс, 2011.

³ Эйдолон, др.-греч. εἰδωλλων – копия, идол, двойник, призрак.

⁴ Барт Р. *Camera lucida*. С. 24–25.

⁵ Там же. С. 53.

которых идет речь, как бы отмечены, иногда даже кишат этими чувствительными точками; ими являются именно отметины и раны. Этот второй элемент, который расстраивает *studium*, я обозначил бы словом *punctum*, ибо оно значит в числе прочего: укус, дырочка, пятнышко, небольшой разрез, а также бросок игральных костей. *Punctum* в фотографии – это тот случай, который на меня нацеливается (но вместе с тем делает мне больно, ударяет меня)»¹.

«Я пришел к выводу, – пишет Барт, – что *studium*, поскольку его не рассекает, не исполосовывает, зигзагообразно не прореживает некая деталь (*punctum*), влекущая и ранящая меня, производит на свет очень распространенный (собственно говоря, наиболее распространенный) вид фото, который можно назвать унарной фотографией... для которой основным правилом... является “единство” композиции»².

Обратим внимание на следующее. Очевидно, что всякая фотография должна обладать единством композиции, детали фото должны быть объединены единым сюжетом, тем, «о чем это фото». Это то, что Барт называет *studium*’ом. Речь идет об изображении (или отображении) на фото некоторой политической, или исторической, или культурной, или просто житейской ситуации, того, что заинтересовало фотографа, или того, что попросили его сфотографировать, например, на память. Как правило, речь идет о фиксации некой типической ситуации: семейная фотография, фото сына на армейской службе, свадебные фото и т. д.

Но самого Барта интересует в фото то, что он называет *punctum*’ом. Это такая деталь, которая нарушает единство композиции, вводит некий другой план, независимый от того, ради чего было выполнено данное фото. *Punctum* привносит диссонанс, указывает на то, что существует другая реальность. *Punctum*, на наш взгляд, можно сравнить с оговоркой по Фрейду – хотел сказать одно, но сказал также и другое, что сознательно во всяком случае сказать не собирался.

Барт пишет: «Однажды я листал иллюстрированный журнал. Мое внимание привлекло одно фото. Вроде бы ничего особенного: банальное в фотографическом смысле восстание в Никарагуа, улица в руинах, которую патрулируют два солдата в касках³; на втором плане проходят две монахини. ...Очень скоро я сообразил, что его (фото. – М. Н.) существование (его “приключение”) зависело от соприсутствия двух прерывных, гетерогенных элементов, принадлежащих к разным мирам (нет нужды доходить до контраста), – солдат и монахинь. Я предчувствовал, что намечается структурная закономерность, соответствующая моему собственному взгляду, и старался сразу же ее верифицировать, обследуя другие снимки того же репортера (голландца Коэна Вессинга): многие из его фото снимков привлекли мое

---

¹ Барт Р. *Camera lucida*. С. 54.

² Там же. С. 77–78.

³ На самом деле на фото изображены три солдата в касках. – М. Н.

внимание, потому что они заключали в себе ту же двойственность, которую я только что “застолбил”»¹.

На снимке, который заинтересовало Барта, изображены солдаты с автоматами, патрулирующие улицу. Это то, что можно отнести к *studium*: сюжет, выражающий определенную политическую ситуацию в Никарагуа. В качестве такового снимок самодостаточен: ситуация революции или беспорядков, и вот солдаты патрулируют улицу. И в то же время присутствует некий довесок, не имеющий отношения к тому, что, собственно, изображено на снимке, – две монахини, проходящие позади патрулирующих солдат. Это то, что заставило Барта воспринять как укол, диссонанс, нарушающий единство композиции. То, что попало в кадр случайно, но в то же время имеет отношение к тому, чем реально живут люди, несмотря на восстания и революции: элемент, гетерогенный по отношению к тому единству композиции, которое выступает в виде *studium*'а (рис. 2.2).

Рис. 2.2. Коэн Вессинг. Никарагуа, Армия патрулирует улицы, 1979²

Две монахини, проходящие позади солдат, вносят диссонанс, но в то же время оживляют фотографию, которая в противном случае осталась бы типичным выражением типического – ситуации восстания, которая примерно так же выглядела бы в другой стране, не обязательно в Никарагуа.

Итак, важно находить в фотографии еще и нечто иное, случайное по отношению к типическому, и именно это *иное* придаст уникальность изображенному. Итак, повторим: всякая фотография должна обладать единством композиции, детали фото должны быть объединены единым сюжетом.

¹ Барт Р. *Camera lucida*. С. 47–48.

² См.: там же, с. 49.

Это то, что Барт называет *studium*'ом. Но сюжет, который сам по себе является типическим в смысле Альфреда Шюца, превращается в нечто живое и уникальное через присутствие детали, которая *гетерономна* по отношению к типическому сюжету.

В подражание Барту дадим свой пример обнаружения *punctum*'а в *studium*'е. Мы гуляем по Вене, столице Австрии, обвешанные фотоаппаратами и видеокамерами. Проходим мимо роскошных строений дворца Сиси, супруги императора Иосифа, и фотографируем то, что, как нам представляется, будет интересно рассматривать вместе с друзьями по возвращении обратно на родину. Снимаем на видеокамеру заодно живые фигуры, неподвижно стоящие на площади, загримированные и одетые в качестве персонажей эпохи Сиси.

И потом, уже дома, разглядывая на диване видеозаписи, вдруг обнаруживаем, что некоторые из застывших фигур с интересом разглядывают нас самих. Оказывается, эти люди (скорее всего подрабатывающие артисты) не только изображают персонажей эпохи Сиси, но также еще и развлекаются, разглядывая gazeющих на них туристов, сохраняя при этом неподвижность фигур и лиц.

Это обнаружение собственной жизни деталей объекта видеозаписи оказалось тем *punctum*'ом, который, как выразился бы Барт, взрывает или, по крайней мере, нарушает стройность композиции *studium*'а – доброй прекрасной Вены эпохи императрицы Сиси.

Отметим, что обнаружение бартовского *punctum*'а в отдельной фотографии или в ряде отдельных не связанных между собой фотографий еще мало что дает для собственно социологического исследования. О социологии речь пойдет лишь в том случае, когда анализируется *массив* визуальных документов, характеризующих повседневную жизнь конкретного сообщества – семьи, небольшого поселения или городка, производственного коллектива, сообщества vip-персон и т. д. И вот в этом массиве документов нужно суметь различить проступающий сквозь всю череду *studium*'ов – групповых семейные фото, видеозаписей свадеб, сцен отдыха и развлечений, туристических поездок, фотографий новорожденных или vip-персон, расслабляющихся в сауне, – некий проступающий для внимательного взгляда параллельный и кажущийся инородным *punctum*. Например, в виде радостного ожидания (предвкушения), что в жизни еще осуществится нечто большее, чем то, что уже есть, либо, наоборот, – в виде проступающей усталости от бесконечно повторения однажды ставшего и постепенного превращения живых лиц в автоматически улыбающиеся маски.

Нащупать в качестве леса, проступающего за сменяющимися друг друга во времени разнообразными *studium*'ами, тот *punctum*, который указывает будущее данного сообщества – его восхождение или, наоборот, увядание, – является, как нам представляется, важнейшей задачей социолога-качественника.

С этой точки зрения представляются весьма перспективным прием визуальной социологии, когда в целях исключения влияния исследователя, Operator'a по терминологии Барта, на реакции снимающихся (Spectrum'ов) используется процедура автофотографии. Вот как это описывает Петр Штомпка¹.

Исследуемым раздаются простые автоматические фотоаппараты с просьбой сделать снимки того, что они сами считают интересным и достойным внимания в их среде: повседневной жизни, работы, развлечений. Следует ссылка на опыты Дж. Адейр и С. Ворт, исследовавших индейцев племени навахо, и Э. Кевин, реализовавшей фотографический проект среди детей через привлечение их к самостоятельному фотографированию. Штомпка ссылается также на проект, реализованный в Польше, когда Петр Яновский, фотограф газеты «Wyborczej», раздал простейшие автоматические фотоаппараты детям в возрасте 10-17 лет из двух бедных, запущенных в хозяйственном и социальном отношении деревень, попросив их фотографировать все, что им интересно и важно в их жизни и окружении. В результате в течение недели было получено более 3 тысяч снимков. Там были снимки родителей, друзей, интерьеров, деревенских пейзажей, средств транспорта, хозяйственных работ, игр и т. п. В результате получился достоверный социологический портрет коллектива. Штомпка подчеркивает, что эти снимки рассказали больше, чем многие социологические опросы, о «другой Польше», той части польского общества, которое проиграло в процессе трансформации...

Здесь интересным является прием фотографирования именно *en masse*, когда автоматически нейтрализуется так смущающее теоретиков визуальной социологии влияние снимающих, снимающихся и рассматривающих снимки. Но проступает *punctum*: часть общества, потерявшая в процессе социальных реформ свое будущее².

И конечно, крайне интересным оказалось бы исследование, которое за чередой бесконечных *studium*'ов, складывающихся в оптимистическое композиционное единство на уровне общества в целом, обнаружило бы неожиданное присутствие некоего *punctum*'а, который, обратимся снова к выражению Ролана Барта, указал бы на совсем другую реальность.

---

¹ См.: Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. М.: Логос, 2007. С. 71–72.

² Имеется в виду часть польского общества, которая не вписалась в рамки возобновившегося буржуазного развития, прерванного на время социалистическими преобразованиями.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. *Этнографическое исследование.*
2. *Кейс-стади.*
3. *История жизни.*
4. *История семьи.*
5. *Устная история.*

1. Этнографическое исследование

Перечислим наиболее распространенные виды качественного исследования, в литературе их называют еще тактиками: этнографическое исследование, кейс-стади, история жизни, история семьи, устная история, аналитическая индукция, обоснованная теория.

Начнем с рассмотрения особенностей этнографического исследования. Прилагательное «этнографическое» происходит от слова «этнография», которое буквально означает описание народов, или народностей, или этносов. В качественной социологии под этнографическим исследованием понимается изучение повседневной жизни различных сообществ людей (необязательно народностей или этносов), которые *отличают себя от других сообществ* в качестве более или менее самостоятельной единицы.

В качестве такого сообщества может выступать производственный коллектив, в котором работники более или менее хорошо знают друг друга на личностном уровне, их связывают так называемые неформальные отношения. В то же время очевидно, что этот коллектив не представляет собой нечто изолированное от остального мира. В качестве одного из звеньев он входит в предприятие или в фирму, которая, в свою очередь, встроена в гигантскую товарную сеть, пронизывающую своими филиалами полстраны.

В качестве примера сообщества можно рассматривать конкретную семью в виде особого мира со своими традициями и ценностями. Но и семья не существует сама по себе. Через участие в общественном производстве ее взрослых членов, учебу подростков в школе, малышей, которых полусонными ведут утром в детские сады, чтобы затем успеть на работу, – семья встроена в структуру, называемую обществом. Можно изучать повседневную жизнь бомжей, отвоевавших место под солнцем в полуразвалившемся деревенском доме с еще сохранившейся печкой. Но и бомжи так или иначе тоже встроены (по крайней мере должны быть встроены) через сеть социальных служб в официальные структуры. Можно, наконец, изучать жизнь коллектива офисных работников, замороженных отчетами и амбициозными планами начальства и переставших замечать смену времен года; ясно, что и этот коллектив в качестве одной из ячеек входит в более крупную структуру.

Однако эта встроенность в крупные социальные механизмы не отменяет собственную жизнь сообществ – конкретных мужчин и женщин, находящихся во взаимоотношениях симпатии или неприязни, и придающих смысл

и значение своему повседневному сосуществованию. В сумме эти сообщества, все эти пестрые миры: семьи, коллективы, группы бомжей или вип-персон, встречающихся на шашлыках, – складываются в реальное общество, существующее параллельно своей могущественной тени – бюрократическим структурам, контролирующим взаимоотношения больших социальных групп, которые количественная социология описывает коэффициентами корреляции и каузальными моделями. Таким образом, получаем два параллельных мира, состоящих из одной и той же совокупности индивидуумов.

Предметом этнографического исследования являются *сообщества мужчин и женщин в той мере, в какой они сами для себя устанавливают способ жизни и смысл своего существования*.

Можно дать еще следующее определение. Этнографическое исследование есть изучение каждодневной коллективной практики отдельного сообщества, которая включает в себя стереотипы поведения, в том числе трудового, отношения между полами, нормы и традиции, в том числе предрасудки, ценности, особенности языка (в том числе сленга или жаргона).

Источниками информации о коллективной практике являются непосредственные наблюдения поведения людей в естественной для них обстановке, индивидуальные и групповые интервью, а также письма, личные документы, фотографии и видеозаписи, образцы фольклора. Исследователь входит в сообщества, чтобы узнать, какие смыслы их члены придают тому, что с ними происходит, и тому, что они сообщают друг другу.

В этнологическом исследовании важным моментом является скрупулезное описание, которое Клиффорд Гиртц определяет как «насыщенное», того, что в данный момент происходит, в отличие от краткого описания, где главным образом показывается общее и различие с другими ситуациями. Насыщенное описание трехминутного события может занять много страниц, само событие должно быть связано с определенным культурным контекстом, знание которого позволяет выйти на смысловую составляющую происходящего. Однако смысл, извлекаемый из события разными исследователями, может быть тоже различным, то есть одно и то же событие может истолковываться различными способами.

Вернемся к примеру с разговором между мужем и женой по поводу того, что сын впервые сам дотянулся, чтобы опустить монету в счетчик на парковке. Этот разговор мы уже приводили в параграфе про наблюдение. Уточняющие вопросы жены, которые привели к тому, что муж объяснил свой заход в обувную мастерскую необходимостью купить новые шнурки для ботинок, вполне могут быть истолкованы лишь как повод напомнить мужу о необходимости «срочно поставить набойки на твои черные мокасины». Данный способ истолкования вполне возможен *наряду* с тем, которое мы предложили в параграфе про наблюдение: жена выясняет, не заехал ли муж в обувную мастерскую, чтобышний раз взглянуть на пышногрудую приемщицу заказов.

Итак, возможны различные истолкования одних и тех же поступков и разговоров людей, а значит, того смысла, который сами члены сообщества вкладывают в свои поступки и в свое поведение. Но понятно и то, что чем больше исследователь будет знаком с жизнью сообщества, тем с большей вероятностью истолкование поведения его членов будет однозначным и безошибочным.

В идеале исследователь может так встроиться в повседневную жизнь сообщества, что вполне станет одним из тех «всяких», который упоминается во фрагменте из «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова: «...Проскакал сломая голову жандарм от губернатора к доктору, и *всякий* знает, что её превосходительство изволит родить... С кем ни встретишься – поклон да пару слов, а с кем и не кланяешься, так знаешь, кто он, куда и зачем идёт, и у того в глазах написано: и я знаю, кто вы, куда и зачем идёте...».

Эта подспудная сторона жизни сообщества, которая постигается через вникание в смыслы, может быть уловлена не через анкетирование больших выборок людей, отобранных методом рандомизации, но через *понимание* живой речи представителей самого сообщества, привычных для этого сообщества выражений, метафор, образов, представленных *in vivo* (вживую)¹.

В то же время описание жизни сообщества должно быть построено так, чтобы его мог понять человек «со стороны».

Эти два требования описания жизни сообщества – на языке сообщества, но понятно для других – не могут быть совмещены чисто формально. Исследователем должны быть *отысканы* соответствующие способы представления материала. Поэтому возможны опять же различные варианты подачи одного и того же материала в зависимости от опыта исследователя, его навыков, чувства языка и просто уровня образованности. Может получиться так, что жизненный процесс одного и того же сообщества предстанет иначе в описании другого исследователя или другой исследовательской группы. В этом состоит, как считается, уязвимая сторона этнографического исследования, его субъективность.

Однако правильнее воспринять эту множественность вариантов описания и истолкования жизни сообщества как отражение ее реальной сложности. Подобно тому, как любой предмет имеет три пространственных измерения – высоту, ширину и длину, так и жизнь сообщества открывается исследователям в силу различия их пола, возраста, образования, стереотипов, сформировавшихся ранее, в виде несовпадающих картин, но именно эти несовпадающие картины в сумме дают всестороннее описание реальной жизни сообщества.

Другим важным условием этнографического исследования является наличие *посредника*, способного ввести в сообщество исследователя и представить его хотя бы отчасти в качестве «своего», чтобы помочь войти в кон-

---

¹ См.: Страусс А. и Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 58.

такт с теми членами, которые, как минимум, не будут препятствовать знакомству с их правилами и традициями.

Поделюсь собственным опытом «вхождения» в баптистскую общину с целью посмотреть ее жизнь изнутри. Сначала я пообщался с жителями поселка, причем больше всего мне помогли подростки, которые сразу проинформировали, кто, по их мнению, является наиболее авторитетным в общине и в каком доме этот «авторитет» живет. Авторитетом оказалась живущая одиноко весьма немолодая женщина, одетая в черное. Она с подозрением отнеслась к моему приходу, но лед более или менее растаял, когда я сказал, что «помню», как в детстве родители водили меня в церковь, и мне нравилось нараспев читать стихи из Библии, которые были полны таинственного смысла. Сказал, что решил к ней обратиться, потому что окружающая меня жизнь представляется все более чуждой и далекой от того, что чувствовал в детстве при чтении Библии.

Конечно, здесь присутствовал этический момент. То, что я сказал, было не совсем правдой, особенно это касалось легенды про родителей, якобы водивших меня в церковь. Мой отец был коммунист с инженерным образованием и уже поэтому не мог водить меня в церковь. И вообще частое посещение церкви в советские времена могло наложить тяжкую печать на мои планы поступить в вуз после школы. Однако правдой было восхищение поэтическим языком Библии, драматическим описанием смерти Христа и романом «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова.

В день первой встречи женщина дала почитать затрепанную тетрадку, где в поэтическом диалоге верующий в пух и прах разбивал атеиста аргументом в пользу существования Бога. Аргумент опирался на факт упорядоченности Вселенной. Очевидно, что эта упорядоченность не могла возникнуть сама собой, подобно тому, как из шестеренок, колес и других деталей, сваленных в кучу, не мог сам собой собраться трактор. Разве не ясно, что должен существовать Великий архитектор, который собрал из хаоса материальных частиц мир, в котором планеты двигаются в строгом соответствии с математическими уравнениями?

Мы договорились встретиться через неделю. На второй встрече состоялось знакомство с еще одной тетрадкой со стихами в пользу существования Бога.

Лишь третья встреча привела к тому, что мы пошли в молитвенный дом, окруженный сплошным двухметровым забором. Зашли в помещение, наполненное мужчинами и женщинами, чем-то неуловимо схожими в одежде и выражении лиц. Я встретил недоуменные и настороженные взгляды. Но сказал так, как научила меня женщина: «Здравствуйте, братья и сестры!» И был принят в качестве «своего» при сохранении в первое время определенной настороженности.

Я не буду подробно описывать свои впечатления от знакомства с жизнью общины «изнутри», которую с перерывами наблюдал в общей сложности в течение нескольких месяцев. Отмечу лишь свое восхищение выступле-

нием приезжего проповедника, ясностью его языка, дикцией и приемами, которые держали в настолько сосредоточенном внимании в течение полутора часа слушателей, что у одной из женщин начался молитвенный припадок, из которого ей быстро помогли выйти сидевшие рядом члены общины. А лекция была о том, что без веления Божия ни одно событие, даже самое ничтожное, не может произойти в мире, «поэтому и самолеты не падают на землю благодаря установленным Богом законам аэродинамики».

И второе, что привлекло мое внимание как социолога, – это открывшееся различие между членами секты, впрочем не очень отчетливое, скорее, если так можно выразиться, смазанное. Одна часть членов секты, в большинстве женщины, вполне серьезно относилась к своему участию в деятельности секты как ступени, приближающей к Богу и его Любви. Другая часть, среди них было больше мужчин, воспринимало секту, не вполне этого осознавая, скорее в качестве своеобразного клуба по интересам. Для них участие в деятельности секты – проникновенные песнопения, слушание проповедников, своей лексикой отчетливо отличающихся от передач по радио, без конца рассказывающих про неведомых строителей коммунизма, – было окном в мир, который открывался в поэзии Евангелия.

Другим примером этнографического исследования можно представить ситуацию, описанную Б. Фливбергом в статье «Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади»¹. Автор пишет о том, что когда он занялся проблемами городской политики и планирования в датском городе Альборге, то обнаружил, что существует своего рода тайный совет из лидеров бизнеса и городского правительства. Этот совет фактически подменил демократически избранный городской совет, взяв на себя принятие реальных решений по развитию города. Фливберг пишет, что местное бизнес-сообщество вместе с политиками и управленцами блокировало конкуренцию и свободу рынка, создавая себе привилегии. Таким образом, учреждения, формально представлявшие «общественный интерес», оказались глубоко встроенными в тайные механизмы власти, реализующей сугубо частные интересы.

Мы здесь имеем дело с тем, о чем в свое время писал Питер Бергер². Он показал, что социологический подход включает в себя способность «видения сквозь» фасад социальных структур, и пояснил свою мысль примером, до странности совпадающим с тем, что было открыто в датском городке Альборге.

Конечно, пишет Бергер, для выяснения того, как управляется современный американский город, можно заглянуть в устав штата, а в газетах можно даже прочесть, что один из членов городского совета был обвинен в злоупотреблении служебным положением в корыстных целях. И все это действительно происходит на видимом, официальном, публичном уровне политической жизни.

---

¹ См.: Социологические исследования. 2007. № 1. С. 62–70.

² См.: Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект пресс, 1996.

Но социолог захочет понять основу «неформальной структуры власти». И это может его вывести на частные особняки горстки могущественных людей, офисы некоторых профсоюзов, а иногда и штабы преступных организаций. Таким образом, обнаружится совсем иной уровень реальности, знакомство с которым может подвести социолога к пессимистическому выводу о бесперспективности поисков реальной власти там, где, по мнению общества, она должна быть.

Вот и Флиивберг открыл в небольшом датском городе наличие сообщества, которое, опираясь на высокие административные посты одних своих членов и внушительную собственность других членов, осуществляло реальную власть помимо и поверх демократически избранных официальных структур. Флиивберг пишет, что в этом сообществе действовали свои нормы и определения того, что такое хорошо и что такое плохо, что есть истина, а что ею не является.

Очевидно, что детальное исследование открытого Флиивбергом сообщества показало бы, что оно давно сформировало собственный язык для обозначения того, что обычные люди называют общепринятыми терминами, и даже выработало то, что можно назвать своеобразными ритуалами. И крайне интересно было бы наблюдать встречу членов сообщества в каком-нибудь закрытом для посторонних загородном доме с бассейном и лужайкой для гольфа¹. Когда в ходе обсуждения тонкостей в приготовлении шашлыка, состояния семейных дел и выбора напитков происходит как бы мимоходом прощупывание мнения сторон по поводу раздела сфер влияния в промышленном и игорном бизнесе.

Итак, в этнографическом исследовании существенным является определение посредника, который поможет войти в сообщество, а описание жизни сообщества должно быть осуществлено на языке самого сообщества, в то же время это описание должно быть понятным для человека со стороны, в том числе коллегам-социологам, которые тоже занимаются сходными проблемами. В противном случае статью, пусть даже с очень детальным и интересным изложением практики сообщества, не примут к публикации.

Остановимся еще на одном моменте, с которым должен считаться социолог, проводящий этнографическое исследование. Дело в том, что само присутствие изучающего сообщество человека, как бы он ни пытался раствориться и стать неприметной деталью его жизни, оказывает влияние на тех, кого изучают. Муравьи под пристальным взглядом энтомолога, записывающего в свою записную книжку особенности их поведения, продолжают как ни в чем не бывало тащить в муравейник дохлых мух и оказывающих сопротивление гусениц.

Но люди в отличие от муравьев могут начать сами исследовать своих исследователей, могут даже дурачиться, выдавая с серьезным видом какую-

---

¹ Разумеется, если нашелся бы посредник, который согласился обеспечить возможность такого наблюдения.

нибудь нелепицу за важную черту их жизни. Эта возможность поменяться ролями обычно сводится к минимуму опытом и мудростью исследователя, но, к сожалению, в качестве возможности, все же неустранима. И это требует от исследователя постоянно быть начеку. Он должен помнить, что перед ним такие же люди, как и он сам.

В количественной социологии погрешности, связанные с тем фактом, что люди изучают людей, нейтрализуются дистанцией, порождаемой приемами рандомизации и масштабом выборки, в которой любой респондент всего лишь один из многих. В качественной социологии исследуются сообщества, где каждый у всех на виду, в том числе и социолог. И многое определяется тем, насколько у него хватит ума, такта и интуиции наметить правильную линию поведения.

2. Кейс-стади

Кейс-стади (case-study) означает *исследование случая*¹. Под случаем понимается отдельно взятое событие, ограниченное определенными пространственно-временными рамками: вот это произошло *здесь и теперь*.

Событие происходит в сообществе. Примеры таких сообществ мы указали в предыдущем параграфе. И вот в одном из сообществ происходит событие, нарушившее размеренную повседневную жизнь. Подчеркнем, продолжает исследоваться само сообщество (группа), его культура, традиции, обычаи, язык, но теперь уже через призму произошедшего события, обратившего на себя внимание. Тем самым мы получаем некоторые сведения о дополнительных, может быть, даже неожиданных сторонах жизни данного сообщества.

Различаются описательные и аналитические кейс-стади. Первые отвечают на вопрос «как», их задача состоит в подробном (насыщенном) описании случая. Вторые отвечают на вопрос «почему», здесь задача заключается в определении причин и факторов, оказавших влияние на ситуацию. Ответ на вопрос «почему» не только уточняет факты и упорядочивает детали, но позволяет формулировать обобщение (теорию), чтобы понять или прогнозировать другие случаи. В реальном исследовании *описание* события зачастую плавно переходит в выяснение, *почему* это событие произошло, то есть в определение причин, породивших данную ситуацию. Описание результатов исследования может содержать рекомендации к предотвращению ситуаций с негативными последствиями, может быть указана вероятность развития ситуации в определенном направлении.

Обычно стремятся, чтобы в исследовании участвовали люди разного пола и возраста. Это позволяет нейтрализовать возможные односторонние истолкования.

---

¹ Case – случай, study – изучение, исследование (англ.).

В СМИ обсуждался случай, как работник офиса пришел на работу с огнестрельным оружием и начал стрелять по сослуживцам. Очевидно, что с юридической точки зрения произошло преступление, подпадающее под определенную статью Уголовного кодекса. На суде могут обнаружиться смягчающие или, наоборот, отягчающие обстоятельства (особенности характера, трудное детство, неудачи в личной жизни, злопамятство), которые повлияют на величину срока отбывания наказания.

Для социолога же этот случай будет объектом исследования по методу кейс-стади. Он проведет ряд интервью с сослуживцами героя, в том числе работающими в других помещениях, соберет все так называемые сплетни, пусть и не внушающие доверие¹, и внезапно поймет обстановку (контекст), царившую в офисе до происшествия со стрельбой.

Обратим внимание на то, что не существует четких правил, которые достаточно заучить, чтобы гарантированно «понять», что произошло. Важны опыт, интуиция, непредвзятость, способность смотреть с разных, может быть, с неожиданных сторон. Например, попробовать мысленно понять, а значит (получается), оправдать преступника.

И тогда выяснится, что парень был влюблен в женщину, работавшую с ним в одном офисе, но над этой влюбленностью все в отделе посмеивались, не скупясь на намеки по поводу невзрачности героя, его невысокого роста и лопоухости. Женщина же, которая была объектом внимания героя, оказывала как бы случайно повышенное внимание другому работнику, с которым в силу разных обстоятельств у героя сложились давние неприязненные отношения. Выяснилось, что рабочий день в офисе привычно начинался с обсуждения чувств героя и его шансов на взаимность, вернее отсутствия таких шансов. Парня, что называется, достали. И в одно «прекрасное утро» он пришел на работу с двумя пистолетами и начал стрельбу «по-македонски», то есть с обеих рук, в упор по своим насмешникам.

Важным является то, что всестороннее исследование деталей данного случая, ограниченного конкретным местом – офис, и конкретным временем – определенный день в определенном месяце определенного года, все же позволяет выйти на типологию, позволяющую понять многие другие тоже уникальные случаи, происходящие в другое время и в других местах. В данном случае эту типичность можно охарактеризовать уже использованным термином «достали» или, если определять более строго, – как отсутствие в данной группе работников таких свойств, как сочувствие, жалость, способность понять другого.

Речь идет о феномене бесчувствия, который имеет в данном случае не психологическую, но социальную природу, так как речь идет о поведении определенной социальной общности – небольшого коллектива офисных работников.

---

¹ Напомним, что для социолога фактом является то, что люди *думают* по поводу исследуемой ситуации.

Но сюда подпадет ситуация в армии, когда парень из глухой провинции не сразу вписывается в привычные для сослуживцев и в силу этого естественные уставные и не только уставные требования. Так называемые «деды» или сержанты с увлечением начинают «делать из него человека» в соответствии со старым армейским правилом: не можешь – научим, не хочешь – заставим. В результате парень, оказавшись на посту с автоматом, открывает стрельбу по ненавистному сержанту, который вел для него смену.

Под ситуацию «достали», или бесчувствия, можно подвести, а значит, понять иные случаи – состояние только что попавшего на зону человека, совершившего уголовное преступление; новичка в рабочей бригаде; начинающего бомжа в среде таких же, как он, неудачников, но со стажем.

Понятно, что большую роль играют индивидуальные детали случая. Допустим, что деды и сержанты решили «сделать человека» из парня, который попал в армию не из глухой деревни, но из столичного вуза, да еще с физическими данными, позволяющими постоять за себя. Он может воспринять все «испытания» и взыскания философски как нечто само собой разумеющееся (он же в армии!) и не впустить их в круг значимых для него переживаний, то есть попросту не придавать этим придиркам значения. А впоследствии найти общий язык с одним из «воспитателей», чтобы помочь составлять письма далекой девушке, вставляя красочные описания пейзажа и тоски по женской отзывчивости. Но тогда это будет другая история, другой кейс и с иными последствиями.

И тем не менее получилось так, что, анализируя всего одно или несколько случаев, мы вышли на реальную проблему, имеющую общественное значение – проблему социального бесчувствия, или, если выражаться в философских терминах, проблему социального отчуждения, которая, и это ясно, является более или менее типичной для современного общества.

Но укажем пример кэйс-стади, который не относится к ситуациям, взрывающим повседневную жизнь сообщества, в отличие от случая, описанного выше.

Например, было бы интересно провести описание такого естественно-го и происходящего периодически в жизни каждой семьи события, как приготовление к свадьбе. Здесь встречаются две семьи, то есть два сообщества, со стороны невесты и со стороны жениха. Очевидно, что эти семьи имеют различия в социальных статусах, традициях, обычаях и ценностях. Можно проследить, как происходят переговоры между главами семей по поводу распределения расходов на мероприятие, поиска недорогого и в то же время приличного кафе для проведения мероприятия. Описать беспокойства и колебания по поводу выбора свадебного платья, колец, психологическое состояние жениха и невесты, накладывание на все это такой несколько щекотливой детали, как интересное положение невесты. И привкус вынужденности для жениха оформления законным образом уже сложившихся фактически брачных отношений. Ясно, что его внутренний мир тоже будет представлять интерес для социолога. Мы здесь имеем типичное событие с грани-

цей в пространстве и во времени, прерывающее на время повседневную жизнь двух семей. И это событие тоже может быть описано методом кейс-стади. Результаты такого описания позволят выявить некоторые типичные черты, скажем, образа жизни семей среднего достатка.

Но можно описать приготовление к официальному оформлению отношений между детьми двух семей очень высокого достатка, когда родители молодых встречают гостей, подъезжающих к элитному ресторану, угощением, состоящим из блюдечка с черной икрой и бокала дорогого французского коньяка. Понятно, что кейс-стади в данном случае позволит выявить типичные черты образа жизни теперь уже так называемых хозяев жизни.

В фильме «Мелодия на два голоса» показывается, как парень из пролетарской семьи ухаживает за девушкой, которая учится в вузе. Девушка, в отличие от парня, которому любовь заслонила все на свете, вполне осознает те трудности, которые вскорости должны обнаружиться в их совместной жизни – из-за весьма неодинакового уровня образования, достатка и различия в социальном статусе родительских семей и т. д. Весь фильм можно представить как проведение кейс-стади художественными средствами.

В литературе выражаются сомнения относительно возможности познания общих закономерностей не в результате обсчета обширных выборок, но при рассмотрении единичных случаев, ограниченных в пространстве и во времени. Однако парадокс состоит в том, что чем глубже исследователь погружается в детали даже одного-единственного случая, тем выше вероятность того, что приоткроются эти самые общие социальные закономерности, которые остались бы скрытыми при использовании иных средств познания, но все равно подспудно действующими и влияющими на социальную реальность.

В то же время необходимо учитывать, что выявленные в ходе исследования случая общие положения могут не сработать спустя некоторое время или в иной географической точке. Дело в том, что иное время и иная географическая, а значит, и этническая среда имеют иную культурную начинку: традиции, обычаи, привычные, хоть и не заметные, но обязательные так называемые фоновые правила поведения (Гарольд Гарфинкель). Например, результаты изучения случая, произошедшего, например, в так называемые «лихие 90-е годы», могут не позволить понять вроде бы аналогичный случай, произошедший в «нулевые годы», то есть в период 2000–2009 годов. То есть описать по аналогии можно, но при этом промахнувшись мимо чего-то совершенно нового по сравнению с прежними временами.

Итак, обобщения возможны, но в рамках определенного пространственно-временного культурного ареала. Эти рамки невозможно определить заранее и чисто формальными методами. Нельзя заранее сказать, изменилась ли обстановка настолько, что выводы, сделанные на основе произошедшего несколько лет назад случая, уже не работают. Получается, что необходимо предварительное, пробное кейс-стади, чтобы понять, имеем ли мы дело с ситуацией, когда снова нужно проводить полномасштабное кейс-стади, чтобы получить новые общие закономерности.

Мы отметили важность интуиции, опыта социолога, способности посмотреть с неожиданных сторон на изучаемую ситуацию. В то же время можно наметить некоторые формальные правила кейс-стади.

1. Необходимо различать событие и его *социальный контекст*, в котором это событие произошло. Само событие может быть скорее предметом юридического или психологического рассмотрения: вот этот индивид сорвался, открыл стрельбу, ясно, что сработали вот такие психологические законы и нарушены вот такие юридические законы, поэтому дело подпадает вот под такую статью Уголовного кодекса.

Для социолога более важен социальный контекст, то есть те взаимоотношения внутри социальной общности, которые привели к исследуемому случаю. Знакомство с социальным контекстом происходит посредством проведения интервью с теми, кто, так или иначе соприкасался с обстоятельствами события и последующей обработки этих интервью по определенным правилам¹. Именно исследование контекста выводит на обобщение, которое позволит прогнозировать ситуации аналогичного рода. В этом смысле можно сказать, что выражение «изучение случая» не совсем точно. Более точным было бы выражение несколько более громоздкое – «изучение социального контекста случая»².

2. Исследователь должен также познакомиться с официальными документами, касающимися события: биографические данные участников, официальные характеристики по месту работы, награды, поощрения, выговоры и т. д., все эти данные можно получить в отделе кадров. Это прояснит социальные статусы действующих лиц и понять их поведение. Возможно, женщина, за которой пытался ухаживать наш стрелок, родом из семьи, занимающей более высокое социальное положение, то есть, что называется, он был ей не пара. Должен быть учтен образовательный ценз действующих лиц, их культурный уровень.

3. Результаты интервью лиц, имеющих отношение к делу, и официальные данные должны обдумываться и рассматриваться под самыми разными углами зрения до тех пор, пока у исследователя или исследовательской группы не сложится более или менее ясное представление о том, что и почему произошло. Здесь уместна аналогия с пазлом, когда, наконец, отыскивается недостающая деталь, и отдельные фрагменты складываются в ясную и отчетливую картину.

3. История жизни

История жизни, или иначе – биографический метод, является способом изучения жизненного опыта индивида и того, как сам индивид осознает свой жизненный опыт.

Отметим, что имеется в виду не случайный индивид, наугад выхваченный из толпы. Речь идет о представителе конкретного сообщества (вот этой

---

¹ К правилам обработки интервью мы перейдем в дальнейшем.

² По-английски это должно выглядеть так: study of context of case.

семьи, или производственного коллектива, объединенного в том числе неформальными отношениями, и т. д.¹).

Однако исследоваться может и жизненный путь одиночки – носителя уникального жизненного опыта: начинающего бомжа, оставшегося без квартиры после знакомства с так называемыми черными риэлторами; инвалида, заполняющего дни и бессонные ночи мелькающим экраном телевизора и воспоминаниями о своих подвигах покорения целины; деревенской старухи, так и не дождавшейся сына, уехавшего в незапамятное время на заработки². Или человека, который, вопреки всем изгибам партийной линии в советское время, защитил представляющую до сих пор интерес диссертацию по русской философии. Станным образом доскональное изучение жизненного опыта таких одиночек помогает понять особенности уже не отдельного общества, но общества в целом.

Очевидно, что историю жизни можно рассматривать как вариант кэйс-стади: жизнь вот этого человека как особый случай. Здесь тоже важен социальный контекст, то есть особенности сообщества, представителем которого данный человек является. Но на первом месте выступает все же сам рассказчик как субъект (создатель) собственной жизненной траектории и его собственное осмысление этой траектории. На анализе исследователем этих *трех моментов* – социального контекста, рассказа истории жизни и осмысления самим рассказчиком того, что он рассказывает, – строится метод истории жизни, или биографический метод.

Рассказ может строиться произвольно, но может быть также привязан к определенному фрагменту жизни – так называемое фокусированное интервью, или раскрывать определенный повторяющийся тематический аспект, например супружеские отношения рассказчика на различных стадиях его жизни. Выше мы уже рассмотрели виды интервью и их особенности в качественной социологии.

В любом случае речь идет о рассказе, который движется «по волнам памяти», то есть собственная жизнь описывается задним числом. Очевидно, что невозможно воспроизвести и рассказать все, что произошло даже в одной-единственной жизни. И не потому, что такой рассказ занял бы бесконечно большой промежуток времени. Дело в том, что наша память избирательна. Возможно, на каком-то уровне мы *помним все*, но на уровне сознания так или иначе происходит разделение на то, что представляется значимым (релевантным, по Альфреду Шюцу), и на то, что представляется незначимым (нерелевантным), *в данный момент*. Эта связь со временем проведения интервью касается не только последовательности припоминания событий жизненного пути, но и определения степени важности *деталей* отдельных событий.

Влияние возраста, степени эмоционального и интеллектуального развития, принадлежность к определенному социальному слою или сообществу или,

---

¹ См. параграф про этнографическое исследование.

² Вспомним образ деревенской старухи из фильма В. Шукшина «Калина красная».

наоборот, потеря социального статуса, когда жизнь сводится к выживанию (ухитриться каждый день доставать на еду и выпивку), – все это накладывает влияние на то, *что* человек может вспомнить и рассказать в ходе интервью.

Питер Бергер в своей работе «Приглашение к социологии» вводит ироническое определение зрелости индивида: «Зрелость – это состояние духа, который уgomонился, свыкся с существующим положением и оставил безумные мечты об увлекательных похождениях и великих свершениях»¹. Он приводит пример некоего Джо Блоу, зрелость которого выражается в том, что он примирился с тем, что его жена не будет хорошеть год от года, работа в должности зам. начальника по рекламе не сулит стать более интересной в будущем, а желание написать роман века, о чем он мечтал в молодости, представляется теперь абсолютно нелепым.

Итак, то, какой свою прошлую жизнь видит рассказчик, есть функция времени, а это значит, что значение событий, составляющих человеческую жизнь, не сохраняется постоянным. Вспоминая прошлое, мы перестраиваем его в соответствии с нашими нынешними представлениями о том, что важно, а что неважно. Наше прошлое податливо и текуче, потому что память постоянно дает новые объяснения уже случившемуся. Можно сказать так: у нас столько прошлых жизней, столько раз мы пересказываем собственную биографию.

Возникает проблема: насколько то, что рассказывает респондент, соответствует тому, что происходило действительности. Эта проблема отчасти решается обращением исследователя к объективным данным, которые имеются в различных архивах, в записях отдела кадров (например, записи в трудовой книжке дат и мест работы респондента), к личным документам респондента, сообщениям людей, хорошо знающих респондента, его родственников и т. п. В принципе исследователь может реконструировать жизненный путь респондента совершенно самостоятельно – на основании различных данных, которые сложатся в вполне целостную, а главное – объективную картину. В этом смысле собственный рассказ респондента может показаться даже излишним.

Однако в качественной социологии важна реконструкция своей жизни все-таки самим респондентом, важен его взгляд изнутри. Можно, конечно, без помощи рассказчика выяснить, заглянув в его паспорт, в каком году он женился первый раз и в каком году он решил испытать судьбу снова. Но в паспорте не указано, о какие стороны быта разбилась любовная лодка его владельца в первый раз и какой мировоззренческий переворот в его сознании предшествовал вспыхнувшему чувству перед второй женитьбой. Об этом может рассказать только он сам².

И если рассказчик перепутал дату своей второй женитьбы, то мы не будем спешить указать на эту ошибку. Для социолога интересно не только то, что

---

¹ Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект пресс, 1996. С. 57.

² Конечно, Зигмунд Фрейд к последней фразе отнесся бы с подозрением: что вообще достоверного может знать о себе человек? Но мы исходим из того, что личность не является игрушкой подсознательного.

было на самом деле, он в конце концов не историк. Для социолога важно то, что сам рассказчик думает об том, что, как он считает, было на самом деле¹.

И тем не менее можно даже в самом произвольном рассказе, построенном на том, что ассоциативно всплывает в памяти, обнаружить, с одной стороны, некоторые различающиеся по содержанию части, а с другой стороны, определенные константы². Эти константы характеризуют рассказчика не только как определенный психологический тип, но как представителя сообщества, к которому он принадлежит, а также его взаимоотношения со структурами общества в целом.

Рассмотрим в качестве примера фрагмент полуструктурированного биографического интервью с Леонидом Денисовичем Мироновым, научным работником³. Фрагмент представлен в несколько отредактированном виде и разбит на части в соответствии с интересами анализа.

Часть 1

– А куда Вы пошли работать после университета?

– Меня взяли в аспирантуру на кафедру лекарственных веществ. Руководитель моей дипломной работы рекомендовал меня своему знакомому в качестве способного человека. Я защитил диссертацию и пошел по науке, сначала по биохимическому направлению, а потом в Институте эндокринологии и химии гормонов. Стал старшим научным работником.

– А вот, интересно, Вас как брали? На основании публикаций, по личному знакомству, кто-то замечал Вас на конференции?

– Думаю, что не только я, но и многие другие молодые ученые продвигаются все-таки через личные контакты. Через кого-то ты контактировал, а он в другом месте работает. Он рекомендует тебя там руководству, они знакомятся и берут. Меня в Институт эндокринологии тоже взяли через знакомого, который там работал. Он говорит: «Слушай, организуется новое направление, может, тебя возьмут, ты способный человек!» Он меня познакомил со своим научным руководителем, тот поговорил со мной и тут же взял. И сразу старшего научного дал. И я действительно в эндокринологии много успел сделать за четыре года...

Итак, в первой части говорится о том, как люди попадают в научное сообщество. Респондента пригласили в аспирантуру, затем на научную работу: сначала по биохимическому направлению, потом в Институт эндокринологии. Каждый раз приглашение происходило на основе личных контактов и неформальных межличностных отношений. Одни рекомендуют других, но не потому, что просто знакомы или знают, что вот он хороший человек, но в качестве людей, способных к научной деятельности. Речь идет о способе

---

¹ Установление того, что было на самом деле, есть отдельная познавательная задача, которая часто в силу своей чрезвычайной сложности не совпадает с тем, что интересует социолога.

² Константы – устойчивые черты, свойства.

³ Полностью интервью Л. Миронова см. в: Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. Приложение 1.

формирования научного *сообщества*¹, которое, конечно же, параллельно сопровождается вписыванием в официальные иерархические структуры в виде оформления на ставку старшего научного сотрудника, имеется вышестоящее начальство, а также подчиненные младшие сотрудники и т. д.

В данной части рассказа можно выделить также подчеркивание рассказчиком своих личных способностей, которые сделали возможным после вуза рекомендовать его сначала в аспирантуру, а затем в большую науку. Здесь, с одной стороны, присутствует простое повествование: сначала было это, а потом вот это... а с другой стороны, оценка данного жизненного этапа: рекомендовали, сразу дали должность старшего научного сотрудника, «я действительно в эндокринологии много успел сделать за четыре года».

Таким образом, можно выделить все три вышеназванных момента: социальный контекст – тип сообщества, рассказ истории жизни и осмысление того, что рассказывается. Если бы мы опустили первое – способ формирования научного сообщества, то осталось бы описание рассказчиком своего пути в науке с упором на личные способности. Но это означало бы уход в психологическую сторону дела. Однако выявление способа становления особого социального субъекта – научного сообщества – сохраняет нас в качестве социологов. Обнаружилось, что это сообщество формируется на основе личных связей и рекомендаций, имеющих в виду прежде всего способности конкретного человека к научной деятельности.

Часть 2

– Руководитель, который меня пригласил, обещал мне и другим, что мы быстро наберем материал для докторской. Но на деле старался выжать лично для себя... Старался отрезать фамилию того, кто выполнял, и поставить только свою подпись.

Я у него работал 10 лет. Терпел... Иногда бывали конфликты в связи с этим присвоением и проявлением самодурства. Хотя я его, когда он уезжал за границу, заменял. Патент должны были получить, но что-то опять все заматалось...

Он говорит: «Надо написать монографию!» Мне он три главы давал. Моим коллегам: кто – по одной, по две главы. Потом – еще раз собрал: «С директором академиком Морозовым обо всем договорился. Но Морозов будет соавтором». А он сам будет вторым соавтором. А вас упомянем в списке участников. Я говорю: «Писать, чтоб где-то быть упомянутым?»

Таким образом, у меня украли то, что я сделал. Есть авторское право, я не раб! Я ничья не собственность! И все тоже отказались.

– Ну, а книжка? Она появилась без Вас?

– Нет! Книга не появилась, не вышла. И я тогда от него стал уходить. Он мне препятствовал целый год.

Проанализируем вторую часть фрагмента. Речь идет о десяти годах борьбы со своим начальником, который приписывал себе не им выполненные научные работы, а затем попытался издать не им написанную моногра-

---

¹ В виде своеобразного этноса, на основе того, что можно условно назвать «наш человек», или, как выражались американские индейцы: мы с тобой одной крови.

фию в соавторстве с директором-академиком. Но благодаря действиям рассказчика и других действительных авторов монографии, она так и не вышла. На первом плане мы видим описание рассказчиком своих личных положительных качеств – способность оказывать решительное сопротивление, и общей оценки своих действий: «Я не раб! Я ничья не собственность!»

Но если учесть, что все это тянулось целых десять лет, то мы получаем еще одну сторону особенностей научного сообщества. А именно – зависимость от официальной иерархии, невозможности *свободного* перехода в иную область деятельности, к другому руководителю, чьи личные качества не позволили бы приписывать себе то, что сделано другими.

В то же время мы видим противоречие. С одной стороны, провозглашается – я не раб и ничья собственность. С другой стороны, целых десять лет, то есть весьма продолжительный для масштаба обычной человеческой жизни период, работа на человека, которого он не уважает как ученого. Не углубляясь в психологическую сторону дела – не раб, но реально работал на другого, – можно обратить внимание, по крайней мере, на беспечность рассказчика по поводу течения времени и его уверенность, что впереди этого времени достаточно, чтобы в любом случае успеть сделать главное в научной области. Ниже мы покажем, что эта беспечность по поводу течения времени есть нечто большее, чем черта характера.

Часть 3

– А на новом месте какая была система взаимоотношений?

– Новый руководитель не старался присвоить мой труд и не считал, что я его собственность. Все было хорошо и интересно, даже после его смерти, с новым руководством. Мне давали отдел и чего угодно. И я отказался сам. Потому что пенсия подходила. Я, конечно, десять лет зря потерял, надо было раньше, конечно, оттуда уходить.

– Как получилось, что вы видели, какой он из себя (бывший начальник, на которого зря работал 10 лет), и он все-таки был вашим начальником?

– Когда организовывали Научно-статистический центр, его сразу поставили во главе этого Центра. За какие заслуги? Ну, наверное, опять же за болтовню. Он организовывал, конечно, сбор данных. Он был настырный и пробивной. А когда потребовалось материалу дать научный анализ... Вот тут он стал мошенничать, претендовать на открытие методов и применение математики, моделирование и системный анализ. Ему поверил замминистра и послал представителем в Вену, в Международный институт системного анализа. И он там нахватался по верхушкам.

– А почему все-таки решили уйти с работы, когда пенсионный возраст подошел? Ведь все удачно складывалось?

– Когда мне было 55 лет, то я думал, что пенсия еще далеко. И на пенсии замысли все творческие спокойно осуществляю без организационной суеты. Мне было 58 лет, умер начальник, и мне опять стали давать отделение эпидемиологии, я отказался – принципиально. Скоро пенсия, уж думаю смогу спокойно, творчески поработать, а вы будете заставлять меня руководить, на что мне это? У меня были намерения и в более широком плане, в замысле было создание (и уже частично это сделано) энциклопедии отношений человека с алкоголем. Вся панорама с прошлых времен.

Здесь открывается еще одна особенность научного сообщества – необходимость большой организационной работы и в связи с этим быть, как выразился рассказчик, настырным и пробивным. Именно это помогло бывшему начальнику стать во главе научного центра. Но у него не оказалось способностей к подлинно научному анализу. И тогда началось мошенничество. Тут интересно противопоставление, характеризующее научное сообщество: либо способности организационные, либо – к научному анализу. И маловероятность ситуации, когда в одном человеке совмещаются обе стороны. Во всяком случае рассказчик о таком варианте не упоминает.

Теперь личная история жизни рассказчика. Снова излишне свободное обращение со временем, убежденность, что самое главное можно откладывать на потом. В 55 лет считал, что до пенсии далеко, а придет пенсия, вот тогда спокойно осуществит творческие замыслы без организационной суеты. Тот же самый способ рассуждения мы видим, когда в 58 лет появилась возможность возглавить отделение эпидемиологии. Мечта о спокойном творчестве на пенсии: написать энциклопедию отношений человека с алкоголем, охватывающей столетия, заслонила все остальное. Но легко представить, насколько необозрима по выполнению эта задача по сравнению с обычно не таким уж длительным работоспособным пенсионным периодом жизни.

Часть 4

– У Вас есть большие планы на будущее. Но что было наиболее важным в пройденном пути?

– У меня такое впечатление, и у моих коллег теперешних, что моя позиция оказала влияние на развитие системы наркологической помощи, на позиции работников здравоохранения. В Лондон едет председатель наркологической ассоциации. Еще несколько лет назад он говорил, и сейчас сказал, что берет в том числе мою работу по этой ситуации. Она только что вышла... Он по ней сделает доклад. Я не возражаю. И мне приятно, что я один из ключевых специалистов. У меня есть основания быть удовлетворенным, большая статья – видите? Целых семь журнальных страниц в таком тесном номере... Это немало, неплохо...

Мы видим подведение итогов жизненного пути: рассказчик представляет себя в качестве одного из ключевых специалистов в своей области, его статья из целых семи страниц помещена в журнальном номере, ее материал будет использован в лондонском докладе председателем наркологической ассоциации.

Часть 5. На пенсии, период перестройки, 90-е годы

– Сравнивая с тем уровнем жизни, сейчас Вы как живете?

– Когда был заведующим, я 400 рублей получал, это было раза в 3 или в 2,5 выше, чем в среднем по стране... Потом средняя немножко поднялась, а нам не добавляли. Теперь мы, научные работники, получаем в два раза меньше среднего по стране. Сейчас приходится выживать. Зарплата только на еду, если будешь есть достаточно плохо и не обедать. И надо квартплату еще платить. И это – беда, и

трагедия страны тоже! Невозможно выкрутиться из экономического кризиса, если не оплачивается интеллект страны. Особенно – ученые.

Я перестал обедать, ни разу не был в столовой с 1 января 92-го года. Никто из моих коллег, в том числе и доктора наук, не ходят в столовую уже 4-й год.

Я потерял возможность жить в естественной своей культурной микро-, так сказать, материальной среде. Раньше каждый год выписывал несколько газет. «Новый мир» обязательно, потом еще «Октябрь» и «Знамя». Пошли приложения к «Вопросам философии». Теперь я этого лишен. На газеты не могу подписаться! Это очень тяжело переносить. Нет перспективы! Нет этой среды! Нет публики, чувствующей не просто общность позиции, но чувствующей контакты.

– А вот, с другой стороны, что-то в жизни у Вас стало лучше? Работаете в Думе как эксперт....

– Лучше – нет! Я эксперт и по-прежнему нужен моему ведомству, Минздраву... Но – это мой энтузиазм! Наши ученые скоро начнут ложиться на койку с гастритами и с язвами кишечника, потому что плохо питаются. Они держатся! Ведь в ученые попадают большинство все-таки не случайно! Ученый – это не просто тот, который хочет получать неплохую зарплату, иметь карьеру. Есть профессиональный долг, смысл жизни: что-то создавать, доказывать как ученому, открывать, в конце концов, и себе, и стране, и миру. И чтобы тебя оценили и похвалили. Но настоящий ученый не просто ради поощрения работает, а в нем еще живет изначально... Это чувство исследовательского любопытства. Это – черта внутренняя: профессиональное любопытство. Так же, как у писателя.

Описание этого периода жизни состоит из жалоб, что после перестройки научные работники стали получать в два раза меньше средней зарплаты по стране, речь идет теперь о простом выживании, и то, если будешь есть достаточно плохо и не обедать. И надо еще платить квартплату. Утрачена культурная микросреда: нет возможности подписываться даже на газеты, утрачены перспективы. Ученые начнут ложиться на койку с гастритами и с язвами кишечника, потому что плохо питаются. Но они держатся!

Осознание ситуации в целом: бедственное положение ученых – трагедия для страны! Потому что нельзя выйти из экономического кризиса, если не оплачивается интеллект страны, особенно труд ученых. Дается характеристика научного сообщества: настоящий ученый работает не просто ради поощрения, в нем живет изначально чувство исследовательского любопытства, профессионального любопытства. Как у писателя.

Сформулируем общий вывод. Этот вывод, с одной стороны, должен опираться на анализ жизненного пути конкретного человека, научного работника Л. Д. Миронова. Но, с другой стороны, вывод *должен выходить за границы того*, что непосредственно можно извлечь из анализа жизненного пути вот этого конкретного человека.

Используем в качестве пояснения аналогию. Согласно легенде, Галилей, сбрасывая с Пизанской башни предметы разной массы, обнаружил, что эти предметы достигают подножия башни за одно и то же время. И сделал вывод, который касался не только свойств конкретных предметов, подверг-

шихся испытанию, но всех падающих предметов: *все* предметы, независимо от своей массы, падают на землю с одинаковым ускорением. Вывод опирается на опыт, но невыводим из опыта, который всегда ограничен в пространстве и во времени. Ведь очевидно, что из тех же экспериментов другой человек вполне мог бы сделать другой общий вывод, не совпадающий с галилеевским. Здесь приоткрывается дверца свободы: возможность разных обобщений на основе одного и того же материала.

И вот теперь мы тоже должны перейти к общему выводу, который, признаем сразу, другой исследователь мог бы не усмотреть в том же самом интервью. Правда, он смог бы увидеть что-то другое¹.

Зафиксируем противоречие между тем, что планировалось Л. Д. Мироновым, и тем, что реально он сделал в своей жизни. Оставаясь в русле социологии, не уходя в психологические характеристики респондента – планировал, но не сделал, откладывал на потом, сам виноват и т. д., перейдем к тому, что не учел и в принципе не мог учесть наш рассказчик.

Не существует одних и тех же единиц времени для исторического процесса и жизненного пути отдельного человека. Десять лет, потерянных на борьбу с плохим начальником, – ощутимая часть человеческой жизни, но всего лишь миг для масштабов истории. Планы нашего респондента относительно спокойной творческой работы после выхода на пенсию превратились в нечто неуместное при очередном повороте колеса истории (так называемая перестройка). Потому что *предвидение действительных результатов исторического поворота находится по ту сторону возможностей человека*. А это значит, что все свои способности и таланты необходимо успевать реализовать *здесь и сейчас*. Не стоит полагаться на историю – даму, которая совершенно не обязана считаться с чьими-то чаяниями и надеждами.

4. История семьи

Сначала определимся с основными понятиями. Мы будем различать супружескую семью в виде мужчины и женщины, находящихся в брачном союзе, ведущих совместно домашнее хозяйство, бездетных или имеющих собственных или приемных детей, в том числе взрослых детей, создавших либо не создавших собственные семьи, но живущих совместно с супружеской парой. Также совместно с супружеской парой может проживать кто-то из родителей того или иного ее члена.

Случай, когда с супругами живут их взрослые дети и (или) их родители, нужно отличать от того, что Энтони Гидденс называет расширенной семьей, когда близкие родственники – бабушки, дедушки, братья и их жены, сестры и их мужья, тети, дяди, племянники и племянницы – живут вместе либо находятся в близком постоянном контакте².

---

¹ Одной из особенностей качественной социологии, как известно, является возможность делать разные обобщения на основе одного и того же эмпирического материала.

² Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл: пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС. 2005. С. 156.

Различие состоит в том, что в первом случае совместное проживание супругов с взрослыми детьми и (или) родителями является вынужденным из-за невозможности в силу тех или иных причин решить жилищные проблемы, или неспособности жить самостоятельно по состоянию здоровья. В случае расширенной семьи, которую Гидденс, кстати, связывает с традиционным обществом, речь идет о большой семье с иерархическим распределением ролей и до известной степени единым бюджетом.

Под историей семьи как методом качественной социологии мы будем понимать *исследование способов решения супружеской семьей проблемных ситуаций, имеющих объективные основания.*

Речь идет, во-первых, о проблемах психологического характера: подростковый мировоззренческий кризис, чреватый отчуждением детей и родителей друг от друга; претензии родителя одного из супругов (тещи или свекрови) на роль главы семьи, потому что в сознании продолжают господствовать деревенские стереотипы внутрисемейных отношений; так называемый кризис среднего возраста мужчины, когда совершается пересмотр прожитой жизни и «наверстывание упущенного», что нередко оборачивается супружескими изменами или пристрастием к алкоголю¹; кризис «опустевшего гнезда», когда взрослые дети начинают самостоятельную жизнь и супружеская семья остается предоставленной самой себе, и т. д.

Во-вторых, речь идет о проблемах экономического характера, связанных с потерей работы одного или обоих членов супружеской пары из-за закрытия предприятия или сокращения (оптимизации) штатов либо утраты трудоспособности.

Эти проблемы и выбираемые способы их решения можно рассматривать в качестве *основных век*, из которых складывается жизнь супружеской семьи в качестве некой истории, которая в данном случае будет предметом исследования.

Важным обстоятельством для такого понимания истории семьи является то, что супружеская семья оказывается местом (топосом), в котором соединяются, но необязательно сливаются жизненные установки и способы восприятия мира двух больших групп людей. Одна из этих групп находится в родственных отношениях с супружеской парой на основе кровной связи (матери, отцы, братья и сестры, дети и т. д.), другая – на основе заключения брака. В последнем случае родители, братья, сестры и другие кровные родственники одной стороны становятся родственниками противоположной стороны.

Данную сторону дела – соединение, но не слияние жизненных установок и способов восприятия мира – весьма экспрессивно подчеркивает Юрий Трифонов в повести «Другая жизнь»: «Всякий брак – не соединение двух людей, как думают, а соединение или сшибка двух кланов, двух миров. Вся-

---

¹ Здесь уместно вспомнить героев фильмов «Полеты во сне и наяву» Романа Балаяна и «Зимняя вишня» Игоря Масленникова.

кий брак – двоемирие. Встретились две системы в космосе и сшибаются намертво, навсегда»¹.

Родственников супружеской пары можно также рассматривать в виде совокупности представителей разных поколений. Речь идет об убывающем на глазах военном поколении, выросшем в бараках и на «карточках», потерявшие которые были смерти подобно, считающем, что праздник, это когда буханка хлеба на столе; о поколении, выросшем в эпоху так называемого развитого социализма, оказавшемся в мировоззренческом вакууме в результате перестроечных преобразований; современном поколении, «делающем деньги» с упорством, достойным лучшего применения; наконец, о взрослеющем поколении их детей, погруженных в мир гаджетов и айпадов. Очевидно, что за всеми этими человеческими типами тоже стоят различия (вплоть до сшибок) способов восприятия мира.

В теоретическом плане выражения «жизненные установки», «способы восприятия мира» являются скорее метафорами, чем понятиями. Правильнее будет обращение к понятию *габитуса* (*habitus*), которое вслед за Эдмундом Гуссерлем использует Пьер Бурдьё. Габитус – это совокупность бессознательно подразумеваемых принципов поведения в определенных жизненных ситуациях: готовность реагировать, говорить, ощущать, думать именно тем, а не другим – способом. Габитус есть результат интериоризации² особенностей бытия определенного социального класса или слоя. Так, условия существования рабочих отличаются от условий существования представителей бизнеса, и эти отличия формируют различие в привычках и предрасположениях, стереотипах поведения, мировоззренческих ценностях. Габитус имеет тенденцию к постоянству и защищается от изменений посредством бессознательного отбора информации, говорящей в его пользу, уклоняясь от информации, которая может поставить под сомнение уже накопленный опыт³.

Мы все же будем использовать выражения «жизненные установки», «способы восприятия мира» и «габитус» как близкие по смыслу понятия. Таким образом, супружеская семья предстает в качестве своего рода перекрестка различных, зачастую несоизмеримых (то есть буквально – не имеющих общей меры⁴) жизненных установок, способов восприятия мира, габитусов.

Нужно признать, что в большинстве случаев речь идет все же не о взаимоисключении, но пересечении способов восприятия мира. То есть, несмотря на все расхождения, вполне возможна определенная общность ценностей и установок, поддерживаемая, кстати, соответствующими социаль-

---

¹ См. в: Трифонов Ю. Дом на набережной. Москва: Эксмо, 2008. С. 20.

² Интериоризация (от фр. *intériorisation* – переход извне внутрь, букв. – овнутрение) – формирование структур человеческой психики через усвоение форм и символов внешней социальной деятельности.

³ См.: Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998 г. Т. I, вып. 2.

⁴ В этом смысле можно провести неожиданную параллель между супружеской семьей и квадратом, элементы которого – диагональ и сторона – именно несоизмеримы.

ными институтами, и вот эта общность обеспечивает сохранение как супружеских пар, так и родственных отношений.

Отметим в скобках, что уже само знание, что данный человек является пусть даже некровным, но все же родственником (например, мужем сестры), сразу меняет к нему отношение, что выражается в добровольном накладывании на себя соответствующих обязательств, может быть даже стесняющих прежнюю свободу действий, но представляющихся совершенно естественными.

Представим, что сюжет известной пьесы Шекспира «Ромео и Джульетта» повернулся так, что враждующие кланы вовремя обнаружили, что юноша и девушка уже обвенчаны, пусть тайно, но вполне законным образом. Оба клана сразу осознали бы себя родственниками, и это повернуло бы ход действия пьесы совсем в другую сторону, а выяснение отношений, вплоть до смертельных поединков, превратилось бы в нечто неуместное и не укладывающееся в сознании¹.

Таким образом, с одной стороны, мы имеем соединение *различных* способов восприятия реальности, но, с другой стороны, речь идет все же о *соединении*, а значит, возникновении пусть хрупкого и, как показывает жизнь, отнюдь не гарантированного от распада, но все же единства.

Это совместное со-бытие (со-жительство) носителей различных габитусов в рамках супружеской семьи и ее ближайшего окружения привносит момент непредсказуемости и случайности в выбор способа решения проблемной ситуации. Здесь уместна аналогия с точками бифуркации в синергетике. Известно, что бифуркация характеризует состояние системы, находящейся перед выбором возможных вариантов дальнейшей эволюции. В этот момент малейшие случайные обстоятельства определяют направление дальнейшего развития системы, необратимо перекрывая возможности иных направлений.

В нашем случае роль случайных обстоятельств играет сложившееся к *данному моменту времени* соотношение габитусов членов семьи и ее ближайшего окружения. Но в то же время неустраним фактор свободного выбора действующими лицами в условиях того, что сложилось, поэтому аналогия с синергетикой уместна лишь до известной степени. Соотношение габитусов и свободный выбор привносит непредсказуемость в определение способа решения проблемных ситуаций перед лицом возможных вариантов. Тем самым история семьи предстает как нечто *творимое* ее членами на свой страх и риск.

Лишь в качестве осуществившегося выбор решения проблемной ситуации может быть рассмотрен и объяснен более или менее однозначно на основе так называемых причин и объективных оснований (по принципу – а как же могло быть иначе?). Подчеркнем этот момент – объяснение сделанного выбора на основе причинных связей возможно только задним числом, *post factum*.

---

¹ Вспомним слова монаха Лоренца, согласившегося обвенчать Ромео и Джульетту: «От этого союза – счастья жду, В любовь он может превратить вражду». См.: Шекспир В. Ромео и Джульетта (пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник).

Проделаем следующий шаг. Нам представляется, что оппозицию различия и единства габитусов можно поставить в параллель различению, проводимому Альбертом Шюцем между отношением к другому человеку как носителю типичных ролей или функций (в нашем случае речь пойдет о номенклатуре родственных связей) и отношением к другому как уникальной индивидуальности. В последнем случае биография и жизненный опыт одного оказываются частью биографии и жизненного опыта другого, при этом номенклатура родственных связей сохраняется в качестве того, что всего лишь «имеется в виду»¹.

Можно в родном сыне видеть объект воспитательной работы, основанной на запретах или разрешениях, с постоянными напоминаниями, что «я в твои годы...». Но можно увидеть часть себя самого, превращающуюся на твоих глазах в самостоятельную личность с собственным путем ошибок и достижений.

Можно воспринимать вот этого человека в качестве тестя, *father-in-law* (отца по закону). И относиться к нему с должным почтением. Но если вы вместе сложили баню на садовом участке, деля пополам труд, пот и мозоли, то тесть из просто родственника (*father-in-law*) превратится в человека, которого, оказывается, вам, выросшему без отца, не хватало всю жизнь.

Таким образом, следуя параллельно А. Шюцу, можно выделить во всей необозримой совокупности родственников тех, кого мы назовем *кругом живого общения*. Сюда могут войти не только члены супружеской семьи, но и родственники, с которыми вместе проводят праздники, которые поддержат в трудных жизненных обстоятельствах, одолжат нужную сумму без всяких расписок или просто придут в гости «на чашку чая», получая от общения взаимное удовлетворение.

Может выясниться, что круг живого общения не так уж широк, а само общение является эпизодическим и случайным. Рассматривая под этим углом зрения достаточно большое количество случаев, мы получим представление о том, насколько далеко зашла (или, наоборот, не зашла) атомизация того социального слоя, представителями которого являются исследуемые супружеские семьи.

Предельной можно считать ситуацию, когда атомизация захватывает в том числе отношения между членами супружеской пары. Проиллюстрируем ситуацию пересказом содержания юмористического рассказа.

Мужчина пришел с работы домой, они с женой поужинали, посмотрели телевизор, легли в постель, потом разговорились о детях. Мужчина вдруг обнаруживает, что жена говорит о дочери, а он о сыне. Позвольте, говорит он, осматривается и понимает, что перепутал подъезд. Одевается, берет свой дипломат, подходит к дверям. В этот момент дверь открывается, и входит

---

¹ О различении отношений, когда «каждый участвует во внутренней жизни другого» и оба «разделяют живое настоящее», и – когда другой воспринимается на основе стереотипа, или в «типизированной форме» см. в: Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. Статья «Возвращающийся домой».

муж в такой же дубленке, в такой же шапке, с таким же дипломатом. Что тот индивид, что этот. Что та семья, со стенкой и сервизом, телевизором в углу, что другая. Семья вроде бы сохранилась, и все вроде бы в порядке, но ее душа отлетела, остался механизм накатанного общения.

Но, разумеется, в большинстве случаев дело не заходит так далеко. По крайней мере между близкими родственниками и внутри супружеских пар сохраняется, как выразился бы Макс Вебер, шанс понять другого и быть понятым другим.

Итак, мы ввели понятие круга живого общения. Очевидно, что этот круг будет иметь более или менее четкую границу. И важно то, что эта граница одновременно определит тех родственников, интервью с которыми, наряду с интервью с членами супружеской семьи, даст достаточно всестороннее изображение ее жизни. В том числе в виде интерпретаций и оценок тех способов решения проблем, которые оказалась способной найти данная супружеская семья на соответствующем повороте своей истории.

Опираясь на приведенные соображения, можно наметить следующие этапы исследования истории супружеской семьи

Сначала составляется список, в который кроме членов супружеской семьи входят их родственники со стороны мужа и со стороны жены, семьи предшествующих и последующих поколений. При составлении такого списка может быть взята в качестве одного из возможных вариантов следующая схема (рис. 3.1).

Рис. 3.1

На основе составленного списка родственников переходят к определению круга живого общения. Понятие круга живого общения, как представляется, можно операционализировать (признавая все моменты условности и натяжки) через определение состава микрогруппы, в которую входит супружеская пара, посредством применения метода социометрического опроса¹.

¹ Способ определения микрогрупп в сообществе см. в: Ненашев М. И. Методы исследования в количественной социологии... Тема 10. Социометрический метод.

А далее с выявленными таким способом членами круга живого общения проводятся биографические интервью, в которых обязательной, но не акцентируемой специально темой должны быть отношения рассказчиков к различным проблемным обстоятельствам и перипетиям жизни исследуемой супружеской семьи.

Наконец, все интервью соединяются в общую картину, анализ которой должен позволить выявить важнейшие этапы жизни супружеской семьи. При этом, с одной стороны, выделяются проблемные ситуации и способы их решения, а с другой – то, как эти проблемы и их решения осмысливались родственниками, входящими в круг живого общения, и членами самой супружеской пары.

Итак, интервью с членами круга живого общения должны позволить представить историю супружеской семьи в виде последовательности во времени способов решения тех имеющих объективный характер проблем, на которые мы указали в начале параграфа.

Впрочем, можно ограничиться всесторонним рассмотрением какой-то одной проблемной ситуации. Допустим, что речь пойдет о проблеме так называемого подросткового кризиса, через которую проходят все или почти все семьи. Используем рассказ самого подростка в качестве примера интервью одного из членов круга живого общения конкретной супружеской семьи. Обратим внимание на то, что этот рассказ можно представить в виде растянутой во времени типичной точки бифуркации.

– Я вдруг понял, точно глаза раскрылись, что родители мои совсем не особенные, но такие же, как все остальные взрослые. И что отец так и будет всю жизнь продолжать возиться со стартером нашего старого «Жигули», без конца вытирая руки грязной тряпкой, для матери же вершина мечты – покупка в кредит нового холодильника. А покупка планшетника, который я у них просил, зависит от премиальных, которые отец, оказывается, может и не получить, потому что месяц назад на работе не догадался проголосовать, как нужно.

– То есть ты разочаровался в своих родителях?

– Я увидел, что они обыкновенные, люди толпы. В детстве я был уверен, что отец знает ответы на все вопросы. А оказалось, он даже эсэмэску не знает как отправить. Я в то время увлекался рисованием, считал, что в моих рисунках есть что-то от Матисса. Но все мои разговоры о Матиссе родители переводили на обсуждение стоимости красок и холстов.

– Их беспокоили предстоящие расходы!

– Да у них только эти расходы и были на уме! Я согласен, что расходы надо обсуждать, но почему их интересовало только это? А еще их беспокоило, что я начал поздно возвращаться домой и что у меня появились друзья совсем другие по сравнению с теми, с которыми я дружил со школы. Но с новыми друзьями мне было гораздо интереснее, мы часто спорили про новые направления в живописи. Два раза я даже оставался ночевать у друзей из-за этих затянувшихся споров, а родители сразу начинали морги обзванивать. Потом были скандалы, что я мог хотя бы позвонить.

– Я их вполне понимаю.

– Я тоже согласен, что надо было позвонить. Но почему их ничего другое не интересует? И мама вдруг ужаснулась, что я стал встречаться с девочкой. Даже не зная ее, сразу решила, что речь идет о чем-то нехорошем. А ей просто нравились мои рисунки. И надо же мне было перед кем-то выговориться, потому что ребята, с которыми я дружил на почве увлечения рисованием, больше носились со своими подрамниками и нарисованными ветками сирени в стакане.

– Родителей смущала возможность того, что вы с этой девочкой, как бы это мягче выразиться, далеко зайдете.

– Да, мама все время пыталась развить эту тему. Но у нас с этой девочкой были всего лишь разговоры о всякой всячине. А потом и это как-то сошло на нет, ей стали нравиться рисунки другого мальчика. И я не знаю, во что это у них вылилось.

– Была какая-то разница между отцом и матерью в отношении к твоему поведению?

– Ну, отец продолжал стартер ремонтировать. Он все время его вынимал из-под капота, разбирал и снова собирал. О планшетнике он сказал, что, возможно, в ближайшие полгода что-то выгорит. Я заявил, что он мне нужен сейчас, у всех ребят в классе уже есть планшетники. Он ответил, что я как художник должен быть выше этого. Вообще он часто шутками отделывался. А однажды сказал, что покупка нового стартера важнее моего планшетника. И предложил, чтобы я помог ему довести до ума машину. Мы вместе разобрали в который раз стартер, и я понял, что он все время чистил коллектор, чтобы контакт был лучше, а нужно было щетки проверить, они плохо держались, все время ерзали, нужно было всего-то немного обжечь пассатижами в двух местах. Машина стала заводиться с пол-оборота. И отец купил мне планшетник, я потом узнал, что он денег занял.

– А отношение матери?

– Мама все время интересовалась моими девочками, хотя, собственно, девочек особо-то и не было. Меня что-то сдерживало по сравнению с другими ребятами. Но когда я однажды сказал маме, что меня девочки не интересуют, она еще больше испугалась. И начала развивать другую тему, о которой я не хочу говорить. Она работает в техотделе, там много женщин, они занимаются чертежами, но это не мешает им все время разговаривать о всякой всячине, в том числе и о мужчинах, которые не совсем такие, как все. Вроде бы у них там в коллективе работает такой.

– Я так понимаю, что с отцом у тебя наладилось. А с мамой?

– Я понял, что она всего лишь женщина. И еще я понял, что мои родители – это мои родители. А то, что они как все, то мне других и не нужно.

– А твое рисование во что вылилось?

– Мы с отцом сходили в художественное училище и показали мои рисунки. Там женщина, кутаясь в шерстяной платок, зябла, наверное, сказала, что в принципе рисунки неплохие. И когда отец спросил, стоит ли мне поступать к ним в училище этим летом, она ответила, что можно поступать, но в принципе можно и не поступать, а заняться чем-то другим.

– Мудрая женщина?

– Ну, во всяком случае я облегченно вздохнул. А то уж представлял, как всю жизнь буду кисти вытирать о всякие тряпки. Я понял, что в моем будущем возможны разные варианты.

Если собрать воедино рассуждения об истории семьи как последовательности способов решений проблемных ситуаций, носящих объективный характер, а также рассуждения о круге живого общения, который может оказаться весьма широким, но может вполне ужиматься и до эпизодических и случайных контактов, то обнаружится, что общим контекстом всех этих рассуждений является то, что выше мы уже обозначили несколько вскользь. Это проблема атомизации общества или определенного социального слоя. Метод истории семьи предстанет в таком случае инструментом для измерения того, насколько далеко в обществе или социальном слое зашел (или не зашел) процесс распространения между людьми типизированных (Альфред Шюц), обезличенных отношений.

5. Устная история

Устная история (англ. – *oral history*) – метод качественного исследования, при котором анализируется восприятие социально значимого события его участниками или свидетелями для раскрытия того смысла и значения, которые они придают этому событию.

Устную историю как метод качественной социологии нужно отличать от устной истории в виде особого направления исторической науки. Здесь собирают свидетельства по поводу событий для получения и сохранения исторической информации, а также дополнения имеющихся официальных материалов (часто недостаточно полных или идеологически подправленных)¹.

Другое отличие состоит в том, что участники или очевидцы в историческом исследовании представляют, как правило, выборку, составленную по принципу, чем обширнее и объемнее, тем лучше. В устной истории как методе качественной социологии участниками или свидетелями выступают члены определенного, более или менее обозримого сообщества, отличающего себя от *других сообществ*².

В качественном исследовании могут опрашиваться по поводу одного и того же события представители разных сообществ. В таком случае результаты анализа их сообщений не обязательно будут совпадать друг с другом. Допустим, что всеобщее внимание привлекло появление в ночном небе расплывчатых светящихся точек, произвольно меняющих направление и скорость движения. Для членов сообщества уфологов³ такое поведение светящихся точек явится признаком перемещения в небе объектов внеземного

---

¹ См.: Теория и методология истории: учеб. для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Изд-во «Учитель», 2015. С. 338; Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. Раздел «Тактики качественного исследования».

² См. параграф «Этнографическое исследование» настоящей книги.

³ Уфология от UFO (Unidentified Flying Object, рус. пер. – неопознанный летающий объект, или НЛО) занимается изучением свидетельств о существовании неопознанных летающих объектов.

происхождения. А представителями научного сообщества то же самое движение светящихся точек будет истолковано как появление в плотных слоях атмосферы частей космического мусора.

Важно, что при совпадении непосредственного описания события разными сообществами – вижу светящиеся точки, произвольно меняющие свое движение, – способ истолкования события может существенно отличаться: НЛО либо космический мусор. Для социолога эти отличающиеся истолкования одного и того же позволяют понять различие в способе мышления и восприятии окружающего мира соответствующими сообществами.

Итак, метод устной истории в качественной социологии включает в себя анализ, с одной стороны, того, как событие непосредственно воспринимается представителями того или иного сообщества, а с другой стороны, как оно ими истолковывается.

Так как речь идет о свидетельствах людей, различающихся по возрасту, полу, образованию, эрудиции, направленности внимания, то вся совокупность свидетельств в рамках даже одного и того же сообщества предстает в виде разноголосицы точек зрения и способов восприятия, которая может включать в себя в том числе противоположные позиции. Поэтому становится необходимым группировать точки зрения и позиции, чтобы затем выяснить связь различий между ними с теми или иными объективными факторами.

Чтобы проиллюстрировать особенности метода устной истории, обратимся к результатам анализа интервью паломников Великоорецкого крестного хода 2015 года¹.

В начале исследования была отобрана методом «снежного кома»² группа, состоящая из мужчин и женщин разного возраста и с разным стажем паломничества. Был проанализирован материал десяти интервью, в двух из этих интервью участвовали сразу два респондента. Число десять определлось тем, что продолжение опроса большего количества респондентов фактически не давало информацию, существенно отличающуюся по содержанию от уже полученной.

Использовался тип полуструктурированного интервью, все вопросы к респондентам были сгруппированы вокруг четырех тем:

1. Подготовка к участию в Великоорецком крестном ходе.
2. Первый день Великоорецкого хода.
3. Остальные дни Великоорецкого хода. Празднования в с. Великоорецком.
4. Возвращение. Общие впечатления.

---

¹ Великоорецкий крестный ход проходит ежегодно с 3 по 8 июня по маршруту Киров – река Великая (село Великоорецкое Юрьянского района Кировской области) – Киров. Протяжённость – 150 км, ночлеги в полевых условиях, ход собирает до тридцати с лишним тысяч паломников с России и ближнего зарубежья. Настоящий анализ построен на использовании результатов исследования, проведенного Социологической лабораторией Вятского государственного гуманитарного университета. Автор исследования – И. М. Пушкарева.

² Напомним, что при этом методе респонденты определяются из кандидатур, предложенных респондентами, с которыми уже были проведены интервью.

Интервью были обработаны по методу аналитической индукции, развернутое изложение которого будет представлено в следующей главе.

Указанные четыре темы были интерпретированы в качестве категорий, содержание каждой из категорий конкретизировалось через две взаимоисключающие субкатегории, с которыми были, в свою очередь, соотнесены номера соответствующих интервью (рис. 3.2).

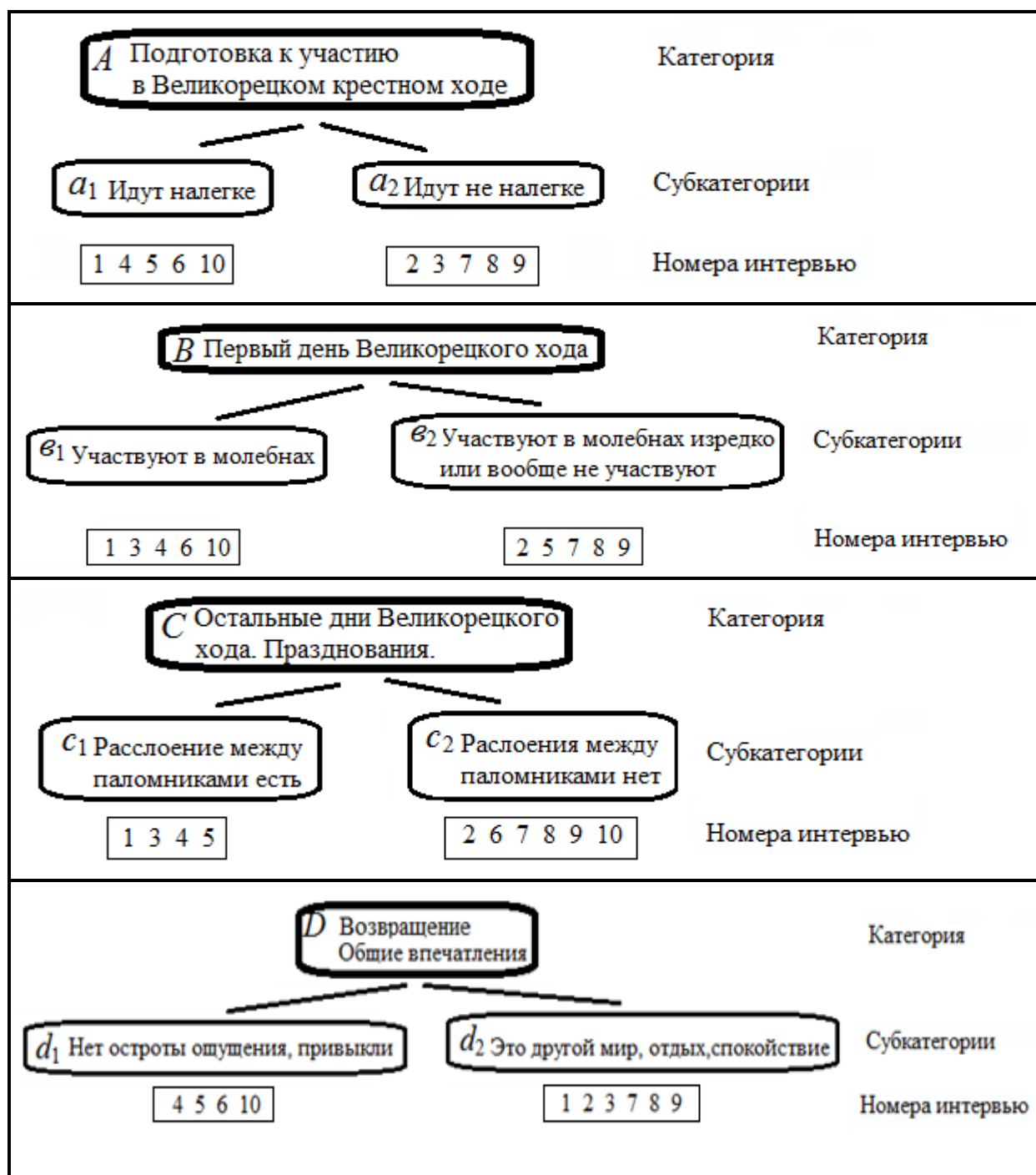

Рис. 3.2

Объединим все четыре схемы в одну, оставив в целях удобства вместо названий категорий и субкатегорий их буквенные обозначения (рис. 3.2).

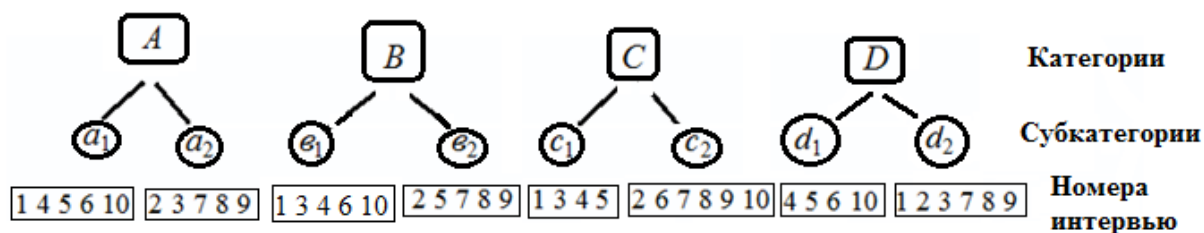

Рис. 3.3

Теперь необходимо сгруппировать субкатегории таким образом, чтобы получить кластеры (пучки). Для этого мы выбираем категорию, где номера интервью более или менее поровну распределились между ее субкатегориями. Такими оказались категории *A* и *B*. Делаем выбор в пользу категории *A*. Впрочем, ничего бы не изменилось (и это можно проверить), если бы мы выбрали категорию *B*.

Теперь вместе с субкатегорией a_1 группируем те субкатегории из каждой пары, номера интервью при которых в большинстве своем совпали с номерами интервью при данной субкатегории.

Номера интервью при субкатегории a_1 : 1, 4, 5, 6, 10. Эти номера составляют большинство номеров интервью (мы их выделили жирным шрифтом) при субкатегориях b_1 (1, 3, 4, 6, 10), c_1 (1, 3, 4, 5), d_1 (4, 5, 6, 10). Это означает, что мы можем объединить данные субкатегории в один кластер, обозначим его римской цифрой I (a_1, b_1, c_1, d_1).

Номера при субкатегории a_2 : 2, 3, 7, 8, 9. Нетрудно убедиться, что эти номера составляют большинство в каждом списке номеров интервью при субкатегориях b_2, c_2, d_2 . Объединим эти субкатегории в кластер II.

Дадим теперь схему, объединяющую категории, субкатегории и кластеры, в последние впишем названия соответствующих субкатегорий (рис. 3.4).

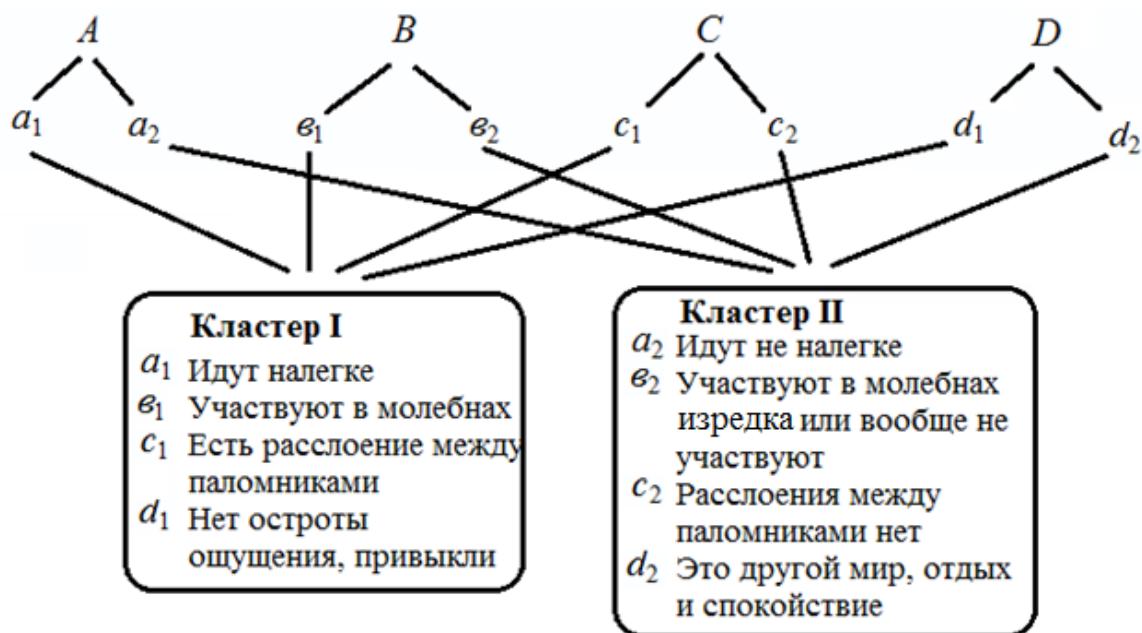

Рис. 3.4

Итак, получается, что можно разделить паломников на две группы. Для одной группы характерно то, что они идут налегке, участвуют в молебнах, считают, что есть расслоение между паломниками, и у них исчезла острота ощущений в силу привычки. Другая группа идет не налегке, считают, что расслоения между паломниками отсутствует, они лишь изредка участвуют или вообще не участвуют в молебнах, в то же время воспринимают обстановку Великоорецкого хода как другой мир, которому соответствуют отдых и спокойствие.

Попробуем найти объективные основания, с которыми можно связать различия между обеими группами паломников. Этими объективными основаниями могут быть различия по полу, возрасту, образованию, семейному положению и т. д. Но ясно, что в список объективных обстоятельств необходимо включить также стаж паломничества в виде характеристики, имеющей непосредственное отношение к предмету исследования.

Каждая группа состоит из трех мужчин и трех женщин, если учитывать, что в двух случаях интервью одновременно проводилось с двумя респондентами. Таким образом, нельзя сказать о существенном различии между обеими группами по соотношению полов. Каждый респондент имеет высшее образование или учится в вузе. Таким образом, и здесь отсутствует существенное различие между группами.

Но есть возрастное различие и различие по стажу паломничества. Получается, что нужно выбирать, какое из этих различий взять в качестве наиболее существенного. А затем именно через это наиболее существенное различие объяснять различие в поведении групп. Сравним табл. 3.1 и 3.2.

Таблица 3.1

<i>Кластер I</i>		<i>Кластер II</i>	
№ интервью	Возраст респондента, лет	№ интервью	Возраст респондента, лет
1	60	2	22
4	41	3	43
5	60	7	36
6	30	8	38
10	48	9	22
Ср. возраст – 47,8 лет		Ср. возраст – 32,2 года	

Таблица 3.2

<i>Кластер I</i>		<i>Кластер II</i>	
№ интервью	Стаж паломничества, лет	№ интервью	Стаж паломничества, лет
1	15	2	1
4	21	3	3
5	23	7	11
6	25	8	11
10	16	9	4
Ср. стаж – 20 лет		Ср. стаж – 6 лет	

Сравнивая средние величины по возрасту и стажу паломничества, мы обнаруживаем, что различие между группами по стажу паломничества ($20/6 = 3,3$) является более существенным, чем их различие по среднему возрасту ($47,8 / 32,2 = 1,5$). Итак, имеет смысл отталкиваться для объяснения того, чем отличается поведение обеих групп, именно от стажа паломничества.

Можно определить стандартное отклонение от среднего стажа паломничества для обеих групп. Оно будет равным для первой группы $\pm 3,9$ лет, а у второй группы $\pm 4,2$ лет. Это означает, что стаж первой группы колеблется в интервале $15,8 \div 24,2$ лет, стаж второй группы колеблется в интервале $1,8 \div 10,2$ лет. Мы видим, что минимум стажа для первой группы сравнительно далеко отстоит от максимума стажа второй группы. Все это подтверждает существенное отличие по стажу участия в Великорецком крестном ходе обеих групп. Можно принять, что именно это отличие определяет восприятие Великорецкого крестного хода.

Для *первой группы* паломников участие в Великорецком крестном ходе стало частью их жизни. Они не пропускают ни одного года, стараясь заблаговременно освободить необходимую неделю для участия в этом церковном шествии с иконой Николая Чудотворца. В качестве примера приведем слова одного из респондентов:

Заранее говорил за месяц руководству: «Я буду брать с такого-то по такое-то по семейным обстоятельствам, то есть просто Вас уведомляю, что мне нужно будет... что бы там ни случилось, я все равно буду это брать. Так что Вы имейте в виду». В Великорецкий крестный ход я всегда хожу – это моя жизнь (информант № 1).

Именно большой опыт участия объясняет тот факт, что эти паломники берут с собой минимальное количество вещей, так как им хорошо известно, что пригодится в крестном ходе, а что пролежит в рюкзаке лишним грузом. После стольких лет паломничества участникам уже не нужно заботиться о поисках ночлега. В каждом селе у них есть договоренность с хозяевами домов, чтобы остановиться переночевать и отдохнуть.

Паломники этого типа характеризуют Великорецкий крестный ход как торжественное действо, для которого никогда не будет свойственна рутинность. И все же появляется некое привыкание ко всему происходящему, эмоции, полученные от участия, уже не так сильны. Также в отличие от паломников, отнесенных ко второй группе, они не думают, что участие в крестном ходе поможет им решить проблемы материального или психологического плана, их цель – духовное укрепление.

Для второй группы паломников Великорецкий крестный ход предстает чем-то новым, удивительным и волнующим. Для них он – возможность стать лучше, посмотреть на окружающий мир «иными глазами», осмыслить события за прошлый год и поставить цели на будущий.

Итак, можно сделать общий вывод в виде *мини-теории*, состоящей из двух положений:

– с возрастанием стажа участия в Великорецком крестном ходе упрощается процесс подготовки к нему, но более активным и сознательным становится участие в различных мероприятиях (молебны, песнопения и т. п.), увеличивается критичное отношение к хлопотливым новичкам, в то же время общее настроение становится более привычным, ровным и одновременно более торжественным;

– участники с небольшим стажем больше уделяют внимания к подготовке к крестному ходу, меньше участвуют в молебнах из-за усталости, меньше обращают внимание на то, как себя ведут другие, но подчеркивают внутренние перемены в себе:

«Ты проходишь определенные испытания, у тебя внутри что-то перестраивается, ты меняешься сам. В этом ходе ты понимаешь, что ты попадаешь в другое измерение. Там совершенно по-другому время течет. Мы можем себе сейчас приставить – в 10 лечь, в 2 встать и целый день 50 км идти? Нормальный мозг это не понимает. Там все идет по воле Божьей, ты попадаешь в чудеса. Ты в 2 часа спокойно встал, в 3 пошел, и происходит это все совершенно естественно. Сколько тебе надо устать, столько ты и устанешь, а не надо – тебя Господь избавит от этого» (информант № 3).

Представим в несколько сокращенном виде интервью с одной из участниц Великорецкого крестного хода.

Интервьюер: Ирина Михайловна Пушкарева

Начало интервью: 14 часов 08 минут

Окончание интервью: 15 часов 54 минут

Дата проведения интервью: 31 марта 2015 года

Информант № 3, Надежда, 43 года, стаж участия в Великорецком крестном ходе – 3 года.

Респондент (зачитывает вслух предложенные вопросы): В чем состоит подготовка к участию в Великорецком крестном ходе? За сколько дней обычно начинается подготовка? В чем она заключается?

Надо сказать, что к первому крестному ходу, а он был в 2005 году, я готовилась, можно сказать, несколько лет, потому что мне хотелось пойти, но я думала, что нужна команда, чтобы кто-то меня взял. Я не знала, с кем идти, как идти и так далее. Никто в те годы из моего окружения еще не ходил, я просто смотрела видеосюжеты и слушала рассказы тех, которые ходили в крестный ход ранее. Проходила внутренняя работа, мне очень хотелось. Но крестный ход не всех пускает. Не значит, что если ты сегодня захотел, то сразу пошел. То есть можно в один день собраться и пойти, а можно несколько лет собираться, но все как-то не будет складываться, чтобы ты пошел в этот дальний путь. Поэтому к первому крестному ходу я собиралась на основании рассказов по видеофильмам.

Коврик мне дали, с этим ковриком я ходила в крестный ход 3 раза туда и обратно. В первый год рюкзак был очень неудобный, это был мой старый рюкзак, который я нашла у себя перед крестным ходом. На второй год я покупала рюкзак,

но он оказался великоват. В третий год я уже купила самый удобный рюкзак. То есть, я считаю, требования к рюкзаку должны быть самые высокие. И успех всего хода во многом зависит от рюкзака.

Исследователь: Какую обувь Вы обычно используете?

Р: Получилось так, что все три хода я шла и туда и обратно, независимо от погоды, в резиновых сапогах. Резиновые сапоги были достаточно просторны, не натирали. И если, например, была сухая погода, надевала кроссовки, но кроссовками ноги стираются моментально. Сразу обратно надеваешь резиновые сапоги. Они у меня не совсем резиновые, а полупластмассовые, просторные, невысокие. Потому что резиновые сапоги выручают во всех случаях и для меня конкретно удобнее всего.

И: То есть Вы брали с собой 2 пары обуви?

Р: Брала все равно 2 пары обуви. Кроссовки брала, но, я думаю, что они лишние. Потом я их, наверно, и не брала, а брала шлепки, потому что когда ты приходишь куда-нибудь вечером, в этих легких шлепанцах ноги хорошо отдыхают. Поэтому двойную обувь нужно брать.

И: Берете ли Вы плащ или большую полиэтиленовую пленку от дождя, спальный мешок или палатку?

Р: Плащи не выдерживают. Конечно же, это большая полиэтиленовая пленка. Пленка потому, что она закрывает и рюкзак и тебя, и вещи ею накроешь, и во время привала сам этой пленкой накроешься – она универсальная, то есть она везде тебя выручит, поэтому именно пленка.

Спальный мешок или палатку? Я думаю, со спальным мешком действительно удобно, но у меня не было. Палатка, конечно же, на семью, на несколько человек берется. На одного человека нет смысла нести палатку. Лучше спальный мешок, он выручит всегда.

И: Какой головной убор Вы используете?

Р: Конечно же, платок и курточка с капюшоном, тоже прикрывать голову.

И: Используете ли термобелье?

Р: Я думаю, что можно было бы использовать, но я не использовала.

И: Все это покупаете или берете напрокат? Из какого принципа Вы исходите: брать минимум или все, что нужно для обеспечения комфорта?

Р: Конечно, все приходит с годами, когда понимаешь, что женские хрупкие плечи должны нести все на себе несколько дней, тогда взвешиваешь каждый грамм. Поэтому получается, что нужно брать с собой минимум, но который должен тебя обеспечить, т. е. все, что необходимо. Должна быть золотая середина.

И: Т. е. первый раз Вы тоже много лишнего взяли?

Р: В первый раз бралось много лишнего, и с каждым годом все меньше и меньше, и рюкзак менялся. Подготовка – это очень важный момент.

И: Какой запас еды и воды вы берете с собой?

Р: Самый минимум, обычно сухари или печенье. Небольшая бутылочка воды, не больше литра, потому что по пути хода воду всегда можно набрать, да и пить и есть особо не хочется. Обычно на пути местные жители наливают воду. Еду я с собой почти не беру, потому что можно всегда купить или кормят. Да и тем более все три дня постишься, да и кушать особо не хочется, и на голодный желудок лучше идти.

И: А дни поста выпадают на крестный ход?

Р: Вообще, в чем заключается крестный ход? В том, что ты третьего числа выходишь, а на 6-е число приходится праздник Николая Чудотворца, и ты к этому три дня постишься, чтобы потом причаститься на празднике. Поэтому все это получается логично. Если удастся что-то купить или кашу какую-нибудь дадут, то хорошо, а если нет – так нет. Никогда голодным не останешься.

И: Вы не готовите в пути?

Р: Нет, не готовлю. Беру с собой все очень простое.

И: Рассчитываете ли вы на специально оборудованные пункты? Есть ли там закусовые, душ, туалет?

Р: Душа, конечно, нет. Туалет. Я последний раз ходила в 2009 году, так что ход поменялся с тех пор. Тогда особо это не было актуально, да и если не кушаешь, то и в туалет не надо. Это не проблема. Закусовые или что-то подобное? В принципе, когда приходишь на привал и там разворачиваются кухни, то, как правило, к ним выстраиваются большие очереди. Ты же хочешь отдохнуть, а тебе еще в этой очереди стоять целый час, силы тратить. Все зависит от организации, если большие очереди, то ты не будешь стоять. К этому нужно спокойно относиться. Попил, горстку чего-то съел из рюкзака и хватит.

И: Какую сумму вы берете с собой? Какие планируете расходы?

Р: Суммы абсолютно небольшие, на пометки, на свечи в церкви, на пирожки тоже много не надо. Сотовый телефон надо брать, но он там не работает. Только вечером можно созвониться с домом и сказать, что все нормально. В записную книжку практически ничего не записывала. Ручку можно взять, чтобы пометочку написать. Молитвослов можно взять, но опять же маленький, тоненький, чтобы не перегружать себя.

И: А акафист Николаю Чудотворцу? Библию? Евангелие?

Р: Акафист, да, конечно. Нет, остальное не берешь.

И: В чем состоит духовная подготовка к Великорецкому ходу? Нужно ли брать благословление священника?

Р: Конечно, благословение надо брать, и надо помолиться, чтобы допустил Николай Чудотворец. Причащение – это уже у каждого по-своему, может, и причаститься надо. Это все важно, это все работает.

И: Как относятся к вашему участию в Великорецком крестном ходе, семья, друзья, коллеги? Известно было, что вы ходите?

Р: Не всегда, не всем известно, потому что до последнего не знаешь, пойдешь или не пойдешь, поэтому афишировать не будешь. Семья, конечно, поддерживает, помогает в чем-то. Надо сказать, что роль семьи очень важна. Важно, чтобы была поддержка извне. Я шла одна все эти дни. За три дня переживаешь полжизни. Хотя у каждого по-своему, но я это испытала на себе, это очень тяжело мне далось. И когда моя семья приезжает уже шестого числа на празднования... И очень приятно, хотя у меня такого не было, когда семья приезжает именно пятого числа, чтобы встретить крестный ход в четыре часа в Великорецком. И когда встречаются – чувства просто невообразимые. Эта как бойцов с войны встречают. Конечно, поддержка семьи очень важна. Праздник шестого числа хочется разделить со своими близкими людьми. Ты дошел – это праздник, и день иконы Николая Чудотворца – это праздник. И чтобы собраться на дальнейший путь, силы сконцентрировать, важно, чтобы была поддержка семьи и поддержка друзей.

И: А коллеги по работе?

Р: Потом рассказываю им, как сходила, делюсь впечатлениями. Нормально все.

И: А Вы отпуск берете?

Р: Я брала отгулы. Специально уже готовишься и специально оставляешь эти дни. Но когда некому работать, то просто не уходишь. Значит, не пустил тебя Николай Чудотворец.

И: Переходим ко 2-му блоку.

Р: (зачитывает из вопросника). Первый день в Великорецком. Можно ли говорить об особой атмосфере торжественности, такого, что находится за чертой повседневной обыденной жизни?

Я хочу повторить то, что у каждого ход свой. Твоя особая атмосфера – это то, что у тебя внутри, если ты идешь с такой атмосферой, значит, ты сохранишь ее до конца хода. Я была в ходах в 2005, 2006, 2009 годов, т. е. 2005 год уже отличался от 2009 года, отличался по организации. Когда не было такого нашествия паломников, ход был торжественней. Шли люди, которые четко понимали, зачем они идут, куда они идут. Очень строго соблюдался устав. Батюшки предупреждали, что такое устав, все легенды рассказывали, что, если не будешь соблюдать устав, не дойдешь. Это все было преподнесено, мы все знали и шли по уставу. А когда приезжает очень много людей, которые в других ходах участвовали, из разных епархий, из разных мест света, они приносят свои законы, свои правила в этот устав, и получается, что этот ход растворяется во всей этой массе. Поэтому, может быть, теряется торжественность.

Все равно, хочу сказать, что Николай Чудотворец идет со всеми нами. Во-первых, он всех принимает, во-вторых, каждому он дает испытания по силам, т. е. во всем воля Божья. Каждый будет общаться сам с Николаем Чудотворцем.

Конечно, я хоругви не несла, но иконочку на себе обязательно несешь. Обычно стараешься идти ближе к иконе, чтобы идти и видеть ее. Надо сказать, что ход идет очень быстро. В первый год я была очень удивлена, что очень быстрый ход, т. е. ты не просто идешь и по сторонам глядишь, нет. Идут очень быстрым шагом, и поэтому ты стараешься все время видеть перед собой икону, чтобы не потеряться и не отстать, потому что, если отстанешь, еще больше сил потеряешь. Это состояние быстрого темпа все время тебя подгоняет. Ты быстро дошел, ты пришел на привал, который 30-45 минут или час, ты за это время отдохнул. А если ты медленно прошел, то ты столько сил потерял, хотя все равно этот же путь прошел, но ты не отдохнул, у тебя этих 45 минут нет. И потом, ты только что пришел, а остальные уже все собрались. В итоге ты устаешь еще больше. Таким образом, не дойти до конца, можно сорваться с середины пути. Поэтому, чтобы все было правильно, нужно соблюдать устав и быстро идти.

И: А быстрый темп не сбивает, дает возможность молиться?

Р: Нет, он не сбивает. Ты идешь и молишься про себя. Опять же по уставу, вслух молиться нельзя. А про себя, ты идешь шаг за шагом, и никуда эта молитва не денется. Это не прогулка, это серьезная работа, когда ты нацеленно идешь. Если ты хочешь помолиться, ты можешь сесть на привале и спокойно помолиться.

И: Сохраняется ли торжественность в течение дня, или усталость мало-помалу берет свое?

Р: Сохраняется. Практически не общаешься с окружающими, потому что, во-первых, ты идешь, тебе некогда общаться, а, во-вторых, на привалах нет сил

общаться. Поэтому общения практически нет. Может быть, когда ты останавливаешься на ночевку... но и там очень мало общаемся.

И: Избегаете ли Вы общения?

Р: Получается, избегаю общения. Потому что надо сосредоточиться. Так как привал на ночевку 4,5–5 часов, ты за это время должен выспаться, привести себя в порядок, ты должен на следующий день собраться с силами, поэтому тут не до разговоров.

И: А что помогает Вам торжественное настроение поддерживать? То, что Вы икону видите?

Р: Торжественное настроение состоит в том, что ты сосредоточиваешься на том, что нужно дойти. Если ты немного загляделся, расслабился, то ты просто не дойдешь. Эта сосредоточенность, это понимание, что ты должен дойти, создает главную цель, создает атмосферу.

И: Разбиваются ли паломники в первый день на группки, более тесно общающиеся меж собой?

Р: Во-первых, они не разбиваются в первый день. Скорее всего, те группки, которые идут, они изначально идут, они собрались какой-то компанией. Может, они о чем-то и разговаривают, но это, так сказать, не прогулка. Ты можешь на привале с кем-то поговорить, с кем-то встретился. Когда ты идешь, там уже не о чем говорить. Это просто цель.

Надо сказать, первый год я вообще ничего не знала, я первый раз шла. Это было что-то невероятное для меня. Второй раз я пошла, мне просто захотелось еще раз пойти. Для меня второй год, может быть, из-за погоды, был очень тяжелый. Насколько был первый год тяжелый – второй год был еще тяжелее. После этого я 2–3 года не ходила, и в 2009 году я пошла только потому, что мне хотелось сфотографировать. Потому что в те крестные ходы я ничего не фотографировала. Обычно у нас есть фотографии в начале пути, в конце и праздник, а самого истинного пути, самого главного мы не видим. И в фильмах даже много чего не показывают. Поэтому мне хотелось какую-то именно изнанку этого всего показать, то, что именно меня впечатлило, поэтому я хотела это сфотографировать. Я потом хочу Вам эти фотографии показать. На них ход изнутри, все, в чем он заключается. И этот вопрос бы не возник: «Почему ты не можешь общаться?» Вот увидите, почему. Потому что обычно фотографии делаешь тогда, когда тебе еще легко. Потому что ты еще можешь встать и сфотографировать это. Когда тебе уже тяжело, ты даже фотографировать не можешь, даже на это сил не бывает. Поэтому то, что сфотографировано, это еще самые лучшие моменты.

И: Думаете ли Вы о том, что участие в крестном ходе позволит избавиться от проблем со здоровьем, что это испытание на физическую, психологическую прочность? Участие в Великорецком крестном ходе – это возможность для вас стать лучше, чем раньше?

Р: Конечно, все имеет место быть, но ведь понимаешь, что все от Господа Бога зависит. То есть это ты себя и чистишь, это и какое-то испытание на свою веру, насколько тебя Господь допустит, сможешь ли ты это сделать. Поэтому все это есть. И лучше хочется стать, и очиститься от наносного, в атмосферу Великорецкого крестного хода проникнуть. Раньше мне казалось, что люди, которые идут в крестный ход, очень верующие, что здесь собираются только самые лучшие люди. Вот такое ощущение было. Сейчас со всей страны собираются лучшие люди и идут. На самом

деле уже по жизни понимаешь, что собирается не столько самые лучшие, сколько душевнобольные люди, т. е. это люди, у которых проблемы. И это не значит, что здесь без проблем идут, а там с проблемами. Это может быть все смешано. Надо понимать, что там очень много людей с очень тяжелыми проблемами. Потому что это не поход, это не веселое событие, это намного все сложнее. И сама популяция этих людей очень сложная. Не все, как это может показаться, просто.

Как Господь говорит: «Я пришел не для здоровых, а для больных. То есть помогаю не тем, у кого все хорошо, а тем, кому плохо, я к ним пришел». Поэтому кому плохо, он их и тянет. Со сложными судьбами там идут люди.

И: Можно ли тех, кто идет рядом с Вами, рассматривать как людей, думающих об одном и том же, или каждый идет со своими надеждами и проблемами? Для многих ли участие в Великорецком ходе представляется как своего рода турпоход со всеми сопутствующими трудностями и испытаниями?

Р: Есть такие, которые и как турпоход воспринимают. Господь ведет к себе абсолютно разными путями. Может быть, через турпоход они придут к Богу. Кто-то приходит вообще совершенно неожиданно. Поэтому у каждого свой путь и все имеет место быть.

И: Обращаете ли Вы внимание на природу и прочее, окружающее Вас? Чувствуете себя частью окружающего природного мира?

Р: Природа очень разнообразна. Я три раза ходила и все три раза шел какой-то невероятный дождь и было просто невероятное солнце. Когда солнце – еще хуже. Когда дождь идет целый день – Слава Богу. Радуюсь, что ты целый день на улице. И казалось бы, дождь, а это Слава Богу. Потом понимаешь, что лучше бы целый день шел дождь, чем была жара. Промок под дождем, так и промок, не растаял ведь, не сахарный. Хотя я не люблю дождь, если честно. Под дождем я всегда с зонтиком стараюсь ходить, но тут совершенно спокойно. И дождь, и дождь, и дождь – самое главное, чтоб не жара. Потом, очень интересно, все эти испытания они тоже с какими-то событиями связаны в твоей жизни. Солнце одно лечит, дождь другое лечит.

И: Вы это тоже как испытание рассматриваете?

Р: Да, да.

И: В первый день предполагается встреча в Троицкой церкви Кирова и в Бобино с акафистами Святителю Николаю, как Вы можете охарактеризовать эти события? Все ли паломники участвуют в равной степени или часть проводит это время в качестве передышки, подкрепления едой?

Р: Конечно, все по-разному. Часть абсолютно не участвует в этих молебнах. Тут нельзя даже сказать, что одни хорошие, которые участвуют, а другие – плохие, которые не участвуют. Нет. Одни могут, другие не могут. Это по силам. Иногда придешь – совершенно сил ни на что нет. Поэтому, если по силам – Слава Богу. Нет, так нет. Даже говорят, что кто не идет, но, например, стакан воды подаст паломнику, он уже участвует.

И: То есть человек бы хотел поучаствовать, но просто сил нет?

Р: Да-да. И он, может быть, даже не знает, возможно, первый раз встречается с Богом, так сказать, в этом обществе. Поэтому, если он даже видит, что люди молятся, так и то, Слава Богу! Нет, тут каких-то жестких... не должно быть. Потому что мы тут все пришли в гости к Богу и к Николаю Чудотворцу. И что мы тут будем между собой... Поэтому мы не должны смотреть, кто рядом идет, – они то-

же с Богом и Николаем Чудотворцем. Поэтому, если его Николай Чудотворец принимает, то это его, так сказать, воля, и Господа Бога воля. А причем тут я?! Все пришли к ним. Поэтому мы не имеем права вообще кого-то судить, смотреть, кто, чего, как, молится, или вообще просто спит. Зато он здесь, а не, извините, где-нибудь в подворотне наркотики собирает.

И: Можно ли сказать, что путь в Великорецкое на 2–3-й день превращается в рутину?

Р: Нет, так нельзя сказать, никакой рутины нет. Это понятно, что тяжело. Когда ты идешь первый раз, ты вообще не знаешь пути, не знаешь, когда и где будет остановка, что и как. И это трудно. Представляете, ведь первый путь? От неизвестности еще все сложно. Потом, когда ты на второй или на третий раз идешь, ты знаешь уже, где остановка, ты знаешь, сколько ты будешь стоять, силы уже рассчитываешь, это все очень важно. Тебе уже хочется там пройти, и ты знаешь, что там будет очень красивая полянка или красивая деревушка. Интересно каждый день, каждый час и каждую минуту. И поэтому мне хотелось постараться сфотографировать каждую минуту, чтобы запечатлеть, чтобы это потом осталось на память. Потому что, когда я 2 раза сходила, я поняла, что у меня нет истинных фотографий, нет моего личного видения. Поэтому я пошла третий раз. Думаю, два раза уже сходила, третьего не миновать. Все равно схожу и все равно я это сделаю. И эти места, которые мне понравились, я принесу их домой на фотографиях.

И: Усиливается ли расслоение между паломниками по принципу все равны, но некоторые более равны, чем другие?

Р: На это я не обращаю внимания. Собственно, это есть. Потому что многие уже ходят и по 10 лет и так далее. У них уже все свои компании собраны, они знают, у кого они будут ночевать, знают, что и как. Естественно, им проще. У них многое организовано, у других не организовано. Опять-таки у каждого свой путь. Смотришь – у них вроде бы все организовано, им легче идет, чем тебе, но Господь и тебе даст. И тут вопросов нет. Может быть, тебе на твой первый путь требуется больше испытаний, чем тем, кто в 10-й раз идет. То есть, может быть, они свое первое прошли, и, может быть, сейчас им потому и легче, потому что они уже по-другому идут, на другом уровне развития, так скажем. Это первое. А второе, может быть, тебе Николай Чудотворец во всем поможет. А польза, которую ты получишь для своей души, может быть в десять раз больше, чем тем, которые просто так прошли, пользы не получили. У них все было готово, они пользы-то не получили. Тут все построено на духовном принципе, нельзя мирскими мерками мерить то, что происходит в этом ходе. Поэтому важно, что в итоге. В конце концов, и дома можно было просидеть таким же образом, зачем туда было идти? (Смеется.) Не для того, чтобы мы с кем-то сравнивали.

И: Присутствует ли неравенство при степени обеспеченности отдыха, ночлега?

Р: Это все присутствует, но в итоге-то нам нужен конечный результат, кто более духовно прошел этот путь. Если тебе больше испытаний, может, тебя Господь больше и очистит. У каждого свои грехи... Он, может, вообще святой, мы же не знаем, может, среди нас святые ходят. И тут получается так, что ему, может, никаких испытаний-то и не надо, а тебе, грешному, надо. Хоть оно все и есть, надо философски ко всему подходить и ни на что не обращать внимание.

И: Можно ли сказать, что большая часть участников склонна рассматривать Великорецкий крестный ход в качестве туристического похода, чем духовного действия?

Р: Мне не важно, кто и чего как рассматривает, ты смотришь себе в душу и идешь.

И: Вот перечень главных действий, намечаемых на 4–8 июня, расскажите, какие из них оказывают на вас наибольшее впечатление.

Р: 4 июня – встреча крестного хода в Загарье. Да, в Загарье очень тяжело идти. К Загарью подходишь, это второй день, 10 часов утра, а ты уже с 2–3 часов ночи идешь. Там же в 2 часа ночи встаешь, а в 3 уже выход. К 10-то утра, ты уже так нашелся! В Загарье, часа 2–3, наверно, остановка. Это достаточно долго, там и покушать, и отдохнуть можно. Но пока ты дойдешь до этого Загарье... Это ты пришел уже, можно сказать, без ног, без рук. Поэтому на молебен с акафистом только единицы встают, потому что, честно говоря, с ног валятся (смеется)... Это серьезное событие.

5 июня – приход крестного хода в Горохово. В Загарье все же тяжелее. Перед Горохово очень красивая дорога с пригорками. В Горохово тоже очень долгая остановка, часа 3–4. Кто-то идет купаться в купели Пресвятой Богородицы, в общем, в Горохово отдохнуть можно. Тоже хорошие впечатления остаются.

Встреча – это на самом деле большое событие, та как ты уже столько прошел. Потом всенощное бдение на реке Великой. Никогда не бывала на нем, вернее, бывала, но только когда приезжала на праздник. Потому что обычно приходишь и уже ищешь, где отдохнуть. Потом в 6 часов утра идешь на Среднюю Божественную литургию.

И: Здесь много литургий.

Р: Да, потому что много людей, чтобы все успевали, ведь все хотят причаститься.

И: Они все одинаково проводятся?

Р: Да, да. Где-то более торжественно, например, когда митрополит приходит на Позднюю литургию на 10 часов. В 13 часов крестный ход на источник, происходит освящение воды. Это все – те люди, которые просто приехали на праздник.

И: А Вы не ходили?

Р: Нет, надо с силами бороться, отдохнуть. Потому что уже в час ночи молебен с акафистом, и потом сразу выходить. И каждый день точно так же. Седьмого числа уже идем обратно, ход идет по медянскому лесу 10 км, очень сложный переход.

Встреча хода в Медянах просто потрясает. Потрясает не тем, что торжественно, а тем, что люди собираются со всех окрестных сел. Я не знаю, как сейчас, но тогда они накрывали такие огромные столы, наваривали огромные чаны супа, каши, разных угощений. Наверное, со всех окрестностей приносили. Чего там только не было, все столы ломились. Когда ты вперед идешь, ты постишься, и тебя никто не встречает, то в Медянах это был какой-то пир. Честное слово, потрясение невероятное! Всегда угощение бывает. В Медянах мы посреди дня бываем 7-го числа, а в 19 часов приходим в Мурыгино и точно так же огромные столы: винегреты, салаты, компоты. Пир! Просто низкий поклон, я никогда не забуду! В Мурыгино в 19 часов уже как бы поздно, уже все устали, поэтому там уже нет этой торжественности, а когда ты среди дня пришел голодный, а тебе так от души, чисто по-русски. Столько всего! И супы очень вкусные, не просто похлебка, а видно, что от души. Эти пиры я запомнила на всю жизнь. Это невероятно, такая радость внутренняя была!

В Мурыгино в 2 часа ночи опять выходишь и идешь в Гирсово, а там снова на берегу реки столы, снова чаны. А ты уже сытый! Всего, всего, всего! Пирогов всяких разных, всего-всего. Это было еще одно потрясение в Гирсово.

Все, а потом выходишь и идешь до Всехсвятской. Я дотуда шла, а дальше я уже уезжала. Я не могла идти по городу, уже сил никаких не было. А дальше горожане встречают, и ход уже идет с ними. Конечно, более стойкие паломники идут, но у меня уже сил не хватало по городу ходить, честно могу сказать. Простишь благословения и выходишь из хода.

И: Можете ли выделить наиболее важное для вас событие из хода, что особо запомнилось?

Р: Вот эти столы впечатляли очень.

И: Какие, по Вашему мнению, причины приводят к тенденции (если таковая имеется) формального проведения этих действий? Можно ли сказать, что Велико-рецкий ход постепенно превращается в элемент массовой культуры, и если это действительно так, то с чем это связано?

Р: Мне кажется сам Господь и Николай Чудотворец подскажет нам как. Эти тенденции на самом деле существуют. Лукавый не дремлет и всегда пытается все хорошее принизить, но я думаю, что Господь и Николай Чудотворец руководят этим ходом, они принимают этих людей. За себя могу сказать, что, когда ход был более строгим, когда был малочисленным, когда больше людей шло с пониманием, куда они идут и зачем, он был более торжественным. Была атмосфера более строгая. Этого не хватает. Эта расхлябанность принесена откуда-то извне в наш устав. Всему ведь не научишь, люди пришли, и пошли, и пошли. Не скажешь же им: «Вот таким строем идите». Мы должны делать, что должно, и будет то, что будет. Нужно все равно соблюдать устав, нужно идти за иконой, соблюдать по времени. Основное – это устав, я считаю. К этому должны быть строже.

И: А в 2005-м эта строгость была, а потом все пошло на спад?

Р: Да, все меньше. В 2006 году еще была. Правильно говорят, сейчас вещи чуть ли не возят, а тогда считалось, что вещи – это твои грехи, сколько ты набрал с собой, столько и должен понести. С другой стороны, я понимаю людей, которые приехали из других городов, у них же еще какие-то вещи, они не могут это все на себе принести. Поэтому, естественно, если у них что-то несут – это другой вопрос. Еще вот в последней год (в 2009 г.) из разных епархий приезжали, например из Саратова, так они только своих кормят, огородились. А как же медянские, например? Они же всех кормят. Но, опять же, всех не накормишь. Я не знаю, как правильно. Может быть, всех надо кормить? Почему бы нет? Один всех, другой всех. Мы же все одно дело делаем. Может быть, так лучше было бы – не отделяться друг от друга. Ходу 600 лет и он был очень разный за 600 лет: и поодиночке ходили, и очень-очень большими колоннами ходили. Все равно он остался. Сохранится все, что нужно, а наносное уйдет.

И: Вы сейчас наблюдаете, по телевидению уже задолго начинают говорить о крестном ходе?

Р: Да, это правильно, нужно, чтобы люди понимали, готовились и осознавали, куда они идут и зачем.

И: Каким образом Вы возвращаетесь обратно?

Р: Я пешком ходила все время. Когда заканчивается ход, бывает жалко. Ты проходишь определенные испытания, у тебя внутри что-то перестраивается, ты

меняешься сам. В этом ходе ты понимаешь, что ты попадаешь в другое измерение. Там совершенно по-другому время течет. Мы можем себе сейчас представить – в 10 лечь, в 2 встать и целый день 50 км идти? Нормальный мозг это не понимает. Там все идет по воле Божьей, ты попадаешь в чудеса. Ты в 2 часа спокойно встал, в 3 пошел, и происходит это все совершенно естественно. Сколько тебе надо устать, столько ты и устанешь, а не надо – тебя Господь избавит от этого.

А чудес вообще невероятное количество. В первый раз, когда я пошла, я шла одна в первый день, шла в никуда, ничего не зная, при этом весь день шел дождь. Ты понимаешь, что впереди 3 дня пути, а ты весь промок, как это вынести? И вот в 9 часов вечера мы приходим в Бобино, а дождь течет, как из ведра. В тот год для ночевки предложили школу. Куда бы ни заглянул, все занято. И ты понимаешь, что тебе ночевать негде, а под небом – дождь льет. И ты уже весь сырой до нитки. А еще завтра и послезавтра идти. А завтра вообще ты 50 км должен идти, в 2 утра вставать. Как ты будешь? На улице сидеть? Я пошла в школу. В школе 7 см воды по полу, потому что люди заходят, с них все стекает. Там даже рюкзак не поставить – везде одна вода. Я выхожу из школы и иду, куда глаза глядят, по этому Бобино. Вдруг метров через сто встречается мне девушка и говорит: «Ой, здравствуйте, здравствуйте!» Я ее не узнаю. Она говорит: «Я работаю вместе с вами в соседнем здании на станции. Вы недавно к нам приходили, там диспансеризация была, я лаборантка. Пойдемте, я здесь живу». Она ведет в свой дом, у них там печка, мы повесили всю одежду на печку, высушили. Они меня уложили спать, я выпалась, высушилась, и в 2 часа уже была готова. Вот откуда она появилась? Я не знала, что она тут живет. В следующий раз, и во второй и в третий, я уже у нее ночевала. Такие вот чудеса!

Еще один запомнившийся момент, когда мы пришли в Великорецкое. Это первый раз, я ни разу там не была, я ничего не знала, какое оно, где и что происходит. Надо где-то устраиваться на ночевку, ведь все сырые, мокрые, грязные. Хочется под крышу, иначе ты понимаешь, что можешь просто заболеть. На берегу ты уже не можешь, так как даже костров там жечь нельзя, запрещено. Тогда пошла по селу, заглядывая в каждый дом. Все отказывают. А село большое-большое, идешь – все занято. Уже часов, наверное, 8, дохожу до самого последнего дома, и мне хозяйка говорит: «Нет, нет! У меня уже все занято, люди даже на полу спят». Я понимаю, что это последний дом, и больше негде. У меня, наверное, слезы фонтаном полились. Мне было так обидно. Все говорят, иди – а вот ты пришел, и ты никому не нужен, ты один на улице. Сейчас уже темно будет, холодно, сыро. И когда хозяйка в этом последнем доме меня увидела всю в слезах, она меня завела в дом, и на полу постелила. Мы с этой хозяйкой подружились и потом, второй и третий раз, я у нее останавливалась. Последний раз мы с ней на одной кровати спали, больше негде было. Есть, конечно, что вспомнить! Радостных чудес там очень много!

ГЛАВА 4. ПОСТРОЕНИЕ МИНИ-ТЕОРИИ НА ОСНОВЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНДУКЦИИ

1. *Определение критической массы текстового материала.*
2. *Аналитическая индукция, неустранимость внеэмпирических допущений.*
3. *От эмпирического материала – к категориям.*
4. *Субкатегории и кластеры. Построение мини-теории на основе одного глубинного интервью.*
5. *Построение мини-теории на основе совокупности глубинных интервью.*

1. Определение критической массы текстового материала

В параграфе «Исследователь и сообщество» мы обратили внимание на необходимость ведения ежедневных дневников и записей того, что было замечено, увидено и понято в ходе общения с членами сообщества и наблюдения за их жизнью. И отмечали, что теории или значимые обобщения строятся не на основе непосредственных впечатлений и наблюдений, но посредством аналитической работы с текстами.

Теперь мы хотели бы уточнить последнюю мысль. На самом деле теории строятся все-таки не исключительно посредством прямой обработки текстов: их расчленения, соединения фрагментов в относительно самостоятельные части, объединения этих частей в еще более крупные куски и т. п. Хотя все это является необходимым этапом движения к теории.

Важным дополнительным условием является совершение еще одного шага. Он состоит в переводе всего корпуса текстов посредством многократного их перечитывания (в том числе в ходе различных перекраиваний¹) в *план сознания*, в поле актуальной памяти – в некое мысленное (мыслительное) содержание. Необходимо читать и перечитывать текстовый материал столько раз, сколько потребуется для того, чтобы обеспечить возможность свободного перехода внутри своей памяти от одного фрагмента к другому, причем необязательно связанного с предыдущим. Важно достичь определенной степени свободы и даже произвола в мысленном движении по записям увиденного, услышанного и понятого.

Чтобы передать смысл данного шага, уместно обратиться к рассуждениям о памяти Аврелия Августина в десятой книге его «Исповеди».

«...Постепенно поднимаясь к Тому, Кто создал меня, прихожу к равнинам и обширным дворцам памяти, где находятся сокровищницы, куда свезены бесчисленные образы всего, что было воспринято. Там же сложены и все наши мысли, преувеличившие, преуменьшившие и, вообще, как-то изменившие то, о чем сообщили наши внешние чувства. Туда передано и там спрятано всё, что забвением еще не поглощено и не погребено. Находясь

---

¹ Разумеется, вся эта работа проводится с копиями исходных текстов.

там, я требую показать мне то, что я хочу; одно появляется тотчас же, другое приходится искать дольше, словно откапывая из каких-то тайников; что-то вырывается целой толпой, и вместо того, что ты ищешь и просишь, выскакивает вперед, словно говоря: «может, это нас?» Я мысленно гоню их прочь, и наконец, то, что мне нужно, проясняется и выходит из своих скрытых убежищ. Кое-что возникает легко и проходит в стройном порядке, который и требовался: идущее впереди уступает место следующему сзади и, уступив, скрывается, чтобы выступить вновь, когда я того пожелаю. Именно так и происходит, когда я рассказываю о чем-либо по памяти»¹.

Опираясь на текст Августина, можно определить в качестве идеального варианта мысленного освоения текстового материала ситуацию совершенной свободы, к которой, конечно же, можно только стремиться, – когда исследователь способен по своей воле мысленно представить «то, что мне нужно» и «когда я того пожелаю». И вот когда весь материал переходит в форму мысленного содержания как целиком, так и в деталях, может осуществиться тот синтез, который позволит строить теорию или значимые обобщения.

Кстати, с Аврелием Августином в известной степени перекликается Анри Пуанкаре, когда пишет в работе «Математическое творчество», что условием гармоничного восприятия элементов, которому соответствует «зрелище правильно расположенного целого», является такое мысленное освоение материала, когда «ум без труда может охватить целое, проникая в то же время и в детали»².

Но желаемый синтез может и не осуществиться, – когда происходит то, что называется «утонуть в материале». И здесь встает вопрос о том объеме текстовых записей, осмысливая и переосмысливая которые можно вообще строить теории. Ясно, что должна существовать некая граница в объеме материала, при переходе через которую возможность строить теории резко падает.

Очевидно, что здесь неуместен принцип, чем больше (записанных интервью, заметок, мемов, аналитических соображений и т. д.), тем лучше, а также мысль, что 100 проведенных интервью, несомненно, дадут больше для понимания исследователем жизни сообщества, чем 50 интервью, и уж тем более 20. Итак, можно говорить о некой критической массе текстов, которую способен осмыслить (грубо говоря, переварить) человек обычных физических, умственных и творческих способностей, чтобы получить выводы и обобщения, достойные внимания.

Мы здесь не можем апеллировать к тому, что осмысливать материал будет исследовательская группа и чем она будет больше по составу, тем больший объем текстовой массы она сможет осмыслить. Дело в том, что окончательный синтез в виде понимания материала как в целом, так и в де-

---

¹ Аврелий Августин. Исповедь. М.: Гендальф, 1992. Глава X, пункт 12.

² См.: Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1989. С. 399–414.

талях осуществляется всегда в одной конкретной голове, часто в виде так называемого инсайта – внезапной догадки по поводу способа решения проблемы. То есть мы все равно должны исходить из мыслительных возможностей отдельного человека.

Итак, каким же по объему должен быть текстовый материал, чтобы задача его осмысления и построения на его основе теории была вполне выполнима?

Для определения этого объема, пусть очень приблизительно, можно использовать расчеты Стейнара Квале, которые он проводит в своей книге «Исследовательское интервью». В главе «Вопрос о 1000 страниц» он пишет, что обычно точке насыщения, когда последующие интервью дают мало новой информации, соответствуют 15 ± 10 интервью. И о том, что конкретное количество интервью определяется сочетанием времени и ресурсов, которые имеются в распоряжении, и действием закона минимизации повторов¹.

В другом месте он пишет о том, что протокол часового интервью, как правило, занимает от 20 до 25 страниц в зависимости от количества сказанного и плотности печати².

Если мы умножим максимальное количество страниц часового интервью – 25 на максимальное же число интервью – 25, то получим массив текста в виде 625 страниц. При умножении минимального количества страниц – 20 на минимальное количество интервью – 5 мы получаем массив в виде 100 страниц. Таким образом, мы выходим на интервал, серединой которого будут 260 страниц: $(625 - 100) / 2$. К этому среднему количеству страниц нужно добавить тексты полевых заметок, мемов, размышлений, предварительных гипотез, обреченных на уточнения или опровержение.

Рискнем определить, исходя из этих соображений, критическую массу текстов, которую способен осмыслить человек обычных способностей для получения на выходе достойных внимания выводов и обобщений. Для этого просто удвоим количество страниц, соответствующих середине интервала, и в результате получим примерно 500 страниц текста.

2. Аналитическая индукция, неустрашимость внеэмпирических допущений

Одним из важнейших способов освоения и осмысления текстового материала, в котором выражен опыт наблюдения и изучения жизни сообщества, является метод аналитической индукции³.

Метод аналитической индукции состоит в том, что вначале из ряда явлений *определенного рода* отбираются явления с повторяющимися призна-

---

¹ См.: Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. С. 106.

² См. там же. С. 169.

³ В известном смысле этому методу соответствует метод категоризации значений, описанный в книге Квале С. «Исследовательское интервью». См. с. 194–197.

ками. На основе этих повторяющихся признаков строится гипотеза по поводу свойств данного ряда явлений. Считается, что чем большему количеству явлений присущи эти повторяющиеся признаки, тем больше имеется оснований считать каждое из таких явлений типичным. Поэтому аналитическая индукция может называться также методом анализа типичных случаев. Пропитируем Ф. Знанецкого, одного из творцов метода аналитической индукции¹: «Когда отдельный конкретный случай проанализирован в качестве типичного (или эйдетического), мы заключаем, что существенные для него черты, определяющие его как таковой, являются общими для всех случаев данного класса и отличительными от других»².

На основе повторяющихся признаков дается предварительное объяснение изучаемых явлений. Однако в ходе дальнейшего исследования могут обнаружиться факты, противоречащие предварительному объяснению. В этом случае объяснение пересматривается, говоря иначе – переформулируется, так, чтобы включить в это объяснение противоречащие факты. Но в некоторых случаях пересмотр предварительного объяснения оказывается невозможным, и тогда из состава исследуемой группы явлений факты, противоречащие объяснению, исключаются. И остаются только те факты, которые соответствуют в окончательном виде переформулированному объяснению³.

Эта приостановка в переформировании объяснения в связи с обнаружением новых противоречащих фактов позволяет провести, на первый взгляд, аналогию с ремонтом квартиры, который, как известно, нельзя закончить, но можно лишь прекратить.

Однако представляется, что в данном случае в большей степени подойдет аналогия с различием, которое проводит Томас Кун в своей работе «Структура научных революций». А именно: он противопоставляет факты-головоломки, которые разными способами так или иначе находят объяснение в рамках имеющейся налицо парадигмы⁴, фактам-аномалиям, объяснение которых оказывается в принципе невозможным в рамках данной парадигмы.

Мы попробуем использовать эту аналогию на материале, к которому был уже применен метод аналитической индукции. Речь идет об исследова-

---

¹ Флориан Витольд Знанецкий (1882–1958), польско-американский философ и социолог, представитель гуманистической (качественной) социологии.

² *Znanięcki F. The Method of Sociology. New York, 1934. P. 218.* Цитата заимствована из статьи: Ключкина О. Б. Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 94.

³ См.: Ключкина О. Б. Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 92–96.

⁴ Парадигма – совокупность исходных оснований (допущений), направляющих ход научного исследования.

нии, описанном В. В. Семеновой в книге «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию»¹.

Анализ интервью респондентов 1960–1965 годов рождения, имевших бабушек 1900–1910 годов рождения, показал, что эти респонденты часто отмечали, что именно бабушки (а не матери) оказали на них наибольшее влияние в детстве. Была зафиксирована связь между наличием бабушки и культурным уровнем внуков (раннее знакомство с грамотой и литературой, дополнительные внешкольные занятия, получение внуками высшего образования). Была выдвинута первичная гипотеза о «культурном влиянии бабушек на воспитание внуков в русских семьях» в связи с тем, что матери были заняты большую часть времени на работе.

Однако в ходе дальнейшего изучения интервью респондентов обнаружились случаи, когда бабушки хотя и упоминались в качестве влияющего фактора, но их влияние не было напрямую связано с уровнем образования и культурой взрослых внуков. Анализ таких интервью показал, что в «отклоняющихся» семьях функции бабушек в основном сводились к уходу за внуком. Таким образом, первичная гипотеза была уточнена: не все бабушки выполняли функции культурного воспитания внуков, некоторые исполняли лишь роль заботливой няни. Выяснилось также, что в этих семьях бабушки не имели высокого образования и большую часть своей жизни прожили в деревне.

Поэтому возникла уточненная гипотеза, согласно которой бабушки из образованных семей передают внукам культурный капитал, полученный в детстве, а бабушки, вышедшие из необразованных семей, не являются «трансляторами» культурного капитала, а выполняют функцию няни. Тем самым обнаружение противоречащих исходной гипотезе фактов привело к расширению (переформулированию) исходной гипотезы, которая теперь учитывала также противоречащие ей факты.

Поставим вопрос, какими должны быть в данном случае факты, которые противоречили бы расширенной исходной гипотезе, и в то же время не позволили бы провести дальнейшее расширение гипотезы. Эти факты, как представляется, могли бы быть следующего рода. В ряде интервью должны встретиться случаи, когда при наличии в семье образованных бабушек их взрослые внуки отнюдь не обнаружили достаточно высокого уровня образования и культуры. А также случаи, когда при проживании в семье бабушек без высокого образования и проживших большую часть своей жизни в деревне перед тем, как переселиться в семьи своих детей, их взрослые внуки, наоборот, обнаружили вполне высокий уровень образования и культуры.

Общим моментом для обоих случаев является то, что наличие бабушек, как образованных, так и необразованных, не повлияло на реальную судьбу внуков. Решающими оказались другие факторы: роль родителей, ко-

---

¹ См.: Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. Параграф «Метод аналитической индукции».

которые оказались все-таки не настолько занятыми, чтобы не уделять внимание детям; влияние улицы со своими дворовыми авторитетами; школьных учителей, оказавшихся способными увлечь учеников своими предметами; посещение музыкальной школы или спортивной секции и т. д. Важно, что мы таким способом очертили основание, которое позволяло до определенной черты перестраивать исходную гипотезу, «переваривая» противоречащие случаи. Этим основанием является *решающая*, или определим несколько иначе, – значимая роль бабушки в семье. Если же роль бабушки не являлась решающей, то противоречащие случаи уже не могли быть усвоены за счет переформулирования исходной гипотезы и должны быть отброшены как не имеющие отношения к предмету исследования.

Получается, что использование метода аналитической индукции предполагает в качестве предварительного допущения (парадигмы) некое условие, позволяющее отличать противоречащие случаи (факты-головоломки по Куну), которые могут находить решение за счет перестройки исходной гипотезы, от тоже противоречащих случаев (факты-аномалии), которые приходится отбрасывать, чтобы сохранить принятое основание. Очевидно, что это допущение не выводится из фактов, которые, вообще говоря, могут быть самыми разнообразными, но, наоборот, определяет тот круг фактов, к которым применим в данном случае метод аналитической индукции.

Эту сторону дела отмечает О. Б. Ключкина. Она ссылается на Герберта Блумера, который писал, что в известном исследовании У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», несмотря на большое количество проанализированных «документов жизни», не все концепции основаны исключительно на эмпирических данных. При этом принцип, на основе которого авторами отбирались цитаты из «документов жизни», не был оговорен¹. Для нас здесь важна мысль, что аналитическая индукция не является простым извлечением общих выводов из наличного эмпирического материала. То есть речь не идет о простом движении в текстах, описывающих эмпирические ситуации, и извлечении из этих текстов общих выводов. На самом деле анализ руководствуется неким внеэмпирическим принципом, который и предопределяет отбор материала для получения общих выводов.

В случае исследования влияния бабушек на будущее внуков таким внеэмпирическим принципом отбора материала являлась решающая, или значимая, роль бабушек по сравнению с другими факторами, которые теоретически могли тоже оказывать значимую роль на ситуацию в семьях респондентов. Поэтому в данном исследовании принимались во внимание лишь те интервью, в которых респонденты указывали на эту решающую роль бабушек: неважно – в виде транслятора культуры или заботливой няни.

---

¹ См.: Ключкина О. Б. Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 97.

Итак, необходимо признать, что метод аналитической индукции при получении выводов общего характера опирается не только на эмпирический материал, но и на принципы внеэмпирического характера. Тем не менее в литературе отмечается, что аналитическая индукция заложила основы качественного анализа как преимущественно эмпирического метода, при котором сохраняются в неизменном виде первичные данные, документирующие исследуемые случаи, и оказывается возможным пересмотр гипотез и определений основных понятий, учитывающий наиболее существенные характеристики исследуемой группы явлений.

Но самым главным достижением аналитической индукции был переход от абстрактных теоретических рассуждений к детальному описанию и изучению реальных жизненных ситуаций. Исследования начали опираться на цитаты из интервью, дневников и других личных документов исследуемых субъектов, которые теперь предстали как действующие лица, имеющие право голоса. Все это делало социологические работы более живыми и более близкими к изучаемому объекту¹.

Данная особенность аналитической индукции – опора на эмпирию живой жизни – будет рассмотрена в следующем параграфе.

3. От эмпирического материала – к категориям

Во второй главе, в параграфе «Исследователь и сообщество», мы обращали внимание на двусмысленность положения исследователя, наблюдающего жизнь сообщества. С одной стороны, исследователь не должен сливаться с сообществом, чтобы обнаруживать и те аспекты жизни сообщества, которые не осознаются его членами. Однако эта отстраненность может не позволить уловить малозаметные обстоятельства, которые в перспективе приводят к важным изменениям в жизни сообщества.

Но и излишняя включенность в жизнь сообщества тоже не гарантирует *понимания* того, что происходит. Ведь известно, что можно находиться в гуще событий и быть их участником, в то же время не понимая, что, собственно, происходит.

Эту необходимость «держат дистанцию» и быть в то же время участником событий мы выразили формулой, заимствованной из христианской догматики: нераздельно, но и неслиянно.

Мы указали, что эта нераздельность и в то же время неслиянность с текучкой жизни сообщества обеспечиваются ведением со стороны исследователя ежедневных записей того, что было замечено, увидено и понято в ходе общения и наблюдения за жизнью сообщества. Сюда же включаются ин-

---

¹ Ключкина О. Б. Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 96.

тервью различных видов, перечисленные в третьем параграфе указанной главы.

В результате, как снежный ком, разрастается особого рода гипертекст из диаграмм, фотографий, интервью, магнитофонных и сделанных наспех карандашных записей, видеокассет, заметок, отсылок к уже сделанным записям и заметкам, а также отсылок к отсылкам и т. д.

Теперь уже сам этот гипертекст должен быть понят и освоен как некая самостоятельная данность, для этого он расчленяется, тематически комбинируется и перекомбинируется. Параллельно исследователь продолжает опираться на сохраняющиеся в его памяти живые образы и интонации, а также использует официальные документы относительно жизни сообщества.

Подчеркнем, что важными моментами работы с гипертекстом являются, во-первых, его расчленение на *различающиеся по содержанию* фрагменты, которые мы будем называть *эпизодами*¹, во-вторых, комбинирование (объединение) различным способом этих эпизодов в *тематически более или менее однородные части*, которые обозначают обычно термином *категория*. В результате весь гипертекст оказывается представленным в виде вполне обозримого списка категорий.

Схематически превращение гипертекста в категориально оформленное целое можно изобразить в виде движения, состоящего из двух этапов.

Первый этап: весь гипертекст разбивается на содержательно различающиеся эпизоды, которые на рис. 4.1 отмечены числами 1, 2, 3... Эпизоды обозначаются краткими заголовками, которые в свою очередь дублируются фразами из интервью, выражающими суть эпизодов.

Рис. 4.1

На втором этапе эпизоды вместе с их обозначениями группируются в единые фрагменты по тематическим категориям. Считается, что число категорий не должно превышать 20–30 (В. В. Семенова) (рис. 4.2).

---

¹ Наши «эпизоды» более или менее соответствуют тому, что В. В. Семенова в своей книге «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» называет секвенциями, которые она определяет как эпизод или событие, следующее в определенной последовательности. См. параграф «Транскрипт и выбор единицы анализа текста».

Рис. 4.2

И вот здесь мы натываемся на проблему, связанную с тем, что в реальных текстах даже в виде простых рассказов о своей жизни респондентами зачастую чрезвычайно сложно распределить всю совокупность эпизодов однозначным образом между тематическими категориями. Часто получается так, что один и тот же эпизод, если исходить из чисто формальных соображений, может войти в разные тематические категории.

Рассмотрим фрагмент реального рассказа истории своей жизни респондентом, а затем представим его структуру.

Респондент – Валентина Петровна Безденежных (1928 г. р.). Проживание: Кировская область, Верхошижемский район, деревня Безденежные
Запись 30.06.2004. – Подрушник В. В.

Представлен фрагмент интервью, в котором речь идет о работе в колхозе в годы войны.

1. **Исследователь:** А потом-то уж вступили в колхоз?
2. **Респондент:** Потом в колхоз вступили...
3. **И:** И родители где у вас работали? В колхозе что делали?
4. **Р:** Отец на конюшне ухаживал за лошадьми. Мать на разных работах. Она
5. (пауза) рано осталась без руки. Раньше ведь приводом молотили: лошади ходили
6. кругом, молотилка была, а она снопы отдавала, за машиниста была. И
7. остановились лошади-то на отдых. И она в это время придумала барабаны
8. чистить – всё оттудова вытаскает. Лошади-то возьми, да и дёрни. И руку-то у
9. неё утянули... Вот на правой руке у неё были только два пальца, а эти все
10. извертело. И вот так работала.
11. Тогда ведь ни пенсии, ничего ведь не было. Не давали, только вот так работала.
12. Как работали тогда? Жали серпами, косили косами-горбушам. Литовки мы уж
13. стали знать после войны. Мы ведь всё горбушам косили. Дак вот, она косой
14. жала, ремень приделали к черенку, это к ручке то у серпа. И вот на ремне
15. держит значит, этими двум пальцами придерживает, вот, так и жала.
16. И ведь и косила, косила вот эдак, плохо, конечно. Да меня-то тринадцати лет
17. тоже выгнали косить-то. Как отца-то забрали, отца-то, так ведь работать надо.
- (Примеч.: Отца забрали на войну, погиб в марте сорок пятого года.)
18. Тринадцати лет, вот, меня заставили со старыми-то косить. У нас было две
19. бригады и значит из бригады в бригаду – не смей переходить. Я была во второй

20. бригаде, дак вот, чтобы тут и работал. А молодежь у нас, все ребята,
 21. ну и девчонки: всё были там, в первой бригаде. Я во второй то бригаде одна,
 22. из молодёжи, вот этого возраста, вот меня сразу со взрослыми и запёрли.
 23. Косить-то пошли, значит, я сразу со взрослыми. Мама и поревет,
 24. и всяко-то ведь. Где же мне, ведь я не могу успеть-то за ними...
 25. **И:** Конечно.
 26. **Р:** Она говорит: «Надо ведь у тебя подкашивать». И сама с одной рукой, так и
 27. мучились. Приедем на обед: косу лозом выточить не могу, и ей некогда. Люди
 28. сядут косы-то точить, а она где-то у меня подкашивает – ей некогда, она
 29. свою-то косу лозом не выточит. Люди пошли, ведь опять косить надо. И я иду.
 30. Да мы до обеда с ней до того... Она-то ещё, а я до того свою косу затуплю,
 31. как бодогом кошу. Она уж не косит траву-то...
 32. **И:** Это горбуша-то?
 33. **Р:** Горбуша-то.
 34. **И:** А чем её точили?
 35. **Р:** Да этим же брусом, таким же брусом, что и литовку точить.
 36. **И:** Да, досталось вам.
 37. **Р:** О-о-й...
 38. **И:** С детства.
 39. **Р:** Ещё долго терпеть. Семьдесят шесть лет уже, давно бы надо умирать.
 40. **И:** Да что вы, еще не надо.
 41. **Р:** О-о, скорчилась ведь, согнуло ведь меня вдвойне. Видишь ведь,
 42. как хожу то я, не могу ходить то.

Расчленение текста интервью по эпизодам (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Строки	Обозначение эпизода	Фразы из интервью
1–2	Вступление в колхоз после других. (А)	Потом в колхоз вступили...
3–10	Работа родителей в колхозе. (В)	Отец на конюшне ухаживал за лошадьми. Мать на разных работах.
4–10	Мать с покалеченной рукой. (С)	Лошади-то возьми, да и дёрни. И руку-то у неё утянули...
11–38	Платили только за работу. (D)	Ни пенсии (Примеч.: по инвалидности), ничего ведь не было
13–16	Работа матери с покалеченной рукой. (Е)	Она косой жала, ремень приделали к черенку, этими двумя пальцами придерживает, так и жала.
16–24	Работа респондентки в 13 лет наравне со взрослыми. (F)	Тринадцати лет, вот, меня заставили со старыми (Примеч.: т. е. со взрослыми) косить.
26–31	Помощь матери в косьбе дочери. (G)	Она говорит: «Надо ведь у тебя подкашивать».
32–35	Разговор о том, чем точили горбушу. (H)	Этим же брусом, что и литовку точить.
36–42	От работы в колхозе согнуло вдвое. (I)	О-о, скорчилась, ведь вот хожу, согнуло ведь меня вдвойне.

Представим в виде числового ряда последовательность номеров строк интервью. И выделим в этом ряду линиями, соединенными углом, номера строк, соответствующие тому или иному эпизоду (рис. 4.3).

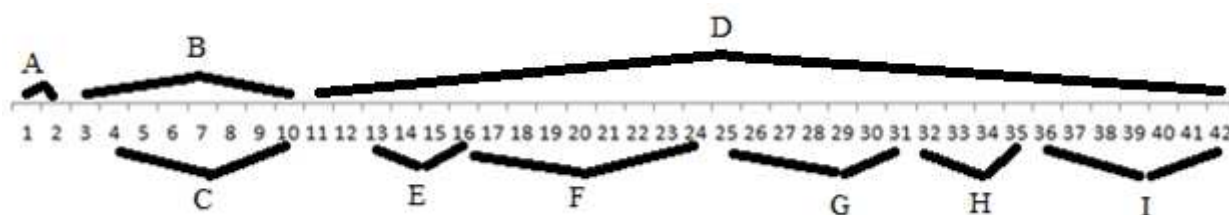

Рис. 4.3

Мы видим, что эпизод, обозначенный как **F** (строки 16–24), может быть отнесен к категории «Трудовая деятельность респондентки», но также и к категории «Детство респондентки». А эпизод, обозначенный **G** (строки 26–31), может быть на равных отнесен к названным двум категориям, кроме этого к категории «Отношения между матерью и дочерью», или «Семейные отношения».

Если же мы обратимся к различным заметкам (мемосам) по поводу этих эпизодов, то обнаружим, что они тоже могут иметь двойной, а то и тройной смысл. В результате категории, полученные на основе анализа реального интервью и заметок по поводу его отдельных эпизодов, будут накладываться друг на друга или входить друг в друга по типу матрешки. То есть мы не получим ту ясную картину, которую изображена на рис. 4.2.

Как нам представляется, решение проблемы расчленения на категории конкретного гипертекста, даже когда материал тематически накладывается друг на друга, все же возможно. Это решение отыскивается в ходе мысленного освоения всего материала «целиком и в деталях» в условиях той августиновской свободы в поле памяти, о которой мы писали в первом параграфе настоящей главы: когда исследователь может произвольно ставить перед мысленным взором в виде соответствующей страницы любой фрагмент анализируемого гипертекста. И вот тогда – на этапе произвольных комбинаций и перекомбинаций материала – может обнаружиться оптимальный способ деления данного конкретного материала на категории, который затем позволит строить теорию или значимые обобщения.

В то же время опыт показывает, что в большинстве случаев задача составления списка категорий вполне сводима к простому выстраиванию материала во временной последовательности, разделенной на вполне естественные этапы. Например, в биографических интервью (истории жизни) мы получаем объективную последовательность: детство, учеба в школе, вхождение во взрослую трудовую жизнь, создание семьи и т. д. Вышеприведенное интервью тоже можно распределить по категориям, отбрасывая какие-то эпизоды.

Эти категории будут соответствовать периодам, сменяющим друг друга во времени: голодное детство; трудовое детство; учеба на курсах животноводства ради пайка; работа в районном центре с необходимостью каждый день ходить домой за 15 километров, чтобы подоить корову, заготовить ей корма, помыться и успеть вернуться на работу к 9 утра; отказ от хорошо оплачиваемой работы в райцентре и обещанной квартиры и возвращение в колхоз ради сохранения хозяйства и т. д.

Наш опыт анализа текста интервью Л. Д. Миронова, представленного в приложении 1 книги В. В. Семеновой¹, позволил составить в качестве, как нам думается, вполне естественного список категорий, соответствующий также сменяющим друг друга во времени этапам: детство; учеба в МГУ; аспирантура; работа; период перестройки; общая оценка обстановки в стране (рис. 4.4).

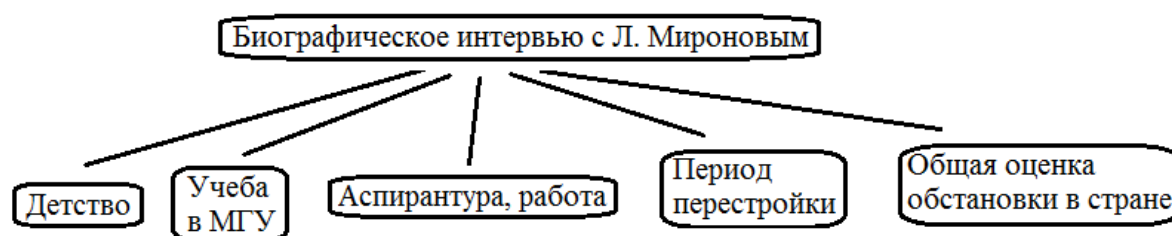

Рис. 4.4

В других ситуациях, например, в исследовании типа *oral history* тоже в большинстве случаев можно выстраивать объективную цепь сменяющихся во времени этапов и приравнивать их к соответствующим категориям.

Так, при описании того, как воспринимается событие Великорецкого крестного хода его участниками, в качестве категорий были представлены четыре темы, которым в свою очередь соответствовали четыре этапа участия в ходе:

1. Подготовка к участию в Великорецком крестном ходе.
2. Первый день Великорецкого хода.
3. Остальные дни Великорецкого хода. Празднования в с. Великорецком.
4. Возвращение. Общие впечатления².

Отметим, что не всегда категории соответствуют этапам, сменяющим друг друга во времени. Тем не менее возможно делать так, чтобы одни и те же эпизоды не включались в содержание разных категорий. Например, в исследовании влияния бабушек на будущее внуков (В. В. Семенова) в качестве категорий выступили следующие содержательные темы:

1. Функции бабушек в семье.

¹ См.: Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. Приложение 1.

² См. параграф «Устная история» третьей главы настоящей книги.

2. Уровень образования бабушки.
3. Среда выхода бабушки.
4. Успехи внука.

Ясно, что здесь эпизоды соответствующих интервью однозначно распределены между категориями.

Итак, необходимо находить способы строить категории, в содержании которых не присутствуют одни и те же эпизоды.

4. Субкатегории и кластеры. Построение мини-теории на основе одного глубинного интервью

Категории позволяют представить весь корпус текстового материала обозримым и упорядоченным. Но теперь нужно найти способ, который позволил бы от списка категорий перейти к выводам общего характера, то есть к мини-теории. Под мини-теорией мы понимаем *обобщение*, которое опирается на рассматриваемый эмпирический материал, всегда ограниченный какой-то одной стороной жизни сообщества (поэтому и идет речь о *мини-теории*), но имеющее значение, выходящее за границу данного эмпирического материала (поэтому идет речь о *мини-теории*).

Например, в параграфе, посвященном описанию кейс-стади, мы показали, что всестороннее изучение конкретного случая стрельбы работника офиса по своим сослуживцам позволяет выйти на проблему социального бесчувствия, или отчуждения, которое является более или менее типичным для современного общества.

Чтобы перейти от категорий к мини-теории, необходимо осуществить дополнительные шаги. Такими дополнительными шагами являются введение субкатегорий и объединение их в кластеры¹.

Под субкатегориями мы понимаем группы эпизодов, которые, с одной стороны, входят в качестве частей в материал *разных* категорий, а с другой стороны, связаны между собой логически, тематически или по иным основаниям. И вот эта связь позволяет субкатегории, относимые к разным категориям, соединять в кластеры. А далее на основе выявленной содержательной связи между кластерами делаются выводы общего характера, которые касаются текстового материала в целом, и той стороне жизни сообщества, которая отражена в этом текстовом материале. В результате мы получаем то, что называется в литературе мини-теорией.

Схематически введение субкатегорий и объединение их в кластеры выглядит следующим образом (рис. 4.5).

---

¹ Кластер – пучок, связка.

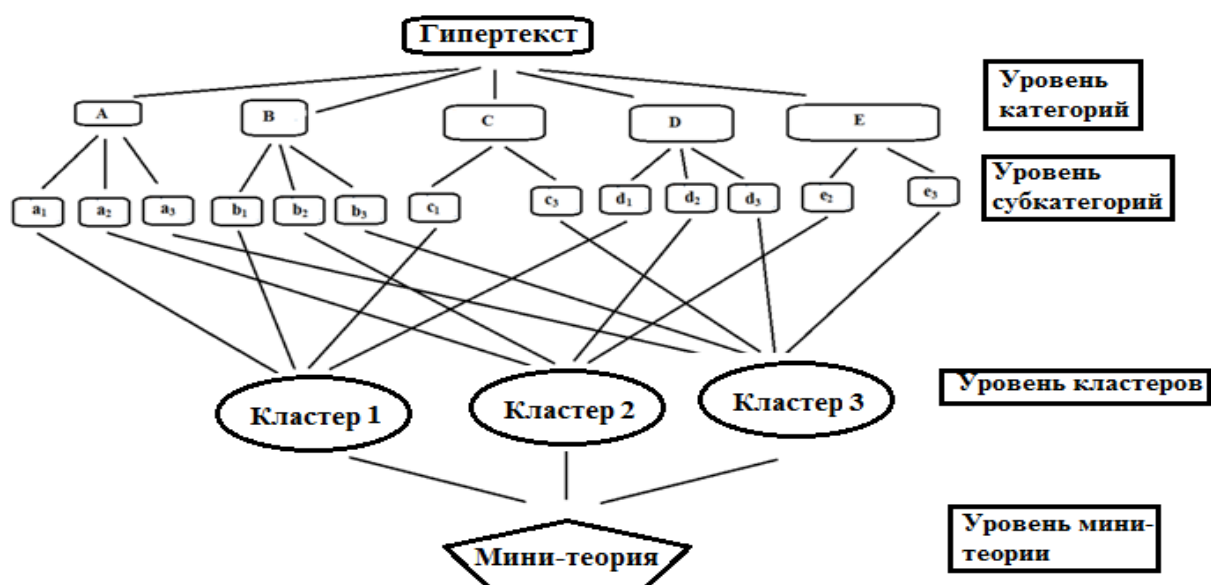

Рис. 4.5

Итак, существенным для данного шага является обнаружение связей между конкретными субкатегориями, которые относятся к разным категориям.

Поясним мысль относительно связей между субкатегориями сначала на примере из психологии. Допустим, что анализируется история жизни конкретного человека. Мы распределяем различные эпизоды его жизни между этапами: детство, юность, работа, семья и т. д. Эти этапы жизни личности мы обозначим в качестве категорий. Но так как речь идет об этапах жизни *одной и той же личности*, то на каждом этапе могут повторяться какие-то черты, характерные именно для данной личности.

Например, в детском периоде жизни мы обнаружим эпизоды, которые можно истолковать как проявление упрямства. Итак, имеем такую исходную характеристику данного человека, как упрямство. Но в следующем периоде жизни мы обнаружим эпизоды, которые можно понять как проявление настойчивости. Ясно, что упрямство и настойчивость – это разные качества. Но мы преобразуем исходное понятие «упрямство» в такое понятие, как, например, «упорство», чтобы включить в него понятие «настойчивость». То есть мы совершаем то, что выше назвали переформулированием исходной гипотезы.

В следующих периодах жизни мы найдем эпизоды, которые можно истолковать как стремление доводить начатое дело до конца. Теперь мы уже переформулируем наше понятие «упорство» таким образом, чтобы включить в него понятие «стремление доводить начатое дело до конца». И переходим к более широкому понятию, которое включает в себя все предыдущие рассмотренные понятия – к понятию «обладание характером» как противоположность понятия «бесхарактерность». Мы совершили процедуру перефор-

мулирования исходной гипотезы, описанную во втором параграфе настоящей главы.

Но сейчас для нас главным является другое. Понятия «упрямство», «настойчивость», «стремление доводить дело до конца» входят в разные категории (этапы жизни индивида), поэтому будут выступать в данном случае субкатегориями.

Обратим внимание на то, что, хотя эти субкатегории распределены между разными категориями, в то же время они являются близкими по смыслу. Учитывая эту близость, мы объединяем перечисленные субкатегории в кластер. И получаем в качестве черты, проходящей через все этапы жизни данной личности, то самое «обладание характером», которое выше определили как результат переформулирования исходной гипотезы. Получается, что кластер совпадает с гипотезой в ее окончательном виде.

Найдя в рамках каждой категории другие эпизоды, на основе которых можно снова получать близкие по смыслу понятия (субкатегории), и объединив их в новый кластер, который, кстати, будет соответствовать очередной гипотезе в ее окончательном виде, мы получим еще одну черту, существенную для данной личности.

Образовав аналогичным способом несколько кластеров, можно выявить связь уже между ними, и *вот если это удастся*, то построим в результате содержательную мини-теорию, касающуюся психологического облика данной конкретной личности.

Рассмотрим на социологическом материале, как работает данная технология построения мини-теории. Вернемся к интервью с Л. Мироновым, которое мы уже представили в виде определенного списка категорий (см. рис. 4.4). И вот получилось то, что неоднократное чтение этого интервью и многократное мысленное комбинирование и перекомбинирование эпизодов, объединенных в категории, привело к несколько неожиданному результату. Оказалось, что к каждой категории можно приписать фактически одни и те же три субкатегории: «Материальное положение», «Высокое духовное развитие» и «Критическое отношение к политическому строю». Кроме того, категория «Детство» была дополнена субкатегорией «Родители», а категория «Аспирантура, работа» – субкатегорией «История с плагиатом» (см. рис. 4.6).

Чтобы сделать схему менее громоздкой, субкатегории на рисунке обозначены цифрами: «Материальное положение» – 1; «Высокое духовное развитие» – 2; «Критическое отношение к политическому строю» – 3; «Родители» – 4; «История с плагиатом» – 5.

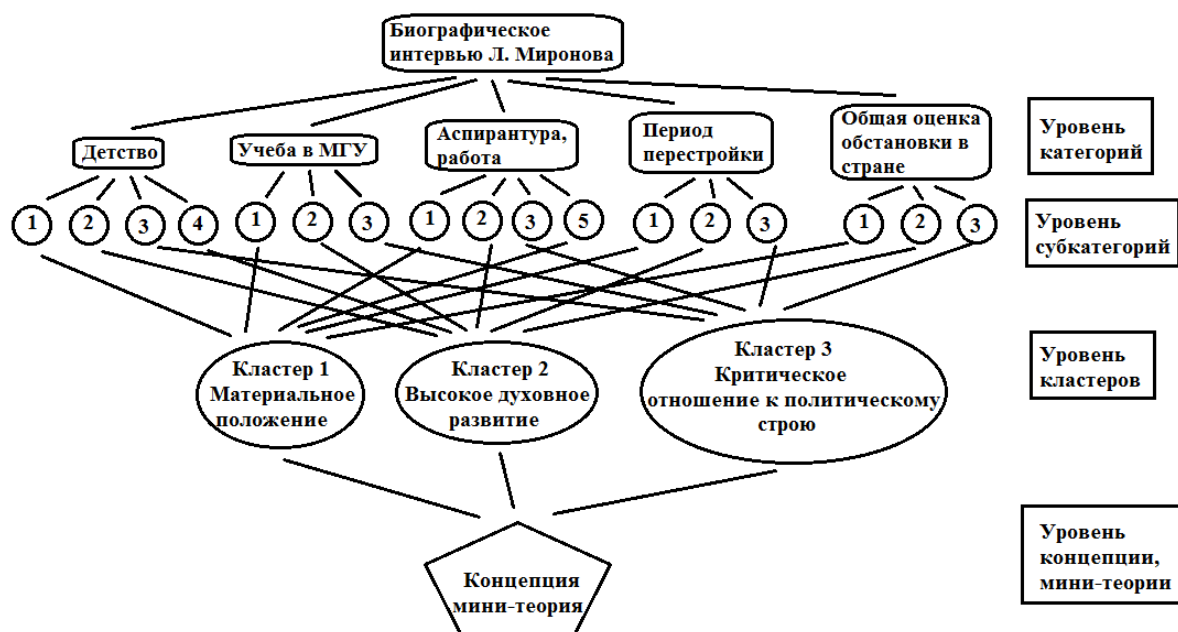

Рис. 4.6

В таком случае мы можем объединить субкатегории в три естественных кластера, которые назовем так же, как и объединяемые ими субкатегории. Первый кластер – «Материальное положение», сюда же отнесем субкатегорию «История с плагиатом» в качестве одного из факторов, повлиявших на материальное положение респондента. Второй кластер – «Высокое духовное развитие», к нему же отнесем субкатегорию «Родители» в качестве одного из несомненных факторов, повлиявших на духовное развитие респондента. Наконец, третий кластер – «Критическое отношение к политическому строю».

Посмотрим, можно ли полученные кластеры представить в контексте определенной связи общего характера. Прежде всего бросается в глаза связь между кластерами: «Высокое духовное развитие» и «Критическое отношение к политическому строю». Оба кластера можно представить в виде двух переменных, из которых второй кластер будет независимой, а третий кластер будет зависимой переменной. То есть получается связь, которая будет выглядеть следующим образом: индивид с более высоким духовным развитием чаще способен к критическому восприятию наличного политического строя¹.

Обратим внимание, что обратное положение: восприятие недостатков наличного политического строя ведет к высокому духовному развитию, – выглядит по крайней мере менее необходимым по своему характеру.

У нас остался кластер – «Материальное положение». Можно попробовать связать его со вторым и соответственно с третьим кластерами. Например:

¹ Говоря именно о более высоком духовном развитии, мы имеем в виду, что в анализируемом интервью речь идет о человеке, который действительно постоянно учился и был талантливым ученым.

– более высокое материальное благосостояние приводит к более высокому духовному развитию и соответственно к более частому обнаружению недостатков существующего политического строя;

– низкое материальное благосостояние приводит к более высокому духовному развитию и соответственно к более частому обнаружению недостатков существующего политического строя.

Но очевидно, что как первое, так и противоположное ему второе положение не носят необходимого характера.

Рассмотрим еще раз более внимательно все эпизоды интервью, которые объединяет первый кластер. И вот это более внимательное рассмотрение приводит к обнаружению того, что первый кластер можно представить в виде двух подкластеров. В первом пойдет речь о постоянном, можно сказать, привычном, впитанном с детства от родителей трудолюбии респондента. Это трудолюбие выступает лейтмотивом и в юности, и в учебе, на работе, даже при выходе на пенсию. Во втором подкластере речь идет об уровне материального благосостояния респондента. А уровень материального благосостояния, как показывает материал интервью, оказался весьма изменчивой величиной и самое главное – независимой или весьма мало зависимой от трудолюбия, которое характеризует все этапы жизни респондента (рис. 4.7).

Рис. 4.7

Раздвоение первого кластера на два подкластера позволяет сделать второй вывод общего характера: между трудолюбием и уровнем благосостояния отсутствует какая-либо однозначная корреляция, или, если выражаться языком количественной социологии, – отсутствует отношение ковариации.

Итак, на основе анализа материала интервью Л. Миронова получились следующие два вывода:

а) отсутствие устойчивой связи между трудолюбием и уровнем благосостояния;

в) наличие положительной связи (чем больше *A*, тем больше *B*) между степенью духовного развития личности и способностью к критическому восприятию наличного политического строя.

Теперь положения, соответствующие всем трем кластерам, осталось свести к искомой мини-теории, то есть к общему закону, который, конечно же, будет иметь вероятностный (но отнюдь не маловероятностный) характер. Мини-теория будет состоять в следующем положении:

– *отсутствие положительной связи между трудовым вкладом и уровнем благосостояния в сочетании с высоким духовным развитием личности приводит к критическому отношению к политическому строю*¹.

5. Построение мини-теории на основе совокупности глубинных интервью

В предыдущем параграфе мы рассмотрели пример построения мини-теории на основе анализа истории жизни одной конкретной личности. Очевидно, что личность, выступая изменяющимся и в то же время *сохраняющимся* во времени единым субъектом, обеспечивает самым фактом своего единства возможность обнаружения связи между субкатегориями разных категорий, а это позволяет строить кластеры и переходить к мини-теории.

Теперь мы рассмотрим особенности использования аналитической индукции при исследовании *совокупности* интервью различных личностей, образующих сообщество, которое, и это нужно подчеркнуть, также выступает в качестве некоторого единства².

В предыдущей главе (параграф «Устная история») мы уже попробовали посредством анализа интервью *десяти* участников Великорецкого крестного хода выстроить мини-теорию, отметив вскользь, что был использован метод аналитической индукции. Вернемся к этой ситуации, чтобы более внимательно рассмотреть ситуацию, когда речь идет о совокупности интервью.

Мы начинаем с того, что превращаем тексты *всех* интервью в совокупность эпизодов, которые затем группируем по категориям. Далее начинается переход к субкатегориям, и вот здесь происходит самое интересное.

Теперь речь идет о сообществе, члены которого при всем своем единстве образуют различающиеся по тем или иным основаниям подгруппы: мужчины и женщины, молодежь и взрослые, более образованные и менее образованные, члены с более высоким социальным статусом и более низким, новички и ветераны и т. д. Интервью этих подгрупп будут различаться по высказываниям, оценкам и интерпретациям одних и тех же событий (эпизо-

---

¹ Можно обратить внимание на расхождение между содержанием данной мини-теории, построенной на основе анализа *всего массива* интервью Л. Миронова, и выводом, сделанным на основе анализа *фрагмента* этого же интервью (См. параграф «История жизни» в 3-й главе).

² В параграфе «Этнографическое исследования» мы определили, что предметом качественной социологии являются сообщества в той мере, в какой они сами для себя устанавливают способ жизни и смысл своего существования.

дов) в рамках каждой категории. И вот этим интервью различных подгрупп сообщества мы ставим в соответствие субкатегории.

В результате в схеме аналитической индукции появляется дополнительная строка, указывающая номера интервью соответствующих подгрупп сообщества и привязанных к ним субкатегорий. Приведем еще раз схему аналитической индукции, которую мы использовали в параграфе «Устная история» (рис. 4.8).

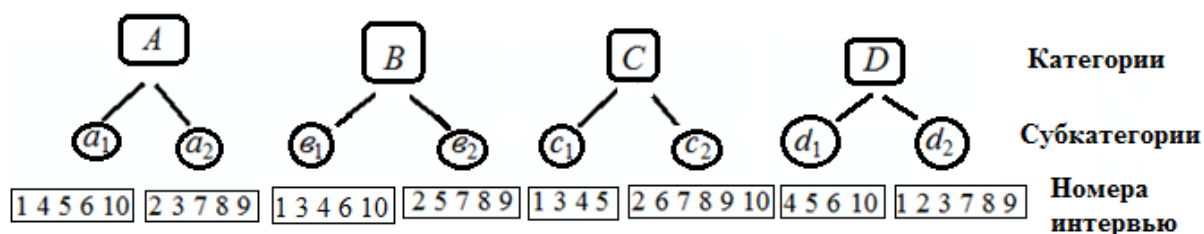

Рис. 4.8

Далее необходимо соединить субкатегории в кластеры, чтобы можно было строить мини-теорию. Для этого мы выбираем в качестве ключевой субкатегорию, выделяющую подгруппу интервью, которая отличается от других подгрупп *значимым образом* с точки зрения целей исследования¹. В исследовании интервью участников Великоорецкого крестного хода мы выделили в качестве значимой субкатегории «Идут налегке» (a₁) при категории «Подготовка к участию в Великоорецком крестном ходе». Этой субкатегории соответствуют интервью под номером 1, 4, 5, 6, 10.

Далее в один кластер объединили субкатегории с такими номерами интервью, среди которых большинство составляли номера интервью при субкатегории «Идут налегке». Подчеркнем, что речь идет хотя бы о большинстве, а не полном совпадении номеров интервью. То есть здесь присутствует вероятностная составляющая.

Например, мы соединили с субкатегорией «Идут налегке», субкатегорию «Участвуют в молебнах», потому что этой субкатегории соответствуют интервью с номерами 1, 3, 4, 6, 10, из которых 4 номера (1, 4, 6, 10), то есть 80%, совпадают с номерами интервью при субкатегории «Идут налегке».

На таких же основаниях вместе с субкатегориями «Идут налегке» и «Участвуют в молебнах» мы объединили в один кластер субкатегории «Есть расслоение между паломниками» и «Нет ощущения остроты, привыкли», так как при обеих субкатегориях все номера интервью совпали с номерами интервью при субкатегории «Идут налегке».

Во второй кластер мы объединили остальные субкатегории: «Идут не налегке», «Участвуют в молебнах изредка или вообще не участвуют», «Расслоения между паломниками нет», «Это другой мир, отдых и спокойствие».

¹ Различать подгруппы внутри сообщества, как мы уже указали, можно по самым различным основаниям — по полу, образованию и т. д. Но в каждом конкретном случае в качестве существенного выбирается именно то основание, которое диктуется целью исследования.

Здесь номера интервью при субкатегории «Идут не налегке» (2, 3, 7, 8, 9) составляют большинство среди номеров интервью при остальных трех субкатегориях.

Затем мы сравнили стаж паломников, интервью которых попали в разные кластеры, и построили мини-теорию, согласно которой с увеличением стажа участия в Великоорецком крестном ходе упрощается процесс подготовки к нему, однако более активным и сознательным становится участие в мероприятиях, общее настроение становится более привычным, ровным и одновременно более торжественным¹.

В данном случае при каждой категории были выделены лишь по две субкатегории, чтобы не слишком мельчить подгруппы респондентов. В результате образовалось два кластера. Но если бы речь шла не о 10, а, например, о 25 респондентах, то при каждой категории можно было образовать три или больше субкатегорий с соответствующими списками интервью. Тогда и кластеров можно было бы образовать больше двух, и мини-теория получилась бы более богатой по содержанию.

Чтобы подчеркнуть вероятностный характер анализа не одного, но совокупности интервью, рассмотрим пример еще одного исследования. Его предметом явилось восприятие молодыми замужними женщинами повседневной жизни их семей. Возраст женщин – от 21 до 26 лет при среднем возрасте $22,6 \pm 1,5$ года².

Всего было проведено интервью с десятью молодыми замужними женщинами³. Можно предвидеть возражение, что эти женщины не составляли какое-либо определенное сообщество знающих друг друга людей, так как интервью проводились с каждой по отдельности независимым образом.

Однако сама ситуация начала семейной жизни: рождение первого ребенка; необходимость для мужа материально обеспечивать молодую семью; вынужденная работа жены вопреки тому, что гораздо лучше было бы остаться с ребенком дома хотя бы до периода, когда можно отправить ребенка в садик; не всегда ровные отношения молодых супругов с родителями; жилищный вопрос и т. д. – объективно превращает такие семьи в сообщество в виде социального слоя с одинаковыми заботами, помыслами и проблемами⁴.

---

¹ Полный вариант получившейся мини-теории см. в параграфе «Устная история».

² В данном случае использован материал результатов исследования, проведенного Социологической лабораторией Вятского государственного гуманитарного университета. Автор исследования – А. В. Старинович.

³ Напомним слова Стейнара Квале, что обычно точке насыщения, когда последующие интервью дают мало новой информации, соответствуют от 5 до 25 интервью (15 ± 10). Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. С. 106.

⁴ Конечно, иногда молодые семьи действительно объединяются в своеобразные общины, чтобы совместно решать свои повседневные проблемы и заботы. Но в нашем случае речь идет о молодых семьях, «не знающих ничего друг о друге».

Весь материал десяти интервью был распределен между 13 категориями. Покажем сразу список категорий вместе с субкатегориями и номерами интервью, соответствующих каждой субкатегории (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Категории и субкатегории	Номера интервью
<i>А. Категория «Проведение утра»</i>	
a ₁ Утро проводят вместе	1, 2, 4, 8, 9
a ₂ Утро проводят по отдельности	3, 5, 6, 7, 10
<i>В. Категория «Время на ребенка»</i>	
b ₁ Муж практически не помогает в воспитании ребенка	3, 6, 10
b ₂ Муж помогает жене с ребенком утром	1, 2, 4, 8, 9
b ₃ Муж помогает с ребенком вечером	5, 7
<i>С. Категория «Общение с друзьями»</i>	
c ₁ Общаются с друзьями в основном по телефону, через социальные сети или во время прогулки с ребенком	2, 7, 9, 10
c ₂ Плюс к первому ездят с ребенком в гости или принимают у себя гостей	4, 6
c ₃ Есть возможность общаться с друзьями без ребенка	5, 8
<i>Д. Категория «Работа мужа»</i>	
d ₁ Мужья, просто много работающие	1, 2, 3, 4, 8, 10
d ₂ Мужья, берущие дополнительные подработки	5, 6, 7, 9
<i>Е. Категория «Магазины»</i>	
e ₁ В магазинах продукты закупает жена	1, 3, 5, 6, 10
e ₂ В магазинах продукты закупает муж	2, 8, 9
e ₃ В магазины ходят все вместе	4, 7
<i>Ф. Категория «Уборка»</i>	
f ₁ Муж пылесосит, выносит мусор, остальное делает жена	1, 4, 8
f ₂ Муж сидит с ребенком во время приборки	2, 5, 9
f ₃ Жена осуществляет приборку сама с ребенком	3, 6, 7, 10
<i>Г. Категория «Общение с мужем»</i>	
g ₁ Общение с мужем днем по телефону	3, 5, 10
g ₂ Общение с мужем – просмотр фильмов вечерами	1, 2, 4
g ₃ Нет общего времяпрепровождения	6, 7, 8, 9
<i>Н. Категория «Отношение мужа к жене»</i>	
h ₁ После рождения ребенка муж стал внимательнее к жене	4, 5, 7
h ₂ После рождения ребенка муж стал серьезнее относиться к семейным проблемам	10
h ₃ После рождения ребенка отношения изменились в худшую сторону	2, 3
h ₄ После рождения ребенка муж стал чувствовать недостаток внимания со стороны жены	8
h ₅ Ничего не изменилось	6
<i>И. Категория «Усталость»</i>	
i ₁ Жена привыкла к насыщенному ритму жизни и усталости	1, 3, 4, 5, 6, 8
i ₂ Жена испытывает дискомфорт от усталости	2, 7, 9, 10
<i>Л. Категория «Чувство заброшенности»</i>	
j ₁ Женщины, иногда испытывающие чувство заброшенности	2, 5, 6, 7
<i>К. Категория «Еще дети»</i>	

k ₁ Желание завести еще одного ребенка, когда появится возможность	2, 3, 7, 10
l _{k2} Желание завести еще одного ребенка независимо от обстоятельств	1, 4, 5, 8
k ₃ Нет желания заводить еще детей	6, 9
<i>L. Категория «Мечты и планы»</i>	
l ₁ Семьи, которые только строят планы	5, 9
l ₂ Семьи, которые только мечтают	2, 4, 8
l ₃ Семьи, которые строят планы и мечтают	1, 3, 6, 7, 10
<i>M. Категория «Квартирный вопрос»</i>	
m ₁ Свое жилье	3, 4, 8
m ₂ Съём квартиры и накопление на первоначальный взнос	2, 9, 10
m ₃ Кредит на квартиру	1, 5, 6, 7

Было выяснено, что общей чертой для *всех* 10 молодых семей является работа мужа буквально на износ с утра до вечера, включавшая плюсом различные подработки и «шабашки», см. субкатегории при категории «Работа мужа» (*D*). Дело в том, что каждая семья была вынуждена выплачивать ежемесячные взносы за кредит или ипотеку или копить деньги для улучшения жилищных условий.

«Да, у нас папа не занимается им [сыном], ему некогда. Он или спит, или подрабатывает. Сын видит его только в лежащем положении, спящим» (информант № 6).

Итак, выявилась общая для всех семей черта. И тем не менее нужно было найти какой-то водораздел между семьями. Потому что в противном случае все субкатегории соединились бы в один кластер и мини-теория состояла бы из одного положения, что во всех, по крайней мере, исследованных молодых семьях мужа вынуждены работать «на износ». Но необходимо не просто зафиксировать некое положение дел, а установить какую-то связь, например, вида «Если *A*, то *B*», а для этого нужно построить хотя бы два кластера.

И такой водораздел бы найден – среди субкатегорий категории «Квартирный вопрос» (*M*). После того, как субкатегории m₂ и m₃ при этой категории были объединены в одну группу, наметились два типа семей: первый тип – семья, *уже имеющая собственную квартиру*; второй тип – семья, *снимающая квартиру или выплачивающая за нее кредит* (ипотеку и т. п.).

Зафиксируем, что к субкатегории, соответствующей первому типу семьи, относятся интервью с номерами 3, 4 и 8. Обратим внимание на то обстоятельство, что эти три интервью от всех 10 интервью составляют долю, равную 0,3.

Далее рассуждаем следующим образом. Если при определенной субкатегории номера интервью, соответствующие первому типу семьи (3, 4, 8), составляют долю, большую 0,3 от всех номеров интервью при данной субкатегории, то такую субкатегорию с *большой вероятностью* можно отнести к кластеру первого типа семьи. Если же среди всех номеров интервью при субкатегории номера 3, 4, 8 составляют долю, меньшую 0,3, то такую субка-

тегорию с большей вероятностью можно отнести к кластеру второго типа семьи.

Итак, мы получаем коэффициент 0,3, позволяющий относить субкатегории к разным кластерам. Чтобы получить более рельефное разделение субкатегорий между семьями, увеличим этот коэффициент до 0,4 и примем, что при коэффициенте 0,33 соответствующую субкатегорию не будем относить ни к одному из кластеров.

Строим таблицу распределения субкатегорий по кластерам (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Категории и субкатегории	Номера интервью (жирным шрифтом выделены номера семей первого типа)	Коэффициент для опреде- ления кла- стера	Кластер
<i>А. Категория «Проведение утра»</i>			
a ₁ Утро проводят вместе	1, 2, 4, 8, 9	0,4 (2/5)	I
a ₂ Утро проводят по отдельности	3, 5, 6, 7, 10	0,2 (1/5)	II
<i>В. Категория «Время на ребенка»</i>			
b ₁ Муж практически не помогает в воспитании ребенка	3, 6, 10	0,33 (1/3)	–
b ₂ Муж помогает жене с ребенком утром	1, 2, 4, 8, 9	0,4 (2/5)	I
b ₃ Муж помогает с ребенком вечером	5, 7	0 (0/2)	II
<i>С. Категория «Общение с друзьями»</i>			
c ₁ Общаются с друзьями в основном по телефону, через социальные сети или во время прогулки с ребенком	2, 7, 9, 10	0 (0/4)	II
c ₂ Плюс к первому ездят с ребенком в гости или принимают у себя гостей	4, 6	0,5 (1/2)	I
c ₃ Есть возможность общаться с друзьями без ребенка	5, 8	0,5 (1/2)	I
<i>Д. Категория «Работа мужа»</i>			
d ₁ Мужья, просто много работающие	1, 2, 3, 4, 8, 10	0,5 (3/6)	I
d ₂ Мужья, берущие дополнительные подработки	5, 6, 7, 9	0 (0/4)	II
<i>Е. Категория «Магазины»</i>			
e ₁ В магазинах закупается жена	1, 3, 5, 6, 10	0,2 (1/5)	II
e ₂ В магазинах закупается муж	2, 8, 9	0,33 (1/3)	–
e ₃ В магазины ходят все вместе	4, 7	0,5 (1/2)	I
<i>Ф. Категория «Уборка»</i>			
f ₁ Муж пылесосит, выносит мусор, остальное делает жена	1, 4, 8	0,67 (2/3)	I
f ₂ Муж сидит с ребенком во время приборки	2, 5, 9	0 (0/3)	II
f ₃ Жена осуществляет приборку сама с ребенком	3, 6, 7, 10	0,25 (1/4)	II

<i>G. Категория «Общение с мужем»</i>			
g ₁ Общение с мужем днем по телефону	3, 5, 10	0,33 (1/3)	–
g ₂ Общение с мужем – просмотр фильмов вечерами	1, 2, 4	0,33 (1/3)	–
g ₃ Нет общего времяпрепровождения	6, 7, 8, 9	0,25 (1/4)	II
<i>H. Категория «Отношение мужа к жене»</i>			
h ₁ После рождения ребенка муж стал внимательнее к жене	4, 5, 7	0,33 (1/3)	–
h ₂ После рождения ребенка муж стал серьезнее относиться к семейным проблемам	10	0 (0/1)	II
h ₃ После рождения ребенка, отношения изменились в худшую сторону	2, 3	0,5 (1/2)	I
h ₄ После рождения ребенка муж стал чувствовать недостаток внимания со стороны жены	8	1 (1/1)	I
h ₅ Ничего не изменилось	6	0 (0/1)	II
<i>I. Категория «Усталость»</i>			
i ₁ Жена привыкла к насыщенному ритму жизни и усталости	1, 3, 4, 5, 6, 8	0,5 (3/6)	I
i ₂ Жена испытывает дискомфорт от усталости	2, 7, 9, 10	0 (0/5)	II
<i>J. Категория «Чувство заброшенности»</i>			
j ₁ Женщины, иногда испытывающие чувство заброшенности	2, 5, 6, 7	0 (0/4)	II
<i>K. Категория «Еще дети»</i>			
k ₁ Желание завести еще одного ребенка, когда появится возможность	2, 3, 7, 10	0,25 (2/4)	II
k ₂ Желание завести еще одного ребенка независимо от обстоятельств	1, 4, 5, 8	0,5 (2/4)	I
k ₃ Нет желания заводить еще детей	6, 9	0 (0/2)	II
<i>L. Категория «Мечты и планы»</i>			
l ₁ Семьи, которые только строят планы	5, 9	0 (0/2)	II
l ₂ Семьи, которые только мечтают	2, 4, 8	0,67 (2/3)	I
l ₃ Семьи, которые строят планы и мечтают	1, 3, 6, 7, 10	0,2 (1/5)	II

На основе полученных коэффициентов сведем субкатегории в кластеры в форме слегка отредактированных рассказов.

<p>Кластер I (первый тип семьи)</p> <p>Муж много работает, но утро проводит вместе с женой, помогает ей с ребенком утром. А также пылесосит, выносит му-</p>	<p>Кластер II (второй тип семьи)</p> <p>Муж берет дополнительные подработки, утро проводят по отдельности, нет общего времяпрепровождения. Но помогает с ребенком</p>
---	--

<p>сор, остальное делает жена, в магазины ходят вместе.</p> <p>После рождения ребенка муж стал чувствовать недостаток внимания со стороны жены, отношения изменились в худшую сторону, в то же время сохранилось желание завести еще одного ребенка независимо от обстоятельств.</p> <p>Кроме общения с друзьями по телефону, через социальные сети или во время прогулки с ребенком ездят с ребенком в гости или принимают у себя гостей. Также есть возможность общаться с друзьями без ребенка (есть с кем оставить).</p> <p>Жена привыкла к насыщенному ритму жизни и усталости. У семьи есть мечты.</p>	<p>вечером и сидит с ребенком во время приборки, но в некоторых случаях жена осуществляет приборку сама с ребенком. В магазинах закупки производит жена.</p> <p>После рождения ребенка муж стал серьезнее относиться к семейным проблемам, но в целом в отношении мужа к жене не произошло изменений. В некоторых семьях согласны завести еще одного ребенка, если появится такая возможность, а в некоторых семьях нет желания заводить еще детей.</p> <p>Общаются с друзьями в основном по телефону, через социальные сети или во время прогулки с ребенком.</p> <p>Жена испытывает дискомфорт от усталости, а иногда чувство заброшенности. Но эти семьи строят планы и мечты.</p>
--	---

Анализ содержания обоих кластеров обнаруживает противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, как в первом типе семьи, так и во втором типе мужья одинаково много работают, но, с другой стороны, перед нами два разных образа повседневной жизни. Разрешение данного противоречия может быть достигнуто через построение следующей концепции (мини-теории), учитывающей конкретное содержание конкретных интервью.

Первый тип семьи отличается тем, что семья уже имеет собственную квартиру. Поэтому дополнительная работа выбирается *свободно* и независимо от каких-либо обстоятельств, например для улучшения уже имеющихся жилищных условий или турпоездки за границу.

Эта ситуация свободы определяет относительно нормальный образ жизни данного типа семьи. Мужья воспринимают дополнительную работу как что-то личное. В силу этого и для семьи они делают нечто большее, чем только обеспечивать ее материально, и повседневная жизнь в таких семьях становится более гармоничной и благоприятной.

Второй тип семьи характеризуется отсутствием собственного жилья. Мужья работают из-за необходимости вовремя оплатить кредит за квартиру или аренду квартиры. Здесь дополнительные подработки являются *принудительными*, а не свободно избранным образом жизни.

Этой несвободе соответствует определенный стиль повседневной жизни. Мужья зарабатывают достаточно много, но хорошо семья от этого не живет, потому что большая часть денег тратится на решение жилищной проблемы. Повседневная жизнь превращается в проверку того, смогут ли совместно проживающие мужчина и женщина, общающиеся по вечерам, для которых общий ребенок является единственным связывающим элементом, сохраниться в качестве семьи.

ГЛАВА 5. ОБОСНОВАННАЯ ТЕОРИЯ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ

1. *Общие идеи обоснованной теории. Теоретическая чувствительность и техника постановки вопросов.*
2. *Этап открытого кодирования. Количественный анализ данных.*
3. *Осевое кодирование. Построение каузальной модели.*
4. *Избирательное кодирование. Момент вариативности теории.*
5. *Опыт анализа глубинного интервью методом обоснованной теории.*
6. *Интервью Валентины Петровны Безденежных.*

1. Общие идеи обоснованной теории. Теоретическая чувствительность и техника постановки вопросов

Обоснованная теория (*grounded theory*) была разработана в 1960-е годы американскими социологами Ансельмом Страуссом и Барни Глезером¹. В дальнейшем расхождения между обоими авторами привели к образованию двух школ, различающихся по методологическим и теоретико-познавательным аспектам. В настоящее время существуют различные подходы в понимании методов обоснованной теории. Мы в своем изложении идей обоснованной теории будем опираться на книгу Ансельма Страусса и Джульет Корбин «Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники» (пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001)².

Общей чертой этих подходов является то, что описывается *поведение* людей, решающих проблемы собственного бытия на основе *своего восприятия* определенных объективных обстоятельств. Ключевой, или центральной, категорией в обоснованной теории поэтому выступает субъективный образ объективных обстоятельств, то есть *феномен*.

Рассмотрим эту сторону ближе. В соответствии с феноменологической философией Эдмунда Гуссерля человек в своих действиях имеет дело непосредственно не с миром самим по себе, но с миром, с которым устанавливается связь человека в его сознании. Другими словами, человек действует в мире на основе того способа, каким этот мир им воспринимается³.

---

¹ См.: Glaser B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory. Chicago: Aldine Publishing, 1967.

² Strauss A. & Corbin J. Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publication Inc., 1998.

³ См. об этом: Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1. С. 110. Здесь уместно вспомнить хорошо известную в прежние времена ленинскую формулировку «субъективный образ объективного мира», заимствованную из философии Людвиг Фейербаха.

Своеобразие обоснованной теории состоит в том, что в рамках единого рассмотрения соединяются, с одной стороны, *объективные* обстоятельства в качестве протекающих в пространстве и во времени явлений, а с другой – действия индивидов, которые ориентируются на *восприятие* (истолкование) этих объективных обстоятельств на уровне сознания.

Рассмотрим пример анализа фразы: «Когда я испытываю (*условие*) артритную боль (*феномен*), я принимаю аспирин (*стратегия*). Спустя некоторое время я чувствую себя лучше (*следствие*)»¹. Мы видим, что прием аспирина (*стратегия*) для получения желаемых следствий, непосредственно исходит не из самого факта заболевания артритом, который есть протекание определенных органических процессов, например в суставах рук или ног. Но – из возникшего в результате этих органических процессов субъективного переживания в виде боли, то есть феномена. Именно в этом смысле феномен – как восприятие в сознании того, что функционирует независимо от сознания, – выступает в обоснованной теории, как мы в дальнейшем увидим, ключевой, или центральной, категорией для понимания поведения людей².

Другой особенностью обоснованной теории является признание первичности данных наблюдений или текстов интервью, из которых теория непосредственно «вырастает». Любые готовые объяснения и истолкования признаются лишь в качестве предварительных в том смысле, что в любой момент могут быть отброшены или перестроены, как только выяснится их расхождение с тем, что реально дано в наблюдениях или интервью. Чтобы подчеркнуть первичность того, что дано, *grounded theory* иногда переводят не только в виде русской кальки – обоснованная теория, но также как *восхождение к теории*, а также как *заземленная теория*, или *укорененная теория*³.

Весь процесс построения обоснованной теории в сжатом виде можно выразить следующим образом. В ходе анализа части данных, представляющих более или менее целостный фрагмент, обнаруживаются повторяющиеся элементы, которые группируются (кодируются) посредством общих понятий. В дальнейшем эти понятия объединяются в категории и субкатегории, выражающие свойства как объективных обстоятельств, так и их восприятия. Обращается внимание на то, что эти свойства можно так или иначе измерить. Например, ожог может захватывать площадь незначительную или об-

---

¹ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования... С. 82–83.

² Так, мы воспринимаем определенную частоту колебания электромагнитного поля, которую можно зафиксировать объективно посредством приборов, например в виде зеленого цвета, то есть в качестве феномена, а повышенную скорость движения частиц воздуха, которую тоже можно объективно измерить, – в виде ощущения тепла, то есть снова феномена.

³ См.: Ключкина О. Б. Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 96. Сравним эту особенность обоснованной теории с принципом, выдвинутым в свое время немецким философом Гегелем: если факты не соответствуют моей теории, тем хуже для фактов. Здесь же: тем хуже для теории.

ширную, соответственно боль от ожога может быть незначительной либо нестерпимой. На основе связей между измеряемыми свойствами категорий строится так называемая каузальная модель (парадигма). Эта каузальная модель дает критерий для отбора материала в остальной массе данных интервью или наблюдений, в этом состоит способ образования теоретической выборки. И если обнаруживается, что весь остальной материал так или иначе подтверждает каузальную модель, построенную на начальном этапе исследования, то теория признается вполне валидной, то есть обоснованной.

Получившиеся в ходе построения обоснованной теории результаты должны позволить выдвигать новые объяснения социальных процессов и явлений. Однако ряд авторов считают, что речь идет скорее о выработке практических рекомендаций в конкретной, достаточно узкой области явлений.

Рассмотрим две взаимосвязанные стороны обоснованной теории – *теоретическую чувствительность* и *особую технику постановки вопросов*.

Теоретическая чувствительность – это способность исследователя понимать и отделять подходящее от того, что таковым не является. Источниками теоретической чувствительности являются знание, извлеченное из соответствующей литературы, исследования документов различных видов (биографий, правительственных публикаций и пр.), а также профессиональный опыт. Это знание включается в исследовательскую ситуацию и помогает понимать увиденные и услышанные события и действия. Но обязательно нужно считаться с тем, что любые предварительные соображения, в том числе теоретические, могут препятствовать обнаружить нечто значимое в том, что выглядит обыденным и очевидным.

Источником теоретической чувствительности может быть личный опыт. Например, опыт, приобретенный в процессе развода, делает чувствительным к опыту потери, здесь появляется основа для сравнений, а это помогает рождению понятий и их связей. Однако снова следует быть осторожным, потому что опыт одного индивида не обязательно совпадет с опытом другого индивида.

Сам исследовательский процесс является дополнительным источником теоретической чувствительности. Часто новая идея или вспышка интуиции побуждают пересмотреть данные, чтобы осмыслить то, что прежде казалось не имеющим значения. И тем не менее всегда нужно быть готовым сделать шаг назад и задавать вопрос: *а все-таки, что, собственно, здесь происходит?* Действительно ли то, что я думаю и вижу, соответствует реальному положению вещей? Ведь сами по себе данные, как таковые, не лгут, но их истолкование необязательно является истинным.

Например, при изучении поведения беременных женщин с хроническими заболеваниями была сначала выдвинута гипотеза, что их действия по контролю над возникающими здесь рисками должны следовать рекомендациям профессиональной медицины. Однако выяснилось, что на самом деле беременные женщины не обязательно поступают таким образом, но часто действуют на основе своего *собственного восприятия ситуации*.

Необходимо уметь прорываться через готовые предубеждения и отбрасывать собственные, зачастую неосознанные допущения, чтобы они не вынуждали к такому прочтению данных, которое не соответствует реальности. Здесь можно использовать образ челнока, снующего между эмпирическими данными и результатом их анализа для постоянной сверки одного другим.

Итак, теоретическая чувствительность – это способность распознавать реально важное в данных вопреки всем готовым объяснениям. Первая и, возможно, самая главная техника, помогающая познавать то, что реально есть, состоит в постановке разнообразных *исследовательских вопросов* к изучаемой реальности.

Допустим, что мы изучаем поведение людей, больных артритом. Поставим вопрос: *кто обеспечивает облегчение боли людям, страдающим артритом?* Всегда ли идут на прием к доктору, в клинику, в пункт оказания скорой помощи, чтобы получить облегчение? Обеспечивают ли облегчение боли другие лица, не врачи, а, например, физиотерапевты, использующие водные процедуры или показывающие те положения и виды движений, которые уменьшают напряжение на больных участках? Можно поставить вопрос о технических специалистах, которые могли бы обучить методам биологической обратной связи для уменьшения боли. Или о духовных наставниках, которые обучили бы медитации.

Можно посмотреть новейшие формы терапии в литературе. Возможно, существуют специальные клиники или другие места, где обучают тому, как справляться с болью.

Все ли люди испытывают боль одинаково? В чем проявляются различия? Что имеется в виду, когда человек говорит, что боль интенсивная? Она более интенсивна, когда человек устал или не устал, когда расстроен или не расстроен, подавлен или не подавлен? Человек справляется с болью, жалуясь или не жалуясь, двигаясь или не двигаясь, самостоятельно получая облегчение, обращаясь за помощью куда-то еще? Как другие люди справляются со своей болью? Вот этот человек очень нуждается в облегчении или нет?

Боль сильнее утром или ночью? Более интенсивная после движения или во время движения? Лекарство принимается до движения, при первых признаках боли, или когда боль усилится? Используются ли другие методы облегчения до приема лекарства?

Что происходит, если не облегчать боль? Какое влияние это окажет на уровень активности и взгляды на жизнь? Как воспринимаются возможности лечения артрита в будущем?

Можно поставить вопросы, касающиеся категории *времени*: *частота, длительность, скорость, хронометраж*. Как часто следует облегчать боль? Каждый час, каждый день? Предсказуемы ли боль и последующее облегчение?

Как долго длится боль? И как долго длится облегчение? Имеется ли то, что в сочетании со средствами по облегчению боли продлит или сократит

болеутоляющий эффект? Насколько *быстро* или *медленно* достигается облегчение? Оно исчезает внезапно или постепенно?

Болеутоляющие средства даются в *определенное время дня*? Сколько времени должно пройти до получения следующей дозы? Если лечение включает упражнения, сколько времени это занимает?

Можно задавать вопросы *пространственного* типа: сколько места занимает специальное оборудование, является ли его хранение проблемой? Вопросы *технологического* типа: какое специальное оборудование необходимо и требуются ли специальные навыки, чтобы использовать его? Каковы размеры оборудования, стоимость, мобильность?

Получается, что необходимо размышлять намного больше, чем в самом начале исследования проблемы боли. Многие ответы на поставленные вопросы могут отсутствовать в начальных фактических данных, но благодаря этим вопросам возникает готовность улавливать намеки и больше вникать в детали при проработке следующих интервью. И если ответы не обнаружены, то можно спросить себя: «С кем можно еще поговорить, чтобы получить эти ответы?»

Ценным упражнением является анализ слова, фразы или выражения, это научит ставить вопросы о возможных значениях предполагаемых или подразумеваемых слов говорящего и тех, кто его окружает.

Считается, что люди понимают значение слов и выражений более или менее одинаково. Но спросим других людей, что означает для них, например слово «красный». Один человек скажет: «бык, помада для губ, кровь», для другого это «страсть». Для кого-то это означает любимое платье, розу, эффектный спортивный автомобиль. Оказывается, красный – это нечто гораздо большее, чем цвет. Красное обладает настроением, чувством, ощущением, текстурой, запахом, действием. Эти ассоциации происходят из значений, которые выработались за годы по личным или культурным причинам.

Мы сначала бегло просматриваем весь документ или, по крайней мере, пару страниц, затем возвращаемся к любому слову, фразе или выражению, которое было воспринято как важное или интересное. Затем составляем список всех возможных значений слова или выражения от самых вероятных до самых невероятных. Цель снова состоит в том, чтобы прорваться через готовые, напрашивающиеся допущения и раскрыть все многообразие возможных пониманий слов или выражений.

Техника сальто. Предположим, вы изучаете компьютерную индустрию, и обнаруживаете, что IBM доминирует в данной области. Вы можете поинтересоваться, что означает *доминирование* с точки зрения индустрии в целом, каковы следствия для цен и продаж конкурентов, для их защитных маневров и организации их производства? Но ответы на эти вопросы, по видимому, отсутствуют в ваших текущих данных. И вам ничего не приходит в голову.

И тут вы преодолеваете свой умственный паралич с помощью техники сальто. Для этого переворачиваете понятие доминирования с ног на голову и

представляете совсем противоположное: индустрия, в которой господствует не одна компания, но влияние или власть широко распределяется между многими субъектами, как в производстве одежды или строительной индустрии. Здесь вы проводите сравнение *крайних значений одного измерения* этой индустрии – степень доминирования: от самого высокого до нулевого. Теперь, возвращаясь к просмотру опубликованных материалов, вы с большей вероятностью заметите свойства и измерения, которые, возможно, упустили бы, если бы не сделали это небольшое упражнение.

Тактика крайних сравнений. Проводя сравнения, обычно стремятся как можно ближе держаться своей предметной области. Но допустим, необходимо поразмышлять об оборудовании для бодибилдинга. Мы решаем провести сравнение между поднятием тяжестей и... – игрой на скрипке.

Скрипачи нуждаются в оборудовании. Те, кто занимаются бодибилдингом, тоже нуждаются в оборудовании. Скрипачи могут носить свое оборудование с собой. Часть оборудования для бодибилдинга тоже можно носить с собой, другое слишком тяжело для этого, то есть речь идет об измерении степени *портативности*. Есть ли у скрипачей струны, которые могут порваться? Оборудование для бодибилдинга тоже может сломаться, итак, выделяем свойство *хрупкости*.

Оборудование, которое скрипач использует, обычно ему и принадлежит. Штангист может быть собственником своего оборудования, но может использовать и еще чье-то оборудование. Это приводит нас к свойству *собственности*, а также к постановке вопросов о том, кому принадлежит оборудование. Какого рода оборудование по поднятию тяжестей может принадлежать одному человеку? При каких условиях он может использовать его дома? При каких условиях он может пойти в гимнастический зал, чтобы воспользоваться им?

У скрипачей обычно есть учителя. У штангистов учителям соответствуют тренеры. Кто они? Какие квалификации они имеют? При каких условиях можно воспользоваться услугами тренера, а при каких условиях можно обойтись без него? Все ли нуждаются в тренере, чтобы научиться поднимать тяжести? Какие другие роли кроме демонстрации использования оборудования, выполняют тренеры?

Это использование вопросов по поводу игры на скрипке для понимания того, что происходит при занятии бодибилдингом, мы будем делать до тех пор, пока не освободимся от всего, что блокирует наше мышление, и не получим перечень свойств и измерений, которому будем следовать. Затем можно вернуться к нашим данным и делать новые открытия относительно той реальности, которая исследуется.

Размахивание красным флагом. Эта техника также предназначена для того, чтобы помочь видеть в данных не только то, что очевидно. Например, студентка изучает использование в клинике мужчин-переводчиков из Азии. Выясняется, что в некоторых случаях это является проблематичным, например когда рассматриваются гинекологические проблемы. Преподаватель за-

дает вопрос: «Эти области никогда не обсуждаются?» Студентка отвечает: «Никогда». Преподаватель начинает *изменять условия*. «Даже, когда жизнь женщины находится под угрозой, эти вопросы не будут подниматься?» «О, нет! – отвечает студентка, – они являются табу». Но известно, что все культуры имеют чувствительные области, но также и вырабатывают способы их регулирования, чтобы при определенных условиях обойти эти табу. Студентка же настолько погружена в данные, с которыми имела дело, что не ставит перед собой такого рода вопросы. И если она предпочтет и дальше принимать вроде бы очевидное, нежели сомневаться в нем, то упустит суть проблемы – каким образом в разных азиатских культурах разрешаются деликатные ситуации с использованием переводчиков.

Важно быть настороженным по отношению к таким словам и фразам: «Никогда», «Всегда», «Это невозможно сделать таким образом», «Никто не знает, каким способом это сделать», «Нет необходимости это обсуждать». Каждый раз, когда произносятся такого рода слова и фразы, необходимо размахивать красным флагом – воображаемым, конечно, чтобы привлечь внимание для более тщательного рассмотрения ситуации.

Итак, в анализ данных мы можем привносить свои предубеждения, допущения, шаблоны мышления, знания, приобретенные из личного опыта и прочитанного в книгах. Все это может способствовать либо препятствовать анализу того, что действительно есть. Техника устранения такого рода препятствий состоит в постановке вопросов, в том числе нацеленных на выяснение всего спектра значений отдельных слов или выражений; а также в процедуре сальто; в близких и крайних сравнениях; размахивании красным флагом.

Стоит вначале попрактиковаться на любом документе, даже журнальной статье, так как это психологически легче, нежели иметь дело с собственными данными. Цель состоит в том, чтобы использование этих техник стало более или менее автоматическим.

2. Этап открытого кодирования. Количественный анализ данных

Построение обоснованной теории можно представить в виде процесса, включающего три типа кодирования: открытого, осевого и избирательного, которые соответствуют разным этапам исследования¹. В то же время можно говорить об известной относительности границ между этими типами кодирования, а также условности самих этих терминов². Но общей и обязатель-

---

¹ См. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 50.

² У Барни Глезера, другого представителя обоснованной теории, избирательному кодированию в версии А. Стросса и Дж. Корбин соответствует осевое кодирование, а осевой категории соответствует ядерная категория. См.: Glaser B. G. Theoretical Sensitivity: Advances in the Methodology of Grounded Theory. Mill Valley (CA): Sociology Press, 1978. Данное замечание заимствовано из статьи И. В. Забаева «Логика анализа данных в обос-

ной чертой всех этапов построения теории является постановка *исследовательских вопросов*, о которых мы писали выше.

Рассмотрим сначала технику открытого кодирования. Для этого будем опираться на анализ ситуации в примере, который условно назовем «Дама в красном»¹.

При посещении ресторана вы, оставаясь тем не менее социологом, обращаете внимание на даму в красном, находящуюся на кухне. Вы замечаете, что она внимательно осматривает площадь кухни, и ставите исследовательский вопрос, *что она здесь делает?* Присваиваете ярлык ее занятию – *наблюдение за работой кухни*. Кто-то входит и задает ей вопрос. Она ему отвечает. Кодлируем это действие как *передачу информации*. Похоже, что дама замечает все, что происходит в ресторане, приписываем ярлык *внимательность*. Вот дама в красном к кому-то подходит и что-то ему сообщает. Спрашиваем себя о смысле происходящего и навешиваем на это действие ярлык – *передача информации*.

Находясь в центре всей деятельности ресторана, дама в красном тем не менее не нарушает ее. Приписываем этой стороне ее поведения ярлык *ненавязчивость*. Она поворачивается и быстро, но спокойно проходит в обеденный зал – *расторопность*, продолжая *наблюдать* за происходящим.

Похоже, что дама отслеживает все и всех, ясно, что речь идет о *мониторинге*. Вот она наблюдает взаимодействие официанта с клиентом – *мониторинг качества обслуживания*; наблюдает, сколько времени проходит между посадкой клиента, заказом и подачей пищи, степень удовлетворенности клиента – *мониторинг времени обслуживания*.

Официант приходит с заказом для большого вечера, женщина в красном приходит ему на помощь: *предоставление помощи*. Женщина выглядит знающей и компетентной, то есть *опытной*.

Она подходит к стене возле кухни и рассматривает что-то, похожее на перечень, присваиваем этому действию ярлык – *сбор информации*. Вместе с метрдотелем осматривает помещение в поисках свободных столиков, оценивает, на каком этапе трапезы находятся клиенты, присваиваем этому действию ярлык *обмен мнениями*.

Это наклеивание ярлыков на действия дамы в красном в виде ответов на соответствующие вопросы Ансельм Страусс и Джульет Корбин называют *открытым* кодированием, или *концептуализацией*. Речь идет не просто о записи того, что происходит непосредственно, например, видим, что дама изучает перечень на стене возле кухни, и присваиваем ярлык «изучала перечень». Но – о подведении того, что наблюдается непосредственно, под общие понятия, например «сбор информации». Чтобы в дальнейшем под это же понятие подвести и другие действия: наблюдение за происходящим, во-

---

нованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера», см.: Социология 4М. 2011. № 32. С. 124–142.

¹ См. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования... С. 54–55.

прос к одному из шефов, проверка количества чистых стаканов, вызов поставщика продуктов и т. д.¹.

В конечном счете делается вывод, что все эти общие понятия (ярлыки) так или иначе описывают деятельность по поддержанию потока работы в ресторане и вот эту деятельность можно обозначить понятием более общего уровня, то есть категорией, которая получает название *пищевой оркестровщик*.

Процитируем: «Таким образом, у нас теперь есть категория (Пищевой Оркестровщик) и две субкатегории (Типы работы по определению ценности работы (других. – М. Н.) и поддержанию ее течения; а также Условия, необходимые для того, чтобы быть хорошим Пищевым Оркестровщиком)»².

Изобразим получившееся соотношение категории, субкатегорий и понятий-ярлыков в виде рис. 5.1.

Рис. 5.1

В рассуждениях про даму в красном можно обнаружить общность с приемами аналитической индукции (см. предыдущую главу). Правда, там речь шла о приписывании заголовков более или менее законченным эпизодам *гипертекста* (совокупности интервью, мемов, дневниковых записей). Затем эти заголовки и соответствующие им эпизоды объединялись в общую категорию, которая подразделялась на субкатегории. Теперь же заголовки называются ярлыками, или понятиями, и присваиваются фрагментам не текста, но *реального поведения*, которое *наблюдается* (но могут анализироваться подобным образом и тексты интервью). Важно, что понятия тоже подводятся под общую категорию, которая в свою очередь конкретизируется через субкатегории.

Приписывание ярлыков (заголовков) и введение категорий и субкатегорий позволяет работать с текстом или с наблюдаемым поведением. Дело в

¹ Восхождение от непосредственно наблюдаемого к понятиям через «навешивание ярлыков» можно понять как процедуру, противоположную операционализации в количественной социологии.

² См. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования... С. 56.

том, что лишь то, что получило имя, можно группировать различными способами, описывать через свойства, сравнивать, измерять и т. д., держа в уме соответствующие текст или поведение. С тем, что не названо, невозможно иметь дело¹.

Страусс и Корбин пишут о том, что название категории должно быть более абстрактным, чем понятия, которыми обозначаются конкретные виды поведения. В то же время оно должно быть достаточно живым и красочным, чтобы напоминать то, к чему оно относится. Они также подчеркивают, что не стоит грузить себя на первом этапе, подыскивая более точные названия. Уточнения придут потом: «Важно назвать категорию с тем, чтобы вы могли ее запомнить, осмыслить и более всего начать аналитически разрабатывать»².

В чем состоит аналитическая разработка категории, мы рассмотрим ниже. Теперь обратим внимание на момент, который не подчеркивается или недостаточно подчеркивается при изложении метода обоснованной теории, но который, как нам представляется, является ключевым.

Скрупулезное наблюдение за поведением дамы в красном и неутомимое вопрошание по поводу того, что она делает, затем навешивание ярлыков на ее действия, подведение ярлыков под категорию и субкатегории заставляет в свою очередь поставить вопрос, а зачем, собственно, это делается?

Ведь очевидно, что речь идет всего лишь о ресторанном администраторе, отвечающем за бесперебойное обслуживание посетителей. Существует список обязанностей администратора, утвержденный вышестоящей инстанцией³. И там все расписано посредством соответствующей терминологии, более точной и общепринятой по сравнению со всеми этими самодельными ярлыками – расторопность, передача информации, предоставление помощи, пищевой оркестровщик (а почему, например, не пищевой дирижер?) и т. д. Стоит в этот список заглянуть, и обнаружится, что весь анализ деятельности дамы в красном с применением ярлыков, категорий и субкатегорий в лучшем случае продублировал то, что уже давно сделано другими людьми и более профессионально.

Однако необходимо допустить, что речь идет все же не о дублировании, а исследовании, которое должно привести к результатам, отличающимся от того, что можно узнать из официального списка обязанностей ресторанного администратора. В чем же состоит смысл такого рода исследования? Этот смысл состоит, очевидно, в познании *реального поведения людей*, которое необязательно совпадает с писаными инструкциями или готовыми объяснениями, в том числе теоретическими.

---

¹ Представляется уместной параллель с местом из Ветхого Завета, где Адам дает *имя* всему живому. См.: Бытие, 2: 19, 20.

² См.: Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования... С. 57.

³ На современном новоязе это называется списком компетентностей.

Вернемся снова к примеру об исследовании поведения женщин, чья беременность осложнена хроническими заболеваниями. Выясняется, что, когда речь заходит о приеме больших доз медикаментов, женщины «осторожно взвешивают риски и составляют свои собственные суждения о том, как правильно поступить. Если они думают, что доктор не прав, то делают то, что им (женщинам) следует делать»¹. Однако сомнительно, что в соответствующих инструкциях предусмотрены случаи, когда пациенты самостоятельно могут решать, как правильно поступить, если им кажется, что доктор не прав, да еще в таких сложных лечебных ситуациях. И тем не менее в реальности пациенты сами решают, как поступать, если действия доктора *воспринимаются* (оцениваются) ими как уязвимые для критики.

Обоснованная теория есть исследование фактического поведения людей. И обоснованность этой теории, ее *grounded*, состоит в стремлении опираться исключительно на так называемые сырые факты относительно этого фактического поведения, не нагруженные какой-либо предварительной теорией. Можно так сказать: цель состоит в том, чтобы, опираясь исключительно на то, что *есть*, строить теорию этого самого *есть*. Таким образом, мы вернулись к важнейшей теме первичности эмпирических данных, отмеченной в предыдущем параграфе.

И тогда обнаруживается (еще один пример), что в такой-то поликлинике имеется старшая сестра, которая является носителем традиций отделения. Она отвечает «за посвящение новых сотрудников в традиции, правила и стратегию отделения. Она действует как лицо, которое проводит правила в жизнь, делая замечания и выговоры всякий раз, когда замечает, что они нарушены»². Соответственно вводится термин «носитель традиции», который является, как отмечают авторы, прекрасным названием категории. Термин «наводит на размышления и суммирует все то, что сказала старшая сестра об этой медсестре»³. Понятно, что в перечне ставок и должностей поликлиники нет носителя традиции, и тем не менее есть реальный человек, который воспринимает себя и воспринимается другими в качестве носителя традиции.

Или идет речь об изучении детских игр. Происходит кодирование наблюдений, которое вводит термины «присвоение», «припрятывание», «уклонение», «отказ в поддержке». Ставится исследовательский вопрос, с каким феноменом это связано? Ответ состоит в том, что речь идет о *стратегии уклонения от дележа игрушки*. И под это уклонение от дележа игрушки, которое будет играть роль очередной категории, можно будет объединить присвоение, припрятывание и т. д., а также что-то еще, относящееся к реальному поведению детей в их играх⁴.

---

¹ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования... С. 100.

² Там же. С. 58.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 57–58.

Итак, важно различать то, что прописано в различных инструкциях (и теориях), и то, что в действительности *есть*. Это последнее – то, что действительно есть, является предметом исследования обоснованной теории. Можно провести параллель со следующим фрагментом работы «Приглашение в социологию» Питера Бергера:

«...Или возьмем пример из экономической жизни. Управляющий персоналом какого-нибудь промышленного предприятия будет с наслаждением вычерчивать вам яркие красочные схемы, которые якобы демонстрируют управление производственным процессом: здесь каждый знает свое место, каждый знает, от кого он получает распоряжения и кому должен их передавать; каждый член коллектива имеет свою, предписанную только ему роль в “великой драме” производства. В реальности же всегда все бывает иначе, и хорошие управляющие это прекрасно знают. На официальную схему организации накладывается более запутанная и едва различимая сеть межгрупповых отношений, привязанностей, предрассудков, антипатий и (что еще важнее) поведенческих кодов. В промышленной социологии накоплено множество данных о действии таких неформальных сетей, складывающихся на разных стадиях развития коллективов и либо вступающих в противоречие с официальной системой, либо подстраивающихся под нее»¹.

Эта мысль, что исследуется то, что есть, именно в том виде, в каком оно есть, была уже выделена в предыдущем параграфе. Повторим эту мысль, а для этого обратимся к фрагменту из книги А. Страусса и Дж. Корбин, где указывается, что теория «создается, развивается и верифицируется в разных условиях путем систематического сбора и анализа данных, относящихся к изучаемому феномену. <...> Нельзя начинать с теории, а затем доказывать ее. Скорее начинают с области исследования, и все, что имеет отношение к этой области, имеет шанс проявиться»².

Перейдем к особому этапу внутри открытого кодирования. Он называется *развитием категорий с точки зрения их свойств и измерений*. Это развитие категорий должно позволить обнаружить связи между категориями и субкатегориями.

В примере про даму в красном была выделена категория *пищевой оркестровщик* с двумя субкатегориями. Сосредоточимся на субкатегории, связанной с определением ценности работы других и поддержанием течения их работы. Эта субкатегория охватывает наблюдение, мониторинг, предоставление помощи и др. Каждый из этих видов деятельности обладает *свойства-*

---

¹ Бергер П. Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., 1996. С. 39. Непосредственное описание реальности, достойной анализа методом обоснованной теории см. в: Ткач О. Опыт пребывания в хирургическом отделении: лечение как испытание (эссе) // Доверие и здоровье: гендерный подход к репродуктивной медицине: сб. статей. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. (Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 18). С. 393–407.

² Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования... С. 21.

ми, которые можно *измерить*. Через выделение свойств и их измерение можно придать конкретность видам деятельности.

Рассмотрим *наблюдение*. Здесь можно поставить вопрос: Как *часто* дама в красном наблюдает *этот* зал в отличие от *другого*, и измерить это «как часто» в рамках интервала «часто – никогда». Можно поставить вопрос о *степени* наблюдения: наблюдается ли один зал больше, чем другой? Наблюдение имеет также свойство *интенсивности*: высокая или низкая, которая меняется со временем. Еще одно свойство наблюдения – *длительность*. Наблюдает ли дама в красном какой-то зал долгое или короткое время?

Передачу информации можно охарактеризовать через ее *количество*. Передается мало или много информации в каждом случае? Другое свойство передачи информации – *способ передачи*. Как это делается — письменно или устно, громко или тихо, открыто или скрыто?

Представим свойства и измерения типов работы *наблюдения* и *передачи информации* в виде следующей таблицы (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Тип работы	Свойства	Шкала измерений
Наблюдение	Частота	Часто – никогда
	Степень	Больше – меньше
	Интенсивность	Высокая – низкая
	Длительность	Продолжительная – краткая
Передача информации	Количество информации	Много – мало
	Способ передачи информации	Письменно или устно
		Громко или тихо
		Открыто или скрыто

В результате измерения свойств видов работы дамы в красном мы придали ее деятельности конкретность. И если нашей задачей было бы изучение ресторанных пищевых оркестровщиков, то мы получили бы возможность их сравнивать.

Можно подвергнуть аналогичному анализу отдельное слово в высказывании из интервью. Например, студент сообщает: «Я провожу все свое время в учебе». Обратим внимание на слово *все*, рассмотрим его в качестве ключевого в данной фразе и представим его через измерение времени учебного процесса, это время может меняться в интервале от максимума до нуля. Можно также это время конкретизировать через его свойства: количество и тип. И в этих свойствах выделить свои измерения. В результате мы снова ввели количественные измерения категорий и понятий.

Процедура открытого кодирования может выполняться разными способами. Допустим, мы имеем дело с совокупностью интервью или наблюдений и уже в первом интервью или наблюдении начинаем построчный анализ записи: рассматриваем фразу за фразой или даже слова по отдельности. Это самый детальный тип анализа и самый утомительный, но самый плодотвор-

ный. Дело в том, что категории, выявленные на этой ранней стадии, могут стать основой для анализа следующего интервью или участка наблюдения, могут дать направление дальнейшего анализа, чтобы выйти на феномены, которые охватываются данными категориями.

Кодирование можно проводить по *предложениям* или *параграфам*. Поставить вопрос о главной идее в этом предложении или параграфе вот этого интервью, полевой записи наблюдения, документа. Дать этой идее название и провести ее подробный анализ по свойствам и измерениям.

Можно рассмотреть документ (наблюдение или интервью) *целиком* и поставить вопрос: что делает этот документ таким же или отличным от предыдущего, кодирование которого уже проведено? И сравнить эти документы на предмет их подобия или различия.

При кодировании все готовые решения и ответы оставляются в стороне, потому что заранее никогда неизвестно, с чем можно столкнуться. Но эти неожиданные результаты открытого кодирования позволят по-другому посмотреть на исследуемую ситуацию.

3. Осевое кодирование. Построение каузальной модели

Осевое кодирование заключается в таком расчленении текста интервью или записи наблюдения, которое позволяет рассмотреть исследуемый феномен в рамках каузальной модели (парадигмы), или иначе – в рамках оси «причины – следствия». Феномен анализируется посредством: а) определения *условий*, или *причин*, способствующих его появлению, б) *контекста* в виде свойств феномена, определяющих в) *стратегию* действия/взаимодействия, управляющую свойствами феномена в рамках г) *промежуточных условий*, наконец, д) *следствий* стратегии действия/взаимодействия (рис. 5.2).

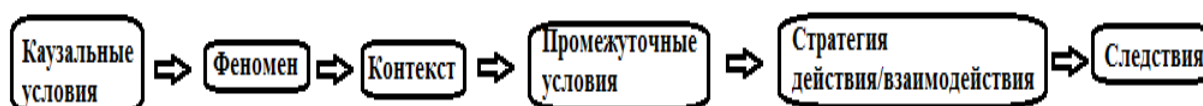

Рис. 5.2

Вернемся к фразе из интервью: «Когда я испытываю (*условие*) артритную боль (*феномен*), я принимаю аспирин (*стратегия*). Спустя некоторое время я чувствую себя лучше (*следствие*)».

В данном фрагменте присутствуют почти все элементы осевого кодирования, за исключением *контекста* феномена, который мог бы быть развернут в описание свойств боли через степень ее интенсивности, продолжительности и т. д. Отсутствует также указание на *промежуточные условия*, поддерживающие или, наоборот, ограничивающие выбранную стратегию действия/взаимодействия.

Обратим внимание на то, что каузальная модель в любом случае связывает воедино три элемента различной природы. Первым элементом явля-

ются материальные условия или причины боли, которые можно зафиксировать как нечто происходящее в пространстве и во времени. В данном случае речь идет о соответствующих органических процессах, последствия которых можно объективно обнаружить, например при помощи рентгеновских снимков. Сюда же относятся промежуточные условия, которые тоже можно зафиксировать как нечто материальное, например отсутствие или, наоборот, наличие в достаточном количестве таблеток аспирина или иных обезболивающих средств. Другой пример промежуточных условий: человек нуждается в определенном средстве лечения, которое может быть получено в отдаленном медицинском центре. Поэтому необходимо преодолеть определенное расстояние, чтобы получить средство лечения.

Вторым элементом является собственно феномен – восприятие соответствующих органических процессов *на уровне сознания* (в данном случае в виде *боли* как особого переживания), а также то, что называется контекстом в виде измеряемых свойств боли, а также следствия – облегчение боли.

Третьим элементом является стратегия действия/взаимодействия. Речь идет о поведении медицинского персонала, или родственников, или собственных действий больного по управлению болью с использованием различных средств. Этот третий элемент есть единство субъективного момента (целеполагание) и материального – конкретных действий в пространстве и во времени.

Чтобы получить более развернутое представление о соотношении элементов осевого кодирования, изобразим в виде диаграммы другой пример Страусса и Корбин¹ (рис. 5.3).

Рис. 5.3

¹ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования... С. 88.

Объективные причины, или каузальные условия, в текстах часто обозначаются терминами «когда», «в то время как», «поскольку», «потому что», «обусловлено», «по причине». Если такие указатели отсутствуют, можно обратиться к данным о событиях, предшествующих феномену.

Контекст означает определенный ряд измеряемых свойств феномена, они рассматриваются в единстве с мерами по управлению феноменом и реагированием на него, то есть со стратегией. Например, мы говорим: «При условии интенсивной боли большой длительности (*контекст*) мы принимаем такие-то меры по ее контролю (*стратегия по управлению феноменом*)»¹.

Действие/взаимодействие выполняется с целью управления феноменом (в данном случае – болью) посредством *стратегий* и *тактик*. Однако оно может быть принято для целей, не связанных с исследуемым феноменом, хотя в конечном счете может иметь следствия и для феномена.

Допустим, изучается самоуважение у детей. Ребенок проливает стакан молока на пол. Мать, только что закончившая мыть пол и уставшая, кричит на ребенка за то, что он пролил молоко. Самоуважение ребенка страдает, так как присутствуют друзья, хотя это и не входило в намерения матери².

Среди данных на стратегию указывают глаголы или причастия, ориентированные на действие. Рассмотрим текст:

«Когда происходят тяжелые конфликты среди персонала ночной смены и конфликты начинают мешать выполнению работы, тогда я прихожу ночью и в течение некоторого времени работаю с этой сменой, чтобы дать оценку происходящему»³.

Здесь идет речь о ходе работы (*феномен*), прерываемой конфликтом (*контекст*), и старшей сестре, которая приходит работать в ночную смену, чтобы оценить происходящее (*стратегические действия* в ответ на прерванный ход работы).

Верификация формулировок данными. Построив каузальную модель на основании изучения *части* документальных данных (интервью или наблюдений), переходят к рассмотрению *остальных* данных, чтобы проверить, как работает построенная модель. Отыскиваются в том числе ситуации, не подтверждающие модель. Например, в некоторых случаях люди ничего не делают и тем не менее, получают облегчение. Одни могут ждать какое-то время, а другие могут что-то делать на опережение, предчувствуя наступление боли. Иные ждут так долго, что когда начинают что-то делать, то уже не получают облегчения боли. Включение и учет этих негативных или альтернативных случаев в теорию делает ее более плотной и вариативной.

Таким образом, сравниваются случаи, взятые за основу анализа, с другими, чтобы верифицировать формулировки, принятые прежде. Происходит типичное для обоснованной теории движение от предположений к проверке и наоборот.

---

¹ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования... С. 85.

² Там же. С. 87–88.

³ Там же. С. 88–89.

Например, мы читаем в интервью: «Когда я утром встаю (*условие*) и мои суставы окостеневшие и болезненные (*феномен*), то прежде чем встать, я сажусь на край кровати и медленно и осторожно (*стратегия*) двигаю каждым суставом. Потом, когда я встаю, движение становится менее неловким и менее болезненным (*следствия*)»¹. Здесь подробно обозначены условия, стратегии и следствия. Однако то, что было выявлено в данном случае, должно быть поддержано другими данными, в которых детали могут быть различны. Например, кто-то может сказать не «Когда я утром встаю», но «Прежде чем я пойду за покупками и на большую прогулку», или не «Медленно двигаю каждым суставом», но «Принимаю аспирин, чтобы уменьшить боль».

Итак, понятия и взаимосвязи необходимо вновь и вновь верифицировать фактическими данными. И если выявленные понятия и взаимосвязи не поддерживаются, то их отбрасывают. Отбрасывается не то, что кажется недостоверным, а то, что не прошло проверку. В этом целенаправленном процессе верификации состоит одно из отличий обоснованной теории. Если же то, что вам нужно, не обнаруживается в данных, это означает, что вы не собрали достаточно информации, то есть не вышли к нужным людям, местам и т. д.; либо формулировки не вполне верны и нуждаются в приведении их в соответствие с имеющимися данными.

Использование мини-рамки. Теперь важно сохранить результаты анализа в наглядной форме, в том числе таким образом, чтобы отразить действие/взаимодействие в виде процесса, изменяющегося во времени. Одной из техник для сохранения результатов является применение *мини-рамок*. Они могут представлять весьма сложные диаграммы, в которых демонстрируются связи субкатегорий друг с другом и с категорией, к которой они относятся (табл. 5.2)².

Таблица 5.2

Фаза 1	
<i>Боль</i>	<i>Феномен</i>
Неизвестная причина, новый тип, интенсивная, краткая длительность, повторная, с довольно длинными интервалами в одной части тела	Свойства боли, определяющие контекст управления болью
Решение выждать, может быть, пройдет (на основании прошлого опыта)	Стратегия управления болью
Фаза 2	
<i>Боль возвращается</i>	<i>Феномен</i>
Те же вышеуказанные свойства	Свойства боли, определяющие контекст управления болью
Переоценка ситуации, решение принять аспирин	Стратегия управления болью

¹ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования... С. 88–89.

² Там же. С. 95.

Фаза 3	
<i>Боль возвращается снова</i>	<i>Феномен</i>
Менее интенсивная, с более длинными интервалами	Свойства боли, определяющие контекст управления болью
Оценка ситуации, принимается меньше аспирина	Стратегия управления болью
Фаза 4	
<i>Боль возвращается еще раз</i>	<i>Феномен</i>
Очень интенсивная, распространяется на другие части тела, длится дольше	Свойства боли, определяющие контекст управления болью
Снова переоценка ситуации, посещение врача, его специальная оценка, включая проверки. Операция	Стратегия управления болью

Итак, повторим, что осевое кодирование состоит в том, что каждая категория (феномен) рассматривается с точки зрения каузальных условий; а также свойств и контекста феномена; стратегий действия/взаимодействия, направленных на управление феноменом с учетом его свойств, промежуточных условий и следствий. Но можно поискать дополнительные свойства, уточняющие характеристики категории, и отмечать соответствующие измерения для каждого случая, происшествия или события.

На этапе осевого кодирования завершаются тематический анализ и развитие понятий. И если исследователем ставились лишь данные задачи, то можно считать, что построение обоснованной теории завершено, и на этом можно остановиться. Однако если предполагается дальнейшая разработка теории, то можно переходить к этапу избирательного кодирования.

4. Избирательное кодирование. Момент вариативности теории

На этапе избирательного кодирования определяются центральная категория и ее связи с остальными категориями. Далее проводится валидизация (обоснование) этих связей посредством сравнения с фактическими данными. Наконец, эти связи уточняются с учетом вариаций, присутствующих в данных.

Соответствующий ход рассуждений А. Страусс, Дж. Корбин показывают на примере исследования женщин, чья беременность осложнена хроническими болезнями.

На начальном этапе все феномены кажутся одинаково важными, поэтому необходимо задать исследовательский вопрос: что в данном случае считать главной проблемой и что представляется наиболее поразительным. Выясняется, что в качестве главной проблемы выступают способы, какими беременные женщины, стремящиеся родить здорового ребенка, управляют рисками, сопряженными с наличием у них хронических болезней. Именно эта тема управления рисками повторяется в интервью с каждой женщиной.

Выясняется, что женщины не являются пассивными реципиентами медицинской помощи. Они активно выполняют решения относительно предпри-

санных режимов, но рассуждают о том, какой вред могут нанести будущему ребенку определенные процедуры или прием больших доз медикаментов, и составляют *собственные* суждения о том, как правильно поступить. И если они приходят к выводу, что доктор не прав, то *сами* решают, что им следует делать. Отметим то, на что мы обратили внимание в начале первого параграфа: в центре исследуемой проблематики находится *восприятие* ситуации самими женщинами и их действия на основе этого восприятия.

Был выделен центральный феномен – *управление рисками*, связанными с возможностью осложнения беременности наличием хронических болезней. Теперь можно было перейти к концептуализации центрального феномена, а для этого *необходимо было подобрать ему название*. Был выбран термин «Защитное управление». Подразумевалось, что действия женщин по контролю рисков носят именно защитный характер. И действительно, не было обнаружено случаев, когда женщины не предпринимали каких-либо защитных действий.

Теперь можно связать с центральной категорией остальные категории, которые получают статус второстепенных. *Это* связывание проводится посредством каузальной парадигмы, знакомой по предыдущему параграфу: условия, контекст, стратегия, следствия. Но теперь в роли этих понятий рассматриваются второстепенные категории.

Проблема состоит в том, чтобы определить, в качестве какого элемента парадигмы выступает та или иная второстепенная категория. Упрощенно порядок второстепенных категорий выглядит таким образом: *условия* определяют *феномен*, который характеризуется *контекстом*, который, в свою очередь, с учетом *промежуточных условий*, определяет *стратегию* (действие/взаимодействие), а эта стратегия приводит к *следствию*.

Отметим важную роль промежуточных условий, их учет делает понятным, почему в одном случае выбирается одна стратегия с вот такими последствиями, а в другом случае выбирается другая стратегия с иными последствиями.

Теперь история о беременных женщинах, страдающих хроническими заболеваниями, будет выглядеть так. Наличие хронического заболевания (*условие*) изменяет характер беременности, добавляя элемент риска (*центральный феномен*). Чем серьезнее болезнь и чем труднее держать ее под контролем, тем большими являются связанные с ней риски.

Женщины оценивают уровень риска, получая информацию от докторов и медсестер, а также опираясь на собственный прошлый опыт и опыт других, связанный с болезнью и беременностью, проводят мониторинг своего самочувствия и интерпретируют движения своего плода. Женщины взвешивают риски не только для ребенка, но и для себя и других. Всю эту деятельность по определению степени риска можно определить как *контекст*.

Далее следует то, что можно подвести под категорию *стратегия*. Если женщины считают, что определенная дозировка лекарства слишком высока

или слишком низка, так что это повредит ребенку, то они либо обсуждают с медперсоналом изменение лечения, либо меняют его самостоятельно. Либо пытаются обсудить замену лечебных средств. При безуспешности переговоров женщины оставляют больницу вопреки совету медиков, чтобы спасти своих детей и самих себя.

Следующий аспект можно подвести под категорию *промежуточных условий*: женщины взвешивают риски различных режимов и средств лечения для жизнедеятельности своих семей. Ясно, например, что для женщины, уже имеющей маленьких детей, трудно отдыхать каждый день. А если некому присмотреть за ее детьми, то она вообще не сможет отдыхать. И все же фактически лечение проводится женщинами (и их супругами) дома, правда, до тех пор, пока они не станут нуждаться в госпитализации.

Если течение болезни и беременности проходит нормально и риски контролируются на должном уровне, то достигается результат – рождение здорового ребенка (*следствие*).

Иногда риски не удается сдерживать, беременность дестабилизируется из-за болезни, или болезнь вызывает акушерские осложнения. Так, один ребенок умер из-за осложнений вскоре после родов, другим детям был предоставлен интенсивный медицинский уход, и они были выписаны из больницы в хорошем состоянии.

Данное упорядочение категорий достигается в ходе длительного осмысления. Впрочем, определение места некоторых элементов является очевидным, например то, что контролирование является стратегией. Место других категорий определяются через проверку различных вариантов. Но если ситуация в целом рассказана точно и логично, то упорядочение категорий не должно вызывать принципиальных затруднений.

Запишем в сжатой форме получившиеся взаимосвязи между категориями.

В условиях беременности, осложненной хронической болезнью, женщины, чтобы родить здорового ребенка, предпринимают защитные действия для управления воспринимаемыми ими рисками через оценивание их уровня и поддержание баланса между самостоятельным выбором средств лечения и использованием совместного процесса управления процессом лечения.

Теперь эту формулировку нужно валидизировать, а для этого вернуться к уже имеющимся данным или к наблюдениям. Мы спрашиваем себя, имеет ли данная формулировка силу для *каждого* субъекта исследования, и выясняем, что каждый раз формулировка подтверждается данными.

Однако наша формулировка в данном виде пока еще не учитывает различные вариации, которые присутствуют в данных. Дело в том, что восприятие женщинами рисков на протяжении беременности зависит от обстоятельств беременности и болезни и соответственно различаются их стратегии. Поэтому важно так сгруппировать данные, чтобы можно было сказать: вот при таких-то условиях (следует их перечисление) случится это, а при других условиях произойдет вот это.

Вернемся к феномену Защитного управления. Его свойства можно представить в виде «восприятия рисков» с ранжированием от высокого до низкого, и свойства «течения беременности/болезни», которое можно ранжировать от нормального до аномального. Таким образом, получаем четыре типа контекста:

- нормальный контекст пониженного риска,
- нормальный контекст повышенного риска,
- аномальный некритический контекст,
- аномальный критический контекст.

Теперь на основе различий контекста можно более точно группировать категории. Для этого ставятся новые вопросы и проводятся новые сравнения.

В результате изложение теории Защитного управления может выглядеть в виде намеченных четырех вариантов. Рассмотрим два из них.

Нормальный контекст пониженного риска. Риски оцениваются как относительно низкие, беременность и болезнь воспринимаются нормально протекающими. Женщины чувствуют себя «здоровыми», верят, что «болезнь под контролем» и приходят к выводу, что проблема заключается в сдерживании рисков и сохранении нормального течения болезни и беременности.

Они сознают, что могут выбирать способ лечения, в частности на время даже прервать прием рискованных лекарств или снизить дозировки, решая самостоятельно, что является приемлемым для них и жизнедеятельности их семей. Женщины обсуждают с врачом сокращение дозировок медикаментов, готовы больше отдыхать, если врач считает, что это может помочь. Чтобы смягчить потенциальные страхи, женщины используют позитивное мышление и воображение, посещают предродовые лекции, придумывают имена своим детям, покупают одежду и выбирают мебель.

В некоторых случаях женщины оценивают риски выше или ниже, чем медики. Тогда их действия строятся независимо от согласия другой стороны

Если контролирующие усилия были успешными, беременность и болезнь сохраняли нормальное течение, то рождается здоровый ребенок.

Аномальное течение, некритический контекст. Риски оцениваются как высокие, болезнь или беременность протекают неудачно, налицо медицинские или акушерские осложнения. Но состояние не оценивается как критическое. Проблема видится в том, чтобы держать болезнь/беременность под контролем, вернуть ее в нормальное русло, ограничить возможные риски.

Женщины теперь вынуждены соглашаться на госпитализацию, которая часто означает риски для работы, школьного обучения имеющих детей и т. д. Приходится выбирать между благополучием ожидаемого ребенка и благополучием на работе и в семье. Хотя приоритет отдается будущему ребенку, это решение часто дается с трудом.

Если женщина не может найти никого, кто бы заботился о ее других детях, она не соглашается на госпитализацию, делая все, что необходимо, в домашних условиях. Но используется телефон, чтобы поддерживать связь с больницей.

Однако, когда совместные с врачами действия оказываются успешными и течение беременности/болезни возвращается к норме, возможность родить здорового ребенка означает *фантастическое облегчение*. Но в некоторых случаях риски, связанные с рождением ребенка, воспринимаются все же чрезмерно большими, женщинами делается выбор в пользу сохранения возможности беременности хотя бы в будущем.

5. Опыт анализа глубинного интервью методом обоснованной теории

Используем выявленные черты обоснованной теории для анализа материала глубинного интервью Валентины Петровны Безденежных, жительницы деревни Безденежные Верхошижемского района Кировской области. Интервью проведено В. В. Подрушняк в 2004 году в рамках исследований лингвистической лаборатории Вятского государственного гуманитарного университета. Полностью интервью представлено в конце настоящей главы в виде отдельного параграфа. Здесь мы разберем только отдельные фрагменты интервью, чтобы показать особенности техники анализа в обоснованной теории.

Начнем с разбора начального фрагмента, который назовем «Вступление в колхоз».

Исследователь: Валентина Петровна, вы с какого года?

Респондент: С двадцать восьмого. От отца я осталась тринадцати лет. Отца взяли на войну, когда мне исполнилось 13 лет. Он погиб в марте сорок пятого года. А брата убили в сорок третьем году...

И: До войны как вы жили? Вы помните, вот, вы маленькая ещё...

Р: А до войны-то я была малая. В тридцатые годы очень плохо жили: есть было нечего, никак. Отец ходил в Киров за хлебом пешком. Принесёт, вот, мешок за спиной. Надолго ли этого мешка: съели, опять ничего нет... Так жили... Я невелика была. Всё на окошке летом сидела. Окошко растворенное, сидела, а люди идут. Пойдут женщины на работу. Я сижу, мне, наверно, четыре года было, пятый. Мама и говорит: Валюшка, не говори, что есть хочешь, не сказывай.

Народ мимо идет и спрашивает: «Ну как, Валюшка, дела-то?» А я: «Хорошо». Они: «Есть-то хочешь поди?» Мама не велела ни в коем случае говорить. И меня когда спросят, я отвечаю: «Не, не хочу», а сама думаю: вот, я бы поела сейчас.

И: Колхоз тогда уже был?

Р: Колхозы организовывались, а отец-то у нас сразу в колхоз не ушёл... Он не сразу пошёл. И вот в самый этот период у нас голод и был, мы голодали. Наверно, мама поэтому и говорила, что ты не говори, что есть хочешь, раз не вступили в колхоз... А потом в колхоз вступили, как и все...

Будем действовать в соответствии с основным правилом обоснованной теории: ставить исследовательские вопросы к каждой фразе интервью. К первой фразе относительно гибели на фронте отца и брата, можно поставить вопрос, насколько соответствует истине то, что респондентке, когда отца

взяли на войну, было, по ее словам, 13 лет. Если мы учтем, что она родилась в 1928 году, то когда ей исполнилось 13 лет, шел 1941 год. Именно в этом году началась война, и именно тогда отца «взяли на войну». То есть сопоставление дат говорит о том, что в первой фразе речь идет об истинном положении дел.

Следующая фраза: «А до войны то я была малая. В тридцатые годы очень плохо жили: есть было нечего, никак». Можно поставить вопрос: о каком именно периоде идет речь внутри интервала 30-е годы? Если мы учтем указание на возраст респондентки ниже по тексту – «четыре года было, пятый» и ее год рождения – 1928 год, то получаем 1932 год ($1928 + 4 = 1932$). Итак, речь идет не о вообще 30-х годах, но о конкретном 1932 году. В этой же фразе говорится о том, что плохо жили, и о голоде: «есть было нечего, никак».

Можно поставить вопрос, имеется в виду голодное время вообще, то есть состояние голода было общим, или речь идет о голодном времени только для семьи респондентки? Мы читаем, что отец ходил пешком в Киров, то есть в областной центр, с мешком за хлебом. Можно принять, что речь идет об обмене вещей на хлеб. Из дальнейшего текста интервью мы можем определить, что семья респондентки жила в Верхошижемском районе. Расстояние до Кирова от этого района по современной автомобильной трассе составляет 85 км¹. Но напрямик, как скорее всего передвигались в 1932 году, было, по-видимому короче. Однако все равно пешком до Кирова должно уходить не менее двух дней. Туда и обратно занимало, следовательно, около пяти дней. Сомнительно, чтобы все население Верхошижемского района могло таким способом решать проблему голода. Скорее всего, речь идет о том, как пыталась решить проблему голода семья респондентки.

Далее идет речь о том, как девочка в четыре-пять лет сидела летом на окошке, а проходящие мимо люди спрашивали ее о том, хочет ли она есть, с уверенностью, что она действительно хочет есть. Но девочка отвечает, как велела ее мать, что есть она не хочет, думая при этом, что «вот бы поела сейчас».

Здесь можно поставить вопрос, почему проходящие мимо люди уверены, что девочка сидит голодная, и почему с ней не поделятся куском хлеба? Создается впечатление об особом статусе семьи девочки, она должна быть, по мнению людей, голодной, но ей нельзя помогать. На особый статус указывают также слова матери, чтобы дочь в свои 4–5 лет не признавалась, что она голодна: «Не говори, что есть хочешь, не сказывай».

Для ответа на вопрос об особом статусе семьи девочки, обрекавшим на голод, мы обращаемся к завершающему эпизоду анализируемого фрагмента интервью:

«Колхозы организовывались, а отец-то у нас сразу в колхоз не ушёл... Он не сразу пошёл. И вот в самый этот период у нас голод и был, мы голода-

---

¹ Согласно официальным данным.

ли. Наверно, мама поэтому и говорила, что ты не говори, что есть хочешь, раз не вступили в колхоз... А потом в колхоз вступили, как и все...»

Итак, семья голодала, потому что они были так называемыми единоличниками в то время, когда все или почти все вступили в колхоз¹.

Так как данный фрагмент не очень большой по размеру, и все, как говорится, на виду, то можно миновать этап открытого кодирования и сразу попробовать выстроить каузальную модель в соответствии с методикой осевого кодирования. Напомним, как это делается.

Текст интервью расчленяется по оси «причины – следствия». Выделяются объективные *каузальные условия*, или *причины*, способствующие возникновения феномена, далее сам *феномен*, состоящий в способе восприятия этих условий, *контекст* в виде измеряемых свойств феномена, эти свойства определяют *стратегию* действия/взаимодействия, на которую в свою очередь влияют так называемые *промежуточные условия*, наконец, указываются *следствия* стратегии действия/взаимодействия.

Очевидно, что в качестве *каузальных условий* в данном случае выступят действия государства по принуждению к вступлению в колхоз, в том числе в виде взыскания различных налогов в таких размерах, которые заведомо обрекали единоличные хозяйства на голодное существование. *Контекстом* являются измеряемые свойства феномена, на определении которого мы сосредоточимся позднее. Но очевидно, что речь идет о *крайнем* нищенском состоянии семьи, на которую указывает голод 4-летнего ребенка. Если голодает даже ребенок, не только взрослые, то дальше, как говорится, «ехать некуда». К *промежуточным условиям* можно отнести изоляцию семьи, которой было опасно помогать, потому что могли зачислить в подкулачники, в число затаившихся классовых врагов, противников линии партии и т. д.²

К *стратегии* (действию/взаимодействию) можно отнести хождение в Киров отца для обмена вещей на хлеб и попытки скрыть от окружающих бедственное положение семьи, в том числе голод ребенка, напомним слова матери: «Валюшка, не говори, что есть хочешь, не сказывай».

Наконец, к *следствиям* можно отнести вынужденное решение вступить в колхоз: «А потом в колхоз вступили, как и все».

Но что окажется в данном случае *феноменом*? Мы должны определить его, с одной стороны, в качестве способа *восприятия* респондентом объективных факторов, а с другой стороны, сформулировать это восприятие таким образом, чтобы получить ключ к пониманию других фрагментов интервью. В этом смысле способ восприятия должен выступить по отношению ко всему материалу интервью всеобщим (центральным) феноменом.

---

¹ О создании государством в начале 30-х годов невыносимых условий для единоличных хозяйств в целях принуждения к вступлению в колхозы см.: «Коренное реформирование налоговой системы в 30-е годы». URL: <http://center-yf.ru/data/nalog/Korennoe-reformirovanie-nalogovoi-sistemy-v-30-e-gody.php>, 4 марта, 2016; «Налоговая реформа СССР 30-х годов XX века». URL: <http://www.zavtrasessiya.com/index.pl?act=PRODUCT&id=1515>, 04.03.2016.

² Мы используем типичные для того времени обороты речи.

Итак, речь идет о восприятии внешних объективных условий, или субъективном образе этих условий, через который устанавливается связь сознания субъекта с внешним миром (Гуссерль)¹.

В качестве внешних условий существования семьи единоличника, очевидно, выступает политика государства, принуждающего к вступлению в колхоз под угрозой голодного существования, а также под угрозой лишения жизни посредством прямых репрессий в результате зачисления в число кулаков или просто врагов Советской власти².

Такого рода внешние условия существования могут быть восприняты только в виде не измеряемой никакой мерой силы, с которой бессмысленно вступать в диалог, с которой невозможно договориться, и которую невозможно умолить³. Таким образом, в качестве искомого феномена выступает *восприятие* государства как абсолютно неодолимой внешней силы. Строим каузальную модель (рис. 5.4).

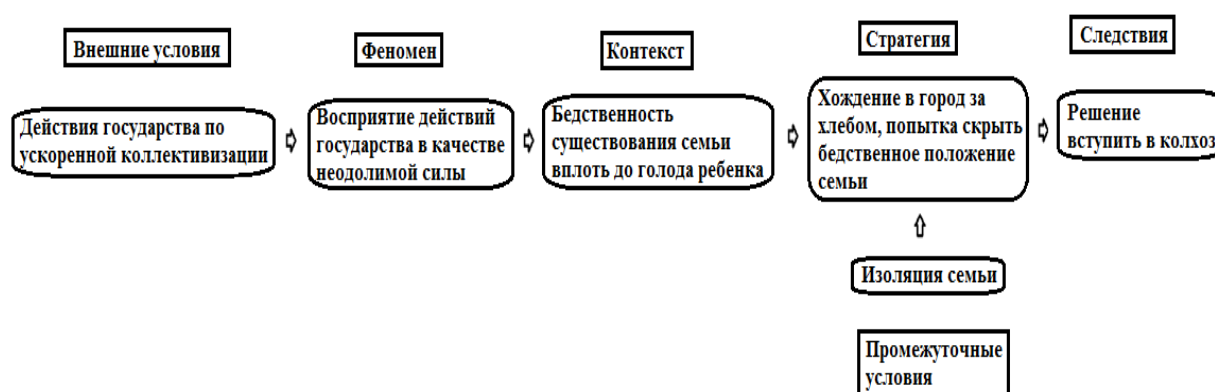

Рис. 5.4

Если мы примем данный способ восприятия государства в виде *центральной* категории, то это будет означать, что и в других фрагментах рассматриваемого интервью всякое взаимодействие с государством должно восприниматься аналогичным образом. В то же время можно допустить, что выражение «всякое взаимодействие» должно означать, что данный способ восприятия государства присутствует не только на уровне взаимодействия с государством как целым, но и, если можно так выразиться, в каких-то иных вариантах, например на уровне его средних и низовых звеньев. Интересным является то обстоятельство, что именно такого рода восприятие действий государства, в том числе его различных звеньев, мы встречаем в следующих

¹ См. начало первого параграфа настоящей главы.

² См.: «Налоговая реформа СССР 30-х годов XX века». URL: <http://www.zavtrasessiya.com/index.pl?act=PRODUCT&id=1515>, 04.03.2016.

³ В художественной литературе образ монстра, с которым невозможно вступить в какой-либо диалог, представлен в пьесе Евгения Шварца «Дракон» (1944), которая в советский период постоянно запрещалась к постановке.

фрагментах интервью. Рассмотрим под этим углом зрения фрагмент, который мы обозначим как «Работа в колхозе».

И: И родители где у вас работали? В колхозе, что делали?

Р: Отец на конюшне ухаживал за лошадьми. Мать на разных работах. Она рано осталась без руки. Раньше приводом молотили: лошади ходили кругом, молотилка была, она снопы отдавала. И остановились лошади-то на отдых. Она придумала барабаны чистить – всё оттуда вытаскивает. Лошади возьми, да и дёрни. И руку у неё утянуло. На правой руке у неё остались только два пальца, а остальные извертело. И вот так работала. Тогда ведь ни пенсии, ничего не было. Не давали, так вот и работала.

Как работали тогда? Жали серпами, косили косами-горбушам. Она косой жала, ремень приделали к ручке у серпа. На ремне этими двумя пальцами придерживает, так и жала. И ведь и косила так же плохо, конечно. Меня в тринадцать лет тоже выгнали косить. Как отца забрали на войну, что ж, ведь работать надо. Тринадцать лет меня заставили со взрослыми косить. Было две бригады, и из бригады в бригаду не смей переходить. Я была во второй бригаде, так вот чтобы тут и работала. А в первой бригаде молодежь была – ребята, ну и девчонки. А меня сразу со взрослыми и запёрли. Мама и поревет, ведь я не могу успеть за ними...

И: Конечно.

Р: Она говорит: надо ведь у тебя подкашивать. И сама с одной рукой так и мучилась. Приедем на обед: я косу лозом выточить не могу, и ей некогда. Взрослые сядут косы точить, а она у меня подкашивает, и свою-то косу не успевает лозом выточить. Люди пошли опять косить, надо ведь идти косить. И я иду. Я до того свою косу затуплю, как бодогом кошу. Она уж не косит траву-то...

И: Это горбуша-то?

Р: Горбуша.

И: Да, досталось вам.

Р: О-о-й...

И: С детства.

Р: Ещё долго терпеть. Семьдесят шесть лет уже, давно бы надо умирать. Скорчилась, согнуло ведь меня вдвойне. Видишь, как хожу, не могу ходить-то.

И: Столько было работы тяжёлой.

Р: Ведь всё ещё делаю. Бельё если выстирать, не знаю, как повесить, надо тягаться. В наклонку хожу. А нагибаться-то не могу. Ничего не даёт спина делать.

Данный фрагмент начинается с вопроса о работе родителей в колхозе, который следует сразу после слов респондентки из предыдущего фрагмента «А потом в колхоз вступили, как и все...».

О работе отца говорится коротко, что он на конюшне ухаживал за лошадьми. Ниже, в тексте интервью есть более пространные описания работы отца перед его уходом на фронт. Здесь же более или менее подробно описывается работа матери. Речь идет о том, что в колхозе она выполняла различные работы, то есть шла работать, куда пошлют. Описывается, как мать покалечила руку при работе на молотилке. Респондент подчеркивает, что «тогда ведь ни пенсии, ничего не было. Не давали, так вот и работала». По-

видимому, идет речь об отсутствии в колхозах того времени пенсий по инвалидности.

Рассмотрим более внимательно рассказ о косьбе матери и дочери. Здесь можно выделить описание того, как работала мать с искалеченной рукой: «Она косой жала, ремень приделали к ручке у серпа. На ремне этими двумя пальцами придерживает, так и жала. И ведь и косила так же плохо, конечно». Можно поставить вопрос, почему женщину с искалеченной рукой послали именно косить? Ведь очевидна низкая производительность такой работы.

Далее идет описание, как тринадцатилетнего подростка «выгнали косить», причем поставили в бригаду со взрослыми, а не в бригаду, в которой работала молодежь. И здесь тоже можно поставить вопрос, почему подростка поставили работать вместе со взрослыми?

На это вопрос предположительно можно ответить следующим образом: обеих поставили в одну, взрослую, бригаду из соображения, что мать и дочь, работая вместе, будут друг другу помогать.

Но результат этого «соображения», вполне здорового, если рассматривать абстрактно, получился страшный: «Она говорит: надо ведь у тебя подкашивать. И сама с одной рукой так и мучилась. Приедем на обед: я косу лозом выточить не могу, и ей некогда. Взрослые сядут косы точить, а она у меня подкашивает, и свою-то косу не успевает лозом выточить. Люди пошли опять косить, надо ведь идти косить. И я иду. Я до того свою косу затуплю, как бодогом кошу. Она уж не косит траву-то...»

Рассмотрим ситуацию снова по схеме каузальной модели. Есть *каузальные условия*: решение «начальства» поставить мать и дочь на косьбу вместе во взрослую бригаду. Есть *контекст* – отчаяние матери, которое можно измерить ее ревом от такого решения: «Мама и поревет, ведь я не могу успеть за ними».

В качестве *промежуточных условий* можно указать на инвалидность матери и подростковый возраст дочери. Есть *стратегия действия/взаимодействия*: помощь матери, чтобы дочь успевала выработать взрослую норму. Есть *следствие*: «До того свою косу затуплю, как бодогом кошу. Она уж не косит траву-то...», то есть следствием явилась принципиальная невозможность выработки взрослой нормы или выработка ее посредством чрезмерного труда, то есть буквально – труда, переходящего всякую меру. Есть отдаленное последствие такого безмерного труда, причем не эпизодического, а характерного для всей трудовой, в том числе взрослой жизни респондентки (см. интервью целиком). Это отдаленное последствие выражено в конце фрагмента словами: «Скорчилась, согнуло ведь меня вдвойне. Видишь, как хожу, не могу ходить-то... В наклонку хожу. А нагибаться-то не могу. Ничего не даёт спина делать».

Чтобы перейти к феномену, то есть способу восприятия (осмысления) каузальных условий, поставим напрашивающиеся вопросы: почему мать не могла обратиться к бригадиру или к другому начальству, чтобы исправить

ситуацию? Ведь вполне рациональной представляется просьба поменять работу одной из-за инвалидности и перевести другую в бригаду к тем, кто примерно ее возраста.

Но в интервью нет ни одного слова о попытке «договориться с начальством». Есть другое: «Было две бригады, и из бригады в бригаду не смей переходить. Я была во второй бригаде, так вот чтобы тут и работала».

То есть, раз уж получилось, что начальство поставило именно вот здесь, то уже не могло быть речи о пересмотре однажды принятого решения.

Мы здесь снова выходим на восприятие действий уже колхозного начальства, причем низового, в качестве неодолимой внешней силы. Можно, конечно, рассуждая абстрактно, допустить, что в случае реальной просьбы об изменении места работы с разъяснением конкретных обстоятельств дела начальство пошло бы навстречу, исходя из интересов именно дела – более высокой производительности труда как той, так и другой.

Но нам важно не то, что произошло бы, если бы обратились к начальству с такой просьбой, тут, так сказать, могли получиться разные варианты. Нам важен феномен, через который устанавливается «связь сознания субъекта с внешним миром»: восприятие принятого решения как неодолимого, отсутствия даже мысли о возможности договориться. Теперь схема каузальной модели будет выглядеть следующим образом (рис. 5.5).

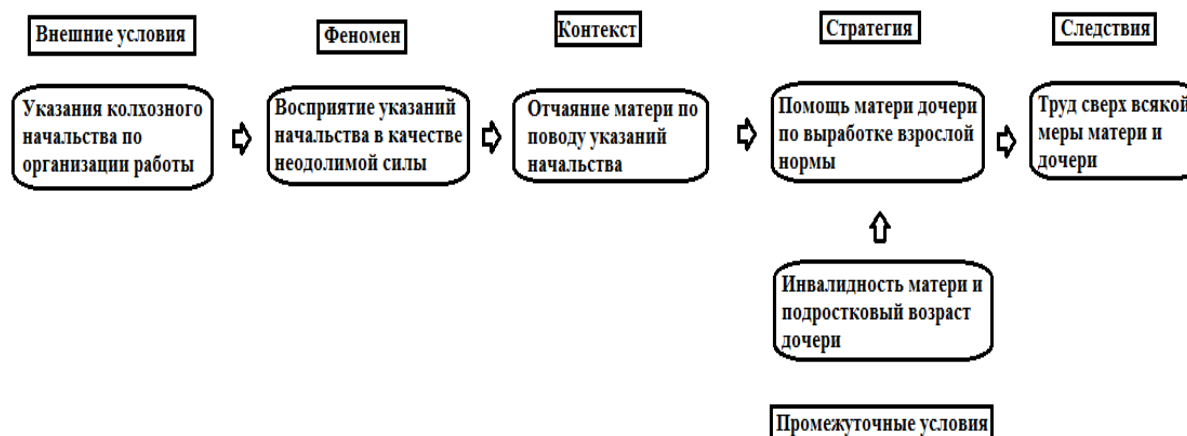

Рис. 5.5

Мы могли бы обратиться к анализу других фрагментов интервью, где идет речь о труде, и тех стратегий, которые использовались респонденткой для обеспечения своего существования. С этой точки зрения интересен фрагмент, который условно можно назвать «Работа в Верхошижемье». В этом фрагменте речь идет о работе респондентки в районном центре в качестве сначала страхового агента, а затем секретарем в Райсо¹, а после – помощником старшего экономиста в Цису². В общей сложности этот период

¹ Райсо, по-видимому, можно расшифровать как районное социальное обеспечение.

² Не удалось расшифровать название этого учреждения. Из интервью ясно, что респондентка работала в нем в конце 50-х годов.

занял в жизни респондентки 18 лет и начался после того, когда она окончила годичный курс животноводов («Там, видишь, паёк давали»), когда ей исполнилось 18 лет. Если учесть, что респондентка родилась в 1928 году, то это был 1946 год.

Респондентка, отработав в учреждении полный рабочий день, то есть до 6 часов вечера, бежала домой в деревню за 15 км (в том числе по снежной целине), чтобы заняться хозяйством (корова и т. п.) и семьей, включающей двух детей и тетку-инвалида. А к 9 часам утра она возвращалась на работу в учреждение. Ее единственное опоздание на 15 минут «склоняли» на совещаниях целый год: «Председатель Райсполкома и увидел меня в окно. Я на пятнадцать минут опаздываю, так я вот как ползла. И пришла, на мне ничёго сухого нет, хоть выжимай на мне, как выкупалась. Я ведь лезла до сих пор на четырех костях, никакой дороги ведь не было, никакой. Вот он целый год вспоминал, вот как было строго, эти пятнадцать минут мои, за эти года. Как совещание, так и вспоминает. Мария Дмитриевна, заведующая-то, у нас, ей говорил: У тебя работники опаздывают на работу».

Нашей задачей является не проведение полного анализа всего интервью, но демонстрация возможностей методов обоснованной теории. Поэтому перейдем к выводам, которые, как нам представляется, могут быть получены из анализа всего интервью при учете результатов уже проделанного разбора двух его фрагментов. Сформулируем эти выводы в общем виде.

В условиях, которые воспринимаются как абсолютное принуждение и невозможность какого-либо диалога, поведение людей характеризуется переходом к стратегии простого выживания и отсутствием целей, достижение которых способно перевести в новое, более развитое состояние.

Интересно то, что полученный вывод коррелируется с утверждением Теодора Шанина о том, что в России сложилась за многие годы масштабная и существенно важная для населения экономика выживания. Также он указывает на автономную природу экономики ежедневной жизни россиян в виде способности функционировать независимо от действий правительства¹.

6. Интервью Валентины Петровны Безденежных

Валентина Петровна Безденежных (г. р. 1928)
Кировская область, Верхошижемский район
Деревня Безденежные
Запись – В. В. Подрушняк, 2004 г.

---

¹ См.: Шанин Т. Почему до сих пор не умер русский народ. Эксплоатационные структуры и неформальная экономика современной России // Эксперт. 2000. № 1–2(213) от 17 янв.

Исследователь: Валентина Петровна, вы с какого года?

Респондент: С двадцать восьмого. От отца я осталась тринадцати лет. Отца взяли на войну, когда мне исполнилось 13 лет. Он погиб в марте сорок пятого года. А брата убили в сорок третьем году...

И: До войны как вы жили? Вы помните, вот, вы маленькая ещё...

Р: А до войны-то я была малая. В тридцатые очень плохо жили: есть было нечего, никак. Отец ходил в Киров за хлебом пешком. Принесёт, вот, мешок за спиной. Надолго ли этого мешка: съели, опять ничего нет... Так жили... Я невелика была. Всё на окошке летом сидела. Окошко растворенное, сидела, а люди идут. Пойдут женщины на работу. Я сижу, мне, наверно, четыре года было, пятый. Мама и говорит: Валюшка, не говори, что есть хочешь, не сказывай». Народ идет. Идут, спросят: «Ну как, Валюшка, дела-то?» А я: «Хорошо». Они: «Есть-то хочешь поди?» Мама не велела ни в коем случае говорить. И меня когда спросят, я отвечаю: «Не, не хочу», а сама думаю: вот, я бы поела сейчас.

И: Колхоз тогда уже был?

Р: Колхозы организовывались, а отец-то у нас сразу в колхоз-то не ушёл... Он не сразу пошёл. И вот в самый этот период у нас голод и был, мы голодали. Наверно, мама поэтому и говорила, что ты не говори, что есть хочешь, раз не вступили в колхоз... А потом в колхоз вступили, как и все...

И: И родители где у вас работали? В колхозе, что делали?

Р: Отец на конюшне ухаживал за лошадьми. Мать на разных работах. Она рано осталась без руки. Раньше приводом молотили: лошади ходили кругом, молотилка была, она снопы отдавала. И остановились лошади-то на отдых. Она придумала барабаны чистить – всё оттуда вытаскивает. Лошади возьми, да и дёрни. И руку у неё утянуло. На правой руке у неё остались только два пальца, а остальные извертело. И вот так работала. Тогда ведь ни пенсии, ничего не было. Не давали, так вот и работала.

Как работали тогда? Жали серпами, косили косами-горбушам. Она косой жала, ремень приделали к ручке у серпа. На ремне этими двумя пальцами придерживает, так и жала. И ведь и косила так же плохо, конечно. Меня в тринадцати лет тоже выгнали косить. Как отца забрали на войну, что ж, ведь работать надо. Тринадцати лет меня заставили со взрослыми косить. Было две бригады, и из бригады в бригаду не смей переходить. Я была во второй бригаде, так вот чтобы тут и работала. А в первой бригаде молодежь была – ребята, ну и девчонки. А меня сразу со взрослыми и запёрли. Мама и поревет, ведь я не могу успеть за ними...

И: Конечно.

Р: Она говорит: надо ведь у тебя подкашивать. И сама с одной рукой так и мучилась. Приедем на обед: я косу лозом выточить не могу, и ей некогда. Взрослые сядут косы точить, а она у меня подкашивает, и свою-то косу не успевает лозом выточить. Люди пошли опять косить, надо ведь идти косить. И я иду. Я до того свою косу затуплю, как бодогом кошу. Она уж не косит траву-то...

И: Это горбуша-то?

Р: Горбуша.

И: Да, досталось вам.

Р: О-о-й...

И: С детства.

Р: Ещё долго терпеть. Семьдесят шесть лет уже, давно бы надо умирать. Скорчилась, согнуло ведь меня вдвойне. Видишь, как хожу, не могу ходить-то.

И: Столько было работы тяжёлой.

Р: Ведь всё ещё делаю. Бельё если выстирать, не знаю, как повесить, надо тягаться. В наклонку хожу. А нагибаться-то не могу. Ничего не даёт спина делать.

И: А братья, сёстры у вас были?

Р: Брат был – на войне убили. Сестра умерла пяти лет, и еще брат умер – году не было, вот. Четверо нас было: мама рожала как через четыре года.

И: А где вы родились?

Р: А я жила там, на том берегу, там дом был. Он у нас сгорел в сорок четвёртом году, я обгорела.

И: Вам снова строили или где то покупали?

Р: Из другой деревни привезли старый дом. И поставили там же мы его. Колхозом помогли.

И: Ну хоть помогли, конечно.

Р: Помогли. Потом этот дом я продала. И купила другой дом. А тот дом оставила, там не было ни одного хорошего брёвна. Жила с тёткой. Мать ведь умерла у меня в пятьдесят третьем году. Я на двадцать пятом году от неё отстала. С тёткой жили, тётка была тоже инвалид. Я всё с инвалидами живу. Тётка была горбатая, у неё через всю спину горб был большой. Говорят, брат ей кулаком по спине дал, и потом стали замечать, что прибывает горб. Не лечили, сейчас бы сразу заметили.

И: То есть вы с тётушкой здесь уже жили? И здесь же замуж выходили?

Р: Нет, я из того дома выходила. В своей деревне и выходила. Но жизни не стало, видишь, он как бы ко мне приходил, не я к нему. Я к нему не пошла – у него мать была нехорошая. Он в декабре пришёл из армии, с декабря по март мы встречались. Он все: сходить-сходить. Я говорю: Не буду с тобой я сходить, не буду. Он: Из-за чего? Я говорю: Не пойду к вам жить, я знаю, мать какая. А потом он дал согласие, что ко мне пойдёт жить. Сошлись, что ж.

Но не пожилось, он загулял. Он моложе был меня на четыре года (пауза). Он меня туда звал. Я уж не скажу, что он меня бросил. Он звал: Давай, пошли жить будем, но я не пошла. Я говорю: Нет, не разлюблюсь, но жить к тебе я не пойду. Так три раза после меня женился. Ещё трёх передержал. Вот моя жизнь.

И с двадцати пяти лет сижу всё одна. Ребят у меня двое. Дочь и сын. Я уж этим довольна, что уж дети хоть у меня неплохие. И ведь парень-то вырос у меня без отца. Он остался в животе. Я не пообижусь на него. Как посмотрю, что делают сейчас, и дивлюсь. Думаю, я бы убила, к чёрту.

Как-то раз передавали по радио, что дети растут неполноценные, если нет отцов. Думаю, так я плюнула бы им в глаза. У полноценных бывают такие, что...

И: Конечно.

Р: Воспитала, говорю, без отца. Он отца то даже не знает. Сейчас врозь живем. Я на него не пообижусь, нет-нет. Вот этим только горжусь.

И: Да. Это ведь надо уметь с детьми, чтоб слушались, уважали.

Р: Вица ходила здорово. Била я, била. Он из армии пришёл, сидим за столом – собрались, я говорю: Вася, ты поди на меня обижаешься, что я тебя, ну, била, уж не отпираюсь. Он говорит: Мам, я не обижаюсь. Если бы ты меня не била, я, может, дурак-дураком бы вышел. Может быть, и в тюрьме отбывал. Ну ладно, не обижается. Нечего уж говорить, ему попадало. Хожу-хожу, расстроюсь, ну вот, на детях и изношу всё. Набью их – сама уйду, наревусь.

Думаю, зачем била, не знаю, когда и ни за что. Расстроюсь вот, уйду куда-нибудь, наревусь.

И: А одной тяжело, конечно, с детьми.

Р: Как не тяжело, воспитывала двоих. И тётка ещё со мной жила. А тётка у меня тридцать лет на ногах не ходила, ну и не работала. Вот и жила я с ними со всеми, вот так. Вот моя жизнь какая, не жизнь, а каторга. Но дочь выучилась хоть в техникуме. А сын не стал учиться. Учился на электрика год, электриком работать не стал, пошёл на тракториста учиться. Теперь и работает, вот, трактористом.

И: А вы где учились?

Р: Я сначала училась до восьми классов, восьмилетка у нас была. Девятый класс закончила в Верхошижемье, а дальше уже было не до учебы, надо одеваться и питаться. И мать меня отправила в школу животноводов на годовичные курсы в Марадыково. Там, видишь, паёк давали. Из-за чего и направили, жить-то надо.

И: Конечно.

Р: Там давали паёк – хлеба четыреста грамм. В деревне жили у одной хозяйки. Хозяйка-то больно была хорошей. Они жили хорошо, там в Марадыково, потому что около города. Держали коров, держали всё. Как праздник какой, едут в город с молоком. Молоко продадут – себе наряд девки покупают. Ходили шикарно одетые все, не как мы. А мы что, у нас ничего.

И: Ну а вы за деньги у них жили?

Р: Нет, она деньги не брала с нас. Она ещё, наоборот, ведь знает, что мы голодные. Четыреста грамм, да хлеб еще такой сырой. Мы пока идем до Марадыково-то, до квартиры, дорогой съедим его (смех)... А хозяйка жила богато. Она вдова как бы была, но богато жила. Хлеб испечет, мы придем, посмотрим: такие белые караваи, пышные, хорошие. Слюнки текут. И она нас кормила, если она испечет, обязательно. И ведь неудобно, но она ведь каждый день, давайте-давайте-давайте. Мы троё жили ещё сначала, потом двоё. Она: Давайте, девки, ещё, садитесь. Я её все вспоминаю. Всё собиралась съездить, но она умерла. Она еще при нас взяла примака (сожителя). Он очень хороший был мужик. И к нам хорошо относился.

И: Ну повезло, попали на добрых людей.

Р: Повезло. А сначала-то меня мама привела туда, в школу-то. Места нет ведь, где жить негде. В войну жизнь какая, известное дело. При школе жила уборщица. У неё троё детей, и вот, меня как бы к ней поставили. О-о-й, зашла, миленькие, в комнате все ребята на полу. Не на чем мне спать. Везде грязь. Я реветь, да реветь. Как я буду жить, запах страшный. Ребята все худые, голодные, везде напакостено. А потом девчонка из Опарино, она и говорит: А у меня хозяйка, Дуня, еще бы пустила девчонку двух. Ну и вот пошли. Пришли к ним, а она сразу нас: Давайте-давайте, девчонки, живите-живите. Мы ведь не какие-нибудь нахалы были. Люди деревенские, мы смиренные. Говорит: У меня тоже в прошлый год стояли три девчонки, пустила вот, мы до конца и жили. Больно хорошо, всё думаю: Дай ей, Бог, царства небесного. О-о-й женщина была – золото.

И: А потом приехали куда работать?

Р: Я приехала сюда. Работы нет. Ушла сначала работать в Госстрах, год там работала, в сорок шестом. Ходили тогда по деревням, давали участок. И мне дали самый дальний участок, техникум там, тридцать километров с лишним напрямую было до техникума, Пищальский лесотехникум, тридцать километров, вот, пешком ходила. Зарабатывала сто рублей, сто рублей.

И: Мало тогда было это.

Р: Конечно, как не мало, за эти-то километры надо было ходить. Мы идём, навязываем – страхуйтесь. А тогда ведь денег ни у кого нет. Сидят голодные все, холодные, как говорится. Рад бы застраховаться, да денег нет. Вот походишь-походишь ничего и не настрахуешь, а ведь платили с выручки. А где выручать-то, на чего? Вот сто

рублей. Год я поработала. Ну а потом перешла в Райсо, секретарём сначала работала. Платили двести шестьдесят рублей сначала, потом перевели меня помощником старшего экономиста. Стала я получать четыреста пятьдесят рублей.

И: А это где было, в Верхошижимье?

Р: В Верхошижимье.

И: А жили где, тоже там?

Р: Сюда ходила.

И: Ходила? Пешком, на чём?

Р: Пятнадцать лет ходила пешком. И зимой. Дороги тогда ведь не было. И за все пятнадцать лет я один раз опоздала на работу. А название тогда было Цису. И вот, Цису-то было бы внизу, а наверху Райисполком. Председатель Райисполкома и увидел меня в окно. Я на пятнадцать минут опаздываю, так я вот как ползла. И пришла, на мне ничего сухого нет, хоть выжимай на мне, как выкупалась. Я ведь лезла до сих пор на четырех костях, никакой дороги ведь не было, никакой. Вот он целый год вспоминал, вот как было строго, эти пятнадцать минут мои, за эти года. Как совещание, так и вспоминает. Мария Дмитриевна, заведующая-то, у нас, ей говорил: У тебя работники опаздывают на работу. Вот как было. А теперь посмотри! Ужас ведь это, ужас. Работают, и тут же пошли по магазинам: везде ходят, шляются, хоть бы что. А тогда разве выйдешь?

И: Может, тогда ужас был?

Р: Ну, разве посметь выйти? В магазин во время работы. Пришёл – работай, отработаешь вот всё. У нас ведь сводки одни эти составляли, шесть часов. Надо сводочки все отпечатать. В Райисполком, в отдел сельского хозяйства сдашь, тогда только домой идёшь. Вот поздним-поздно домой бежишь. Утром обратно к девяти часам... А ведь дома у меня была корова. А тётка не работала в колхозе, корову ведь мне приходилось содержать. В шесть закончу работу. Приду домой во сколько я? Скорей кусок в зубы, да в поле – солому метать, это летом. Надо ведь корма корове заготавливать. Вот до двенадцати часов намечусь так, приду – скорее в баню схожу. Ведь надо помыться, утром к девяти часам опять надо бежать. Вот так, моя жизнь. Я ведь долго зажила ещё.

И: И там пятнадцать лет вы работали, да?

Р: Больше пятнадцати лет. Вот дали квартиру, так я жила три зимы. Потом тётка у меня совсем, видишь, заболела и стряпать не могла, не то что жить. Вот я пришла домой тогда, а она и говорит: Или там рассчитывайся и иди домой, или всё ликвидируй, я уж больше не могу. Вот я пожалела сарая худого. Осталась бы, так и квартира бы была. Рассчитываться придумала. А начальник: Ну чего тебя не устраивает, квартира? Сейчас позвоню председателю Райисполкома, и в Райком позвоню, чтобы тебе квартиру дали. Я: Нет-нет не надо, вот дура. Была бы и с квартирой, может, и работала бы. Но как это, корову жалко ликвидировать. И было дом жалко, вот и вернулась домой.

И: И где здесь работали?

Р: И телятницей поработала, и дояркой, и осеменатором. Двенадцать лет учетчиком тракторной бригады проработала, по полям бегала. Сын женился, ребёночек родился, а ведь ясель не было... Сноха говорит, на работу мне надо. Молодые ведь, и одеться охота и всё. Ну вот, я ушла техслужащей библиотеки, а она в клуб. Вот нянчила, значит, утром схожу, исправлюсь. Корову держала. И отвожусь. С обеда опять прибегу, постряпаю. Она ведь работала до двенадцати часов в клубе, каждый день ходила. И вот я до двенадцати часов там сижу, в двенадцать домой иду. И так десять лет! Какой десять, больше. Я девять лет только на пенсии проработала, и много рабо-

тала после этого. Пенсию-то маленькую заработала. Люди заработали пенсию, а у меня и её нет. Жила всю жизнь плохо и под старость плохо. Никакого счастья уж нет. Говорят, что за работу в войну прибавят. Мы ведь в войну работали, с двенадцати лет всё в работе. Ничего нет нашему брату.

Вот животноводы зарабатывали. Вот тут я с одной разговаривала. Так она получает вон насколько больше – около двух тысяч, а я полторы. Пошла в Райсобес, а там говорят, что коэффициент какой-то у меня не подходит, вот тебе и всё. Я говорю, не за коэффициенты работала. Пятьдесят лет отработала, за чего?

Здоровье-то не сберегла своё, теперь и хожу, нагибаюсь. Так жить-то, хоть бы до смерти-то на своих, а если еще слягу. Зять приезжал, я говорю: Пойду проситься в престарелый дом. Он говорит: С ума сошла? Я говорю: Не сошла, в самом деле намерена.

У дочери и сына квартиры. Две зимы жила у дочери: квартирки маленькие, двухкомнатные. Я ведь старуха, у них ведь молодые. Где-то, как говорится, то – другое, где-то неладно, в общей-то комнате. Я говорю, вот была бы малюсенькая комнатка. Отдельно бы, зашёл, чтоб всё твоё тут. Мне, говорю, только кровать, да стол, да стул.

Они уж, конечно, не обижают. Ведь я сама понимаю, я-то пока в сознании. Что неудобно всё же, что не говори. Где-то надо мне натереться, где-то что-то, все равно запах ведь. Я только этого не хочу. Лучше бы в престарелый бы дом уйти. Чтобы им не мешать. У сына тоже квартира, да и та тоже малюсенькая ...

И: А печка-то какая у вас интересная, это вот как называется?

Р: Так это маленькая печка.

И: А здесь плита или нет?

Р: Плита-плита.

И: А вы когда ею пользуетесь, этой печкой?

Р: А я всё, каждый год пользуюсь.

И: Зимой, да?

Р: Зимой.

И: А летом?

Р: Летом не надо.

И: Нет, и готовите на плите что-нибудь?

Р: Зимой готовлю всё. Если б не эта печка... Зимой утром встаю, так семь-восемь градусов. Всё ведь худое, гнилое. Столько дому, это ведь подумать. Это ведь, сказать, двести с лишним лет. Зайдешь ведь в избу, ведь слышно, что все гниёт, всё преет, запах какой противный.

И: А отремонтировать то можно?

Р: О-ой, где же деньги?

И: Тут уже, наверно, ничего не получится.

Р: Всё уж сгнило там, теперь уж все углы: всё сгнило. Да и печь: поспать – не поспишь. На неё уж лезти-то страшно. Она тоже чуть жива, провалиться можно в печь (смех). В печь попадешь.

И: А это вот, как бы, красный угол называли у вас?

Р: Что?

И: Вот красный угол в избе был? Ну, где иконы были?

Р: А иконы, иконы вот всё на этом месте.

И: Ну не называли красный-то угол?

Р: Нет, не называли.

И: А прихожая какая-нибудь там или когда заходишь в избу сразу?

Р: Так вот сразу, вот так и есть. Ничего нет больше. А там кухня.

И: А вот там во дворе, где была скотина, где сено, как вы это всё называли? Двор или как?

Р: Двор, хлев, двор был. Вот там сзади хлев, а тут, вот, двор. А это сеновал наверху.

И: А вот раньше всё своими руками делали и обувь и одежду, и посуду. Или вы уже покупали?

Р: Нет, всё покупали. Я уже ничего не делала.

И: Ну а летом, наверно, грибы ели?

Р: Летом... За грибами, вот сейчас, есть время ходить. А тогда ведь, за грибами некогда было ходить. На работе всё. Вот я помню, мы с мамой один раз собрались за грибами... Лён слали, раньше лён слали. И где-то времени, не знаю, около шести вечера, она и говорит: Валь, сходим за грибами? Здесь недалеко у нас – Казенщина.

И: Казенщина, это что такое?

Р: Казенщина, назывался так лес у нас. Ну вот, пошли мы с ней, а как раз это в войну дело было. В сорок втором или в сорок первом ли году? Нет, наверно, в сорок втором. Ну и вот, пошли туда вечером. Походили мало, она мне и говорит: Ты постой здесь, а я зайду вот в эти кусты ещё. Может, что есть. Я остановилась, стою. Гляжу, а сзади меня мужик лежит. И костер у него. Тогда много этих жуликов бегало. А мама выходит. Она говорит: Валь! Я оглянулась. Если бы ещё шагнула, ему на ноги бы наступила. Вот как сейчас помню, мужчина он такой большой...

И: Дезертир что ли?

Р: Конечно.

И: Много было дезертиров?

Р: Ой, бегало тогда больно много. Ну и вот, рубаха на нём портяная, в полоску. И штаны такие, ведь, раньше всё была самотканина. Темно-зеленые на нем они были. Мама закричала: Петя, Гришка, Мишка! Как будто кто-то есть, а никого, ведь, не было. А как пойдём домой, ничего то нет? И только мы отошли в сторону, они закашляли. Он не спал же. Мама, когда вышли на поле, говорит: Валь, ты Валь! Как ты так? Ты ведь могла ему прямо на ноги наступить, ведь только бы попятилась. О-ой... Испугались так, какие тут теперь грибы! Убежали домой без оглядки.

А волков сколько страшно много было. Овец задирали. Ещё в сорок первом году, где-то в начале, отец был не взят еще (на фронт). В лесу они работали. А у нас овечки были, а их гоняли всё там, просеком называлось у нас. И туда в просек гоняли, гонят туда, там было загорожено. Мама сходила туда – волк овечку поцарапал всю, да и барана. Ну, а мужики пилили... Раньше дроги назывались, вот жерди возили на дрогах. Они уехали заготавливать... Меня мама и послала: Пойди за отцом! А я и не знаю, где и чего. Я даже представления не имела, куда бежать. Мама говорит: Скажи, чтобы домой скорей ехал, надо овечку прирезать скорей. Подохнет (умрет) ведь, исцарапал здорово он её. Я бегу, кричу: Тятя. Раньше, ведь, тятей звали. Папой, ведь, не звали. Слышно, они рубят. Отдаётся в одной стороне, а я бегу совсем в другую сторону. Кричу только, а ведь плохо слышно. Всё кричу: Тять! А сама всё от них дальше, да дальше. Потом они всё же слышали. Ну и он встретил меня. Встретил и посадил на дроги, и поехали домой. Домой приехал, маму заругал: девку, ребенка посылаешь куда? Теперь ведь столько непонятных всяких в лесу. И одну послала, а она ничего и не знает. А ты, вот так вот, сделала.

И: Ну, слава Богу, повезло.

Р: Ага. А едем, опять это... У отца сестра за грибами ходила. И бежит она бегом, а тогда, ведь, у нас была изгородь там. Через изгородь. А изгородь была ёлками загорожена. Она через эти ёлки все себе ноги исцарапала. А за ней, опять вот, жулик

гнался. И вот она, ладно, увидела нас, перескочила, выбежала к нам. Вся в крови, все ноги об ёлки себе ободрала, когда перелазила. О-ой, о-ой, о-ой. Отец и говорит: Вот видишь, ведь, как. А ты послала ребенка. Она бы, ведь, перепугалась насмерть. О-ой, много шлялось всяких. Страшно...

И: Ну все равно их, наверно, ловили же ведь, искали? Милиция или нет?

Р: Да нет, больно-то.

И: Не до них уже было?

Р: Не до них. Никто и внимания не обращал. Так они, шляются и шляются...

И: Это, в начале войны, да?

Р: Да-да, в начале войны. Много их было.

И: Местные что ли, или просто даже и не местные?

Р: О-ой, не знаю. Не местные, всякие шлялись. Было очень много их.

И: А вот вы когда с бабушкой-то жили, вы говорили про то, как одевались. Про лапти ещё хотели рассказать.

Р: Она у нас плела лапти. В дефиците раньше было это. Она плела больно красивые лапти. Лапти всем сплетёт. А мы сами всё заготавливали. Ездили в лес, рубили липу.

И: У вас тут растёт липа, да?

Р: Она далеко, близко-то не растёт. В дальний бор ездили тогда. И вот, нарубят этих виц этих, лутошек. Потом в печь бросают, распаривают. Потом сдирают это – лыко называется. И вот из этого и делают лапти. Вот бабка-то лапти красивые плела.

И: М-м, и продавали их, да?

Р: И продавали, да. Лапти продавали, да.

И: А это руками просто всё плели? Без инструментов?

Р: Всё руками, руками. Всё руками. Всё делали руками, плели...

И: Ну, и они прочные были, да?

Р: Прочные.

И: Надолго ли хватало лаптей?

Р: Смотря где работаешь. Но новых лаптей, пожалуй, мы и не видали. Старьё вот только, ведь надо деньги. Как наплетёт, так продаст. А нам уж старенькие какие-нибудь. Помню, только в пятом классе когда училась, вот тогда мне новые лапти сплели. Поехали мы тогда, это на выпускной. На праздник, вот новые лапти тогда были. А веревки больно плохие были, ведь верёвками завязывали.

И: Верёвки льняные?

Р: Ну, льняные и всякие. Ну и вот, тоже эти верёвки не очень уж прочные были. Поехали, а тогда на лошадях ездили, в Касино поехали. Ну и вот, а много тогда нас было, много молодёжи. Парни, что, дуреть надо им. Выбросят нас из саней и в снег затопчут, всё дурели. У меня все верёвки оборвали у лаптей-то. Как раз я училась в пятом классе, отличницей была, премии давали. Вызвали на сцену, на трибуну получать премию. Платье сатиновое, такое вот цветное, теперь бы на наволочки только. Тогда, о-ой, радости-то сколько было. Главное дело, сатину на платье дали. И вот, на сцену я вышла, всё вспоминаю, что у меня и портянки-то съехали. Верёвки то плохие. Привезла платье, так у мамы радости-то было, что дочь получила сатин на платье. А ездила тогда в платье, ну, самотканина, вот тоненькое такое. Раньше было отрепьи, волокно. Из волокна тоненькое платье и выткано было, в зелёную клеточку. Это платье у меня пимокаты сожгли. Раньше ходили по домам валенки катали. Пимокаты ходили.

И: И они тут же у вас и катают?

Р: И у они тут же у нас и живут. Катают валенки.

И: А они зимой приходили?

Р: Зимой, зимой. Я тогда пришла, помню, разделась, и платье положила на брус, тогда там у нас палатки были ещё. Они на палатках спали, а я на печи, тут. И платье, вот, на брусок положила, а они ночью закурили, значит. И попало на платье, и выжгло. О-ой, рёву-то было. Самое лучшее платье моё сожгли. Вот как жили. В портянине, вот в этой, всё ходили.

И: А сейчас эта, портянина, знаете, сколько стоит? Сейчас ценится это все...

Научное издание

Ненашев Михаил Иванович

Методы исследования в качественной социологии

Редактор *Т. Н. Котельникова*
Компьютерная верстка *К. А. Ашихминой*
Дизайн обложки *А. А. Харунжевой*

Подписано в печать 14.03.2016 г.
Формат 60х84/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,5.
Тираж 600 экз.
Заказ № 34.

ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»,
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48, т. (8332) 262-390
www.raduga-press.ru
E-mail: raduga-press@list.ru

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»
610002, г. Киров, ул. Ленина, 83
(8332) 262-390